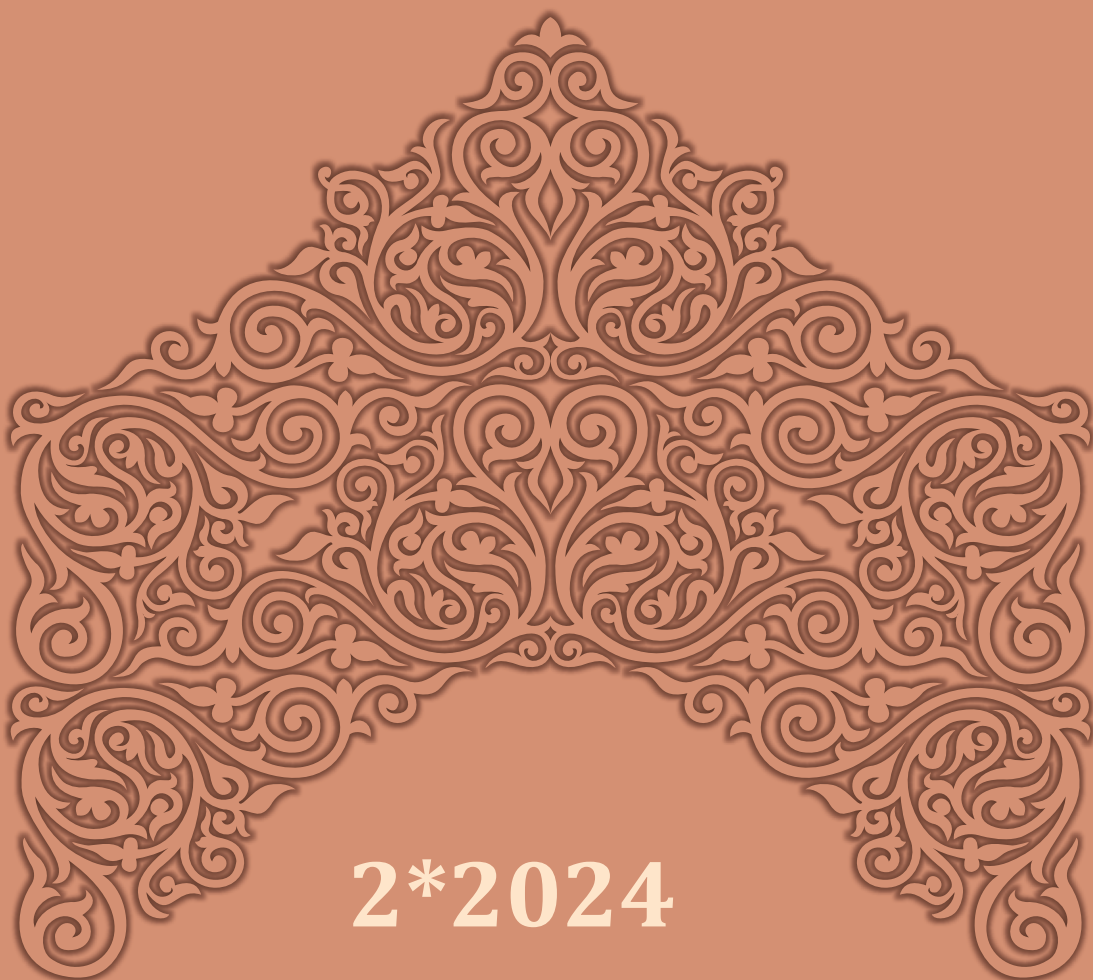

ISSN 2618-9623

Төбәк тарихы буенча журнал
Краеведческий журнал

Туган эҗир

Родной край

2*2024

ЗНАКИ ОРХОНСКОГО РУНИЧЕСКОГО АЛФАВИТА

ᠰ	<i>a, e</i>	᠊	<i>s</i> ²
ᠰ	<i>ï, i</i>	ᠱ	<i>t</i> ¹
>	<i>o, u</i>	ᠬ	<i>t</i> ²
ᠰ	<i>ö, ü</i>	ᠳ	<i>j</i> ¹
ᠰ	<i>b</i> ¹	ᠹ	<i>j</i> ²
ᠰ ᠰ	<i>b</i> ²	ᠯ	<i>č</i>
ᠰ	<i>d</i> ¹	ᠮ	<i>m</i>
ᠬ	<i>d</i> ²	ᠨ	<i>η</i>
ᠰ	<i>γ</i>	ᠰ	<i>ʃ</i>
ᠰ	<i>g</i>	ᠰ	<i>p</i>
ᠰ ᠰ	<i>q</i>	ᠰ	<i>š</i>
ᠰ	<i>k</i>	ᠰ	<i>z</i>
ᠰ	<i>l</i> ¹	ᠰ	<i>oq, uq, qo, qu</i>
ᠰ	<i>l</i> ²	ᠰ ᠰ	<i>ök, ük, kö, kü</i>
>	<i>n</i> ¹	ᠰ	<i>iq, qi</i>
ᠰ	<i>n</i> ²	ᠰ	<i>rt (?)</i>
ᠰ	<i>r</i> ¹	ᠰ	<i>lt</i>
ᠰ	<i>r</i> ²	ᠰ	<i>nč</i>
ᠰ	<i>s</i> ¹	ᠰ	<i>nt</i>

Бөтендөнья татар конгрессы
Татарстан Республикасы татар төбәк тарихын өйрәнүчеләр
жәмгыяте

ТУГАН ҖИР

Төбәк тарихы буенча журнал

2*2024

Казан—2024

Всемирный конгресс татар
Общество татарских краеведов Республики Татарстан

РОДНОЙ КРАЙ

Краеведческий журнал

2*2024

Казань – 2024

УДК 908
ББК 26.89 (2Рос.Тат)
Т 70

Баш мөхәррир:

Дамир Мәүләви улы Исхаков,
тарих фәннәре докторы

Баш мөхәррир урынбасары:

Альберт Әхмәтжан улы Борһанов,
тарих фәннәре кандидаты

Редакцион коллегия:

Аблязов Камил
Акчурин Мәгъсум
Бәйрәмова Фәүзия
Гатауллин Ринат
Гыйләжев Искәндәр
Закиров Ринат
Измайлов Искәндәр
Зәйдуллин Ркаил
Салихов Радик
Сафин Фаил
Ситдилов Айрат
Тычинских Зәйтүнә
Хисамов Олег
Шәйдуллин Рафаил

Редакцион-нәшер итү төркеме

Жаваплы сәркатип:

Дәүләтшина Гөлнәра Фәрикъ кызы

Web-редактор:

Ярхамов Илнур Ирнис улы

Корректор:

Хөсәинова Алина Жәмил кызы

Басманың адресы:

Казан шәһәре, Карл Маркс ур., 38/5
Электрон почта: monitoring_vkt@mail.ru
<http://tatar-congress.org/ru/tugan-zhir/>
<http://tugan-zhir.org>

Татар төбәк тарихы буенча
кварталлык журнал
Татар һәм рус телләрендә

Главный редактор:

Дамир Мавляевевич Исхаков,
доктор исторических наук

Заместитель главного редактора:

Бурханов Альберт Ахметжанович,
кандидат исторических наук

Редколлегия:

Аблязов Камил
Акчурин Магъсум
Байрамова Фаузия
Гатауллин Ринат
Гилязов Искандер
Закиров Ринат
Измайлов Искандер
Зайдуллин Ркаил
Салихов Радик
Сафин Фаиль
Ситдилов Айрат
Тычинских Зайтуна
Хисамов Олег
Шайдуллин Рафаиль

Редакционно-издательская группа

Ответственный секретарь:

Давлетшина Гульнәра Фариқовна

Web-редактор:

Ярхамов Ильнур Ирнисович

Корректор:

Хусаинова Алина Ямилевна

Адрес издания:

г. Казань, ул. Карла Маркса, 38/5
Электронная почта: monitoring_vkt@mail.ru
<http://tatar-congress.org/ru/tugan-zhir/>
<http://tugan-zhir.org>

Ежеквартальный журнал
по татарскому краеведению
На татарском и русском языках

ISSN 2618-9623

Туган жир: Төбәк тарихы буенча журнал [Родной край: Краеведческий журнал]. №2.
Махсус сан [специальный номер] III. Казан: Бөтендөнья татар конгрессы. 2024.

ЭЧТӨЛЕК

Милли һәм төбәк тарихын өйрәнүнең фәнни-методологик яклары

Д.М. Исхаков

Төрки-татарларның билгеле бер цивилизациягә карау мәсьәләсе. 8

Төбәк тарихы буенча фәнни мәкаләләр

И.Л. Измайлов

Жучи Олысында шәһәрләр һәм мәгълүмати агымнар: мәсьәләгә яңа
караш. 28

О.Р. Хисамов

Идел-Урал һәм Себер татарларының лингвистик һәм этник
уртаклыгы турында. 45

З.Ә. Тычинских

Себер татарларының традицион мәдәниятендә шаманизм
реликталары. 50

Фәнни-популяр язмаларда төбәк тарихы

Р.А. Бушков

Бөек чэй юлы буенча. 61

МАХСУС ЧЫГАРЫЛЫШ III – 2024 ТӨРКИ РУХ КҮТӘРЕЛЕШЕ

Сүз башы. 86

Төркиләрнең иң борынгы тарихлары

Төркиләрнең яралуы турындагы риваятьләр. 88

Борынгы төрки рун язмалары. 91

Урта гасыр төркиләр

«Диване лөгат эт-Төрк»тән шигъри юллар. 123

Махмуд ал-Кәйшәрӣ

«Дивән лугат ат-Турк» (өзекләр). 125

Йосыф Баласагуни

Котадгу Белек (48 нче баб). 135

Угыз-намә (Уйгур версиясе). 144

Фазлаллах Рәшид әд-Дин

Угыз-намә. 147

Дәли Домрул дастаны («Китабы дәдем Коркуд галә лисаны таифәи
огузан». Бишенче Угызнамә)..... 155

Әбелгазый Баһадир хан

Төрөкмәннәр токымы. 162

Ибн Биби

Сәлжук намә. 186

Төркиләрнең эпик мирасыннан

Ойрот-Каан. 190

Маадай-Кара (Алтайларның героик эпосыннан). 195

Кыргызларның «Манас» эпосыннан. 200

Идегәй дастаны вариантларыннан. 208

Дастаннардан тарихка

Әбелгазый Баһадир хан

Шәжәрәи төрөк. 220

Төрки-татар рухы

Р.С. Күрчаков

Белекнең салават күпере һәм алтайлыларның Ак Иманы таңы. 227

Н.А. Шодоев

Алтайның Белеге һәм Ак Иман/Ак Жанг. 229

Юбиярлар турында сүз

И.М. Габдрафиков

Авыл укытучысыннан алып күренекле этнологка кадәр. 233

Ф.Ш. Хужин

Милләт сагында. 242

Төбәк тарихы буенча конференцияләр һәм очрашулар.

Хатлар һәм кайтавазлар

Хроника. 248

Авторлар буенча белем

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-методологические аспекты изучения национальной истории и краеведения

Д.М. Исхаков

Проблема цивилизационной принадлежности тюрко-татар..... 8

Научные публикации по краеведению

И.Л. Измайлов

Города и информационные потоки в Улусе Джучи: новый взгляд на проблему..... 28

О.Р. Хисамов

О языковой и этнической общности волго-уральских и сибирских татар..... 45

З.А. Тычинских

Реликты шаманизма в традиционной культуре сибирских татар..... 50

Краеведение в научно-популярных публикациях

Р.А. Бушков

По Великому чайному пути. 61

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК III – 2024 ВОСХОЖДЕНИЕ ТЮРКСКОГО ДУХА

Введение. 86

Древнейший период истории тюрков

Легенды о рождении тюрков. 88

Древнетюркские рунические письма. 91

Средневековые тюрки

Поэтические строки из «Диван Лугат ат-Турк»..... 123

Махмуд ал-Кāшгарī

«Дивāн Лугат ат-Турк» (отрывки). 125

Йосыф Баласагуни

Котадгу Белек (48 баб)..... 135

Огуз-наме (*Уйгурский вариант*). 144

Фазлаллах Рашид ад-Дин

Огуз-наме. 147

Дастан Дали Домрул (*отрывок из Дэде Коркуд. Пятое Огузнамэ*)..... 155

<i>Абу-л-Гази Бахадур хан</i>	
Родословная туркмен.	162

<i>Ибн Биби</i>	
Сельджук намэ.	186

Из эпического наследия тюрков

Ойрот-Каан.	190
Маадай-Кара (Алтайский героический эпос).	195
Из кыргызского эпоса «Манас».	200
Из вариантов дастана «Идегей».	208

От дастанов к истории

<i>Абулгази Бахадир хан</i>	
Тюркская генеалогия.	220

Тюрко-татарский дух

<i>Р.С. Курчаков</i>	
Радуга Билика и просвет алтайской Белой веры.	227
<i>Н.А. Шодоев</i>	
Алтайский Билик и Белая вера/Ак Жанг.	229

Слово о юбилярах

<i>И.М. Габдрафиков</i>	
От сельского учителя до видного этнолога.	233
<i>Ф.Ш. Хузин</i>	
На страже нации.	242

Краеведческие конференции и встречи. Письма и отклики

Хроника.	248
---------------	-----

Сведения об авторах

МИЛЛИ ҺӘМ ТӨБӘК ТАРИХЫН ӨЙРӘНҮНЕН ФӘННИ-МЕТОДОЛОГИК ЯКЛАРЫ

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

Д.М. Исхаков

ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТЮРКО-ТАТАР

Понятие «цивилизация», восходящее к латинскому «*civis*» – гражданин (производное – «*civilis*», гражданский), возникло во Франции лишь в XVIII в. [Словарь: 1985. С. 155; Осборн: 2008. С. 8]. Следует иметь в виду, что у французских философов XVIII в. идея цивилизации была разработана как альтернатива концепции «варварства» [Хантингтон: 2003. С. 47]. Непростым является вопрос о соотношении таких терминов, как «цивилизация» и «культура» (латинское «*cultura*» – обработка, воспитание) [Робин: 1989. С. 232–234]. Несмотря на изначальную разность содержания этих двух понятий, из-за того, что в античном мире гражданами считались лишь носители определенной культуры, противопоставлявшейся окружающей так называемой «варварской» культуре, данные термины не лишены и некоторой общности [Осборн: 2008. С. 9]. Не случайно, что один из видных представителей исторической школы «Анналов» французский историк Ф. Бродель (1902–1985) высказал мнение («Об истории», 1969), что цивилизация есть «собрание культурных характеристик и феноменов» [Ютанов: 2003. С. 5]. Другой исследователь – американский политолог С. Хантингтон, прославившийся своим трудом «Столкновение цивилизаций» (1996), ясно указывает на связь между культурой и цивилизацией в следующем высказывании: «Цивилизация является наивысшей культурной целостностью». Это определение поясняется им так: «Культура деревни на юге Италии может отличаться от культуры на севере Италии, но они будут разделять общую итальянскую культуру, которая отличает их от немецких деревень. Европейские сообщества, в свою очередь, будут обладать общими культурными чертами, которые отличают их от китайских или

индийских сообществ. Китайцы, индийцы и жители Запада, однако, не являются частями культурной категории более высокого порядка. Они образуют разные цивилизации» [Хантингтон: 2003. С. 50–51].

*В самом широком смысле цивилизация – это весь современный мир, человечество («земная цивилизация») или, во всяком случае, наиболее развитая его часть («цивилизованный мир»). Однако, кроме этого у рассматриваемого понятия имеется и другое значение – оно обозначает складывающуюся длительное время ту или иную «великую традицию» (определение английского историка XIX в. Генри Томаса Бокля). О том же писал Ф. Бродель, определяя цивилизацию как «реальность большой, неисчерпаемой длительности» (*longue durée*) [Хантингтон: 2003. С. 52], подразумевая так называемые «длинные волны», имея в виду, что историческое время существования таких феноменов, как цивилизации, бывает весьма продолжительным (по разным меркам, не менее тысячи лет). Имеет место и такой фактор, как «большое пространство» (немецкий правовед К. Шмитт) – у цивилизаций имеются определенные социокультурные очертания, связанные с конкретными территориями (ландшафтами) [Дугин: 2007. С. 114]. Прекрасной иллюстрацией роли физико-географического фактора, т.е. природной среды, в истории цивилизаций, является труд Ф. Броделя, посвященный истории Средиземноморья в XVI в. [Бродель: 2002] Таким образом, под «цивилизацией» подразумевается часть человечества, объединенная схожей культурой и основанными на ней общими ценностями. Как писал С. Хантингтон, цивилизация – это «самый широкий уровень культурной идентификации». Это определенный культурный код, позволяющий «четко идентифицировать себя». Короче, цивилизации являются «самыми большими «мы», внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане дома и отличает себя от всех остальных «них» [Хантингтон: 2003. С. 51].*

Содержание понятия «цивилизация» за последние два века все более усложнялось, становясь одновременно расплывчатым. Как замечает крупный специалист по проблеме цивилизаций Р. Осборн, «под него (т.е. под обозначение «цивилизация» – Д.И.) теперь подпало все общество, а не только культура верхушки» [Осборн: 2008. С. 15]. Такое положение объясняется тем, что накопление исторических знаний сделало невозможным дальнейшее сохранение прежних, слишком прямолинейных построений относительно складывания конкретных «великих традиций», т.е. цивилизаций – реальные связи между народами и культурами в прошлом оказались гораздо более сложными и многообразными, чем это казалось историкам предыдущих поколений. Поэтому, как пишет Р. Осборн, начинает выглядеть «немного нелепым» характерное для XIX в., да

и для более позднего времени, «представление о зависимости европейской цивилизации, или даже цивилизации как таковой, от непрерывной узко очерченной традиции» [Осборн: 2008. С. 18].

Действительно, стремление обосновать восхождение «западной» (европейской) цивилизации через такие звенья, как Просвещение, Реформация, Возрождение, Римская империя, античная Греция и Египет, к единым истокам, оказалось не только бездоказательным, но и ошибочным [Осборн: 2008. С. 11–12 и др. См. также: Тойнби: 2006. С. 90–91]. В частности, историками было выяснено, что античная традиция дошла до европейцев не только через христианство, но и, во многом, благодаря арабо-мусульманскому посредничеству XII–XIII вв. и более раннего времени [Уотт: 1976; Зарринкуб: 2004. С. 223–224; Исламоведение: 2008. С. 322–344]. И, надо отметить, это было отнюдь не первое влияние Востока на Запад. Хорошо известно, что в результате походов Александра Македонского между 334–323 гг. до н.э. далеко на восток, когда огромная территория от Индии до Карфагена, от Египта до Италии оказалась под эллинистическим влиянием, обмен идеями и культурой в этой части мира стал характерной чертой эпохи [Пети, Ларонд: 2004. С. 5–6, 155–156]. Такая же ситуация сохранялась и много позже. Скажем, в «Песне о Нибелунгах» – знаменитом эпосе южногерманских племен, сыгравших наряду с другими группами «варваров» важнейшую роль в становлении средневековой европейской цивилизации, вместе с собственными предводителями германцев, под именем Этцель (Атли) фигурирует и вождь гуннов Аттила (ум. в 453 г.) [См.: Песнь: 2000; Младшая: 1994. С. 234], ставший, несмотря на сугубо азиатское происхождение своего народа, одним из ключевых игроков в политическом пространстве Европы середины V в.

Поэтому, когда исследователи начинают очерчивать границы конкретных цивилизаций, между ними возникают разногласия, иногда труднопреодолимые. И дело тут не только в сложностях, связанных с накоплением конкретных исторических данных, позволяющих выделить в составе человеческих сообществ определенные цивилизационные сгустки, но и в прежней привычке западных исследователей рассматривать развитие мира исходя из ложной концепции «единства истории» на базе западного общества. Английский историк А. Дж. Тойнби (1889–1975), констатирующий эту особенность современных западных историков и определивший ее как «эгоцентрическую иллюзию», дал достаточно полное объяснение данному феномену, указав, что «Западное общество провозглашается... цивилизацией уникальной, обладающей единством и неделимостью», достигшей в конечном счете долгожданной цели – «мирового господства». При этом сторонники данной концепции исходят из того, что «в настоящее время

унификация мира на экономической основе Запада более или менее завершена, а значит, как они полагают, завершается унификация и по другим направлениям» [Тойнби: 2006. С. 86–87, 89].

Этот исследователь совершенно прав в том, что при таком подходе преобладающими оказываются экономические и политические факторы развития человечества, а такой, гораздо более фундаментальный аспект социальной жизни, как культура, упускается из виду. Кроме того, в угоду слишком узкому – западноцентричному взгляду на мировое развитие, история не только начинает недозволительным образом «выпрямляться» (см. выше замечание Р. Осборна об истоках европейской цивилизации), но и «очищаться» от тех обществ, которые произвольно начинают относиться к «полуварварским», «разлагавшимся» сообществам или попросту к некоему «статичному Востоку». В итоге известные незападные цивилизации, которые не могут игнорироваться таким способом вследствие своих общеизвестных достижений, например, исламская, индуистская и китайская (дальневосточная), начинают если не прямо, то косвенно отвергаться как «туземные» (в российской истории этому понятию соответствует такой же уничижительный по смыслу термин, как «инородцы»), т.е. второсортные по отношению к «западному обществу», единственно обеспечивающему, по мнению сторонников такого подхода, магистральный путь развития человечества [Тойнби: 2006. С. 87–88].

Наиболее развернутую классификацию цивилизаций, известных в мировой истории, дал в своем весьма объемном многотомном исследовании «A Study of History» (сокращенном в переводе на русский язык – «Постижение истории») А. Дж. Тойнби, насчитавший их 20 или 21 (разница в подсчетах связана с тем, что А. Дж. Тойнби не видит прямой связи между древней китайской (шанской) цивилизацией и двумя другими «дальневосточными» цивилизациями – собственно основной (которую и можно именовать «китайской») и корейско-японской. (Подробнее см.: [Тойнби: 2006. С. 47–87; Его же. Цивилизация: 2006. С. 232–249]): египетская, шумерская, минойская (эгейская), китайская (шанская), индская (индийская), хеттская, вавилонская, сирийская, эллинская (эгейская), индуистская, иранская, арабская, западная (европейская), православная христианская (византийская), православная российская, дальневосточная (корейско-японская), андская, майянская, юкатанская, мексиканская. В результате последующих изысканий этот исследователь несколько скорректировал свою классификацию, в частности, кроме уточнений в части индейских цивилизаций Америки (их стало больше), он расширил список цивилизаций-сателлитов, выделив в их составе эламскую, урартскую, итальянскую, разделив корейско-японскую (дальневосточную) на

две самостоятельные – японскую и корейскую, обозначив также в числе самостоятельных вьетнамскую и тибетскую цивилизации. Наконец, к этому перечню была добавлена юго-восточная (индонезийско-малайзийская) цивилизация, как входящая в «большую» исламскую цивилизацию.

На самом деле вопрос о числе цивилизаций остается спорным. Один из последних списков цивилизаций представлен в работе С. Хантингтона. Он включает синскую (китайскую), японскую, индуистскую, исламскую, православную, западную, латиноамериканскую, африканскую (под вопросом) цивилизации. При этом из данной работы видно, что американский политолог кроме названных цивилизаций, определяемых им как «живые», признает еще 7 «исчезнувших» цивилизаций (месопотамскую, египетскую, критскую, классическую, византийскую, центрально-американскую и андскую) [Хантингтон: 2003. С. 54–60].

Из этих цивилизаций по меньшей мере 6 (в Старом Свете – египетская, шумерская, минойская, т.е. критская, китайская, в Новом Свете – андская и майянская), возможно, и 7 (к перечню А. Дж. Тойнби иногда добавляет и индскую), родственно не связаны между собой и принадлежат к ранним периодам развития человечества. Остальные цивилизации так или иначе имеют определенные «родственные» отношения, в т.ч. и со своими предшественниками, т.е. возникли под непосредственным или опосредованным воздействием более ранних цивилизаций. Скажем, хеттская, вавилонская, эллинская и сирийская, возможно, и индская цивилизации, сформировались в связи с шумерской и минойской цивилизациями (См.: [Тойнби: 2006. С. 82–99; Его же. Цивилизация: 2006. С. 232–249]). Трудно отрицать наличие чужого «творческого источника» в лице сирийской и эллинской цивилизаций у западной, православно-византийской и православно-русской цивилизаций. Индуистская, иранская и арабская цивилизации хотя и складывались на основе своего творческого «источника», несомненно находились и под влиянием предшествовавших цивилизаций, о чем будет сказано далее. Это же относится и к дальневосточным цивилизациям, отнюдь не свободным от прямого или косвенного воздействия более ранней китайской (древнекитайской) цивилизации. Сложные взаимосвязи имелись и у индейских цивилизаций Америки (во всяком случае, между майянским, юкатанским и мексиканским обществами).

Надо заметить, что А. Дж. Тойнби иногда «арабскую» и «иранскую» цивилизации объединяет в единый «исламский мир», т.е. в исламскую цивилизацию, отмечая, что раскол между суннитами и шиитами, легший в основу указанного выше деления мусульман, явление относительно позднее (XV в.). Но, по его мнению, имелась и иная, более фундаментальная причина этой трещины в исламском мире: у арабского и иранско-

го обществ были разные исторические предшественники. У первого это сирийская цивилизация, являвшаяся наследницей Римской империи, а у второго – собственно иранская цивилизация, восходящая еще к империи Ахменидов [Тойнби: 2006. С. 50–59]. Показательно, что в конце концов А. Дж. Тойнби арабскую цивилизацию назвал «исламской», а индонезийско-малайзийскую (юго-восточную), начавшую формироваться как цивилизация-сателлит индийской (индуистской) цивилизации, учитывая ее конечную исламизацию, включил в состав исламской цивилизации [Тойнби. Цивилизация: 2006. С. 248]. На самом деле логичнее было бы все мусульманские общества (в т.ч. и иранское) объединить в единую исламскую цивилизацию, выделив в ее рамках самостоятельные ответвления (субцивилизации) этого большого историко-культурного пространства – его арабское, иранское, индонезийско-малайзийское и, что для нас важно, тюркское составляющие. Но английский историк на это не пошел, хотя изучение его исторического наследия показывает, что исламская цивилизация его очень интересовала (См.: [Тойнби. Цивилизация: 2006. С. 131–149, 381–399, 443–451]). Зато С. Хантингтон однозначно указал, что «внутри ислама (исламской цивилизации – Д.И.) существует множество отдельных культур и субцивилизаций, включая арабскую, тюркскую, персидскую и малайскую» [Хантингтон: 2003. С. 56].

Представленный выше обзор показывает, что в классификации цивилизаций А. Дж. Тойнби тюркам вообще нет места. Этот исследователь попытался обосновать свою позицию тем, что, по его мнению, кочевники – а тюрки в начальный период своей истории, несомненно, являлись в большей мере кочевниками – как и ряд других обществ (полинезийцы, эскимосы, спартанцы), в силу своей хозяйственной специализации оказались «вечными узниками климатического и вегетационного годового цикла», короче, «рабами степи» в тюркском случае, став исторически «неподвижными» (статичными). Тем самым они должны быть отнесены, как он полагал, к «задержанным» или «задержавшимся в своем развитии», цивилизациям [Тойнби: 2006. С. 188–216]. Английский историк даже турок-османов, создавших громадную империю, просуществовавшую значительно дольше других государств, образованных кочевниками, относит к таким же «статичным» обществам.

Насколько правомерен такой подход? Действительно ли тюрки должны быть отнесены к тем народам, у которых отсутствует собственная, сложившаяся цивилизация и «нет истории»? [Тойнби: 2006. С. 189]. Думается, что нет.

Похоже, А. Дж. Тойнби – глубокий знаток истории цивилизаций, в данном случае допускает определенную ошибку, возможно, связанную с общей недооценкой представителями европейской исторической науки роли

кочевой цивилизации в человеческой истории. Но дело, видимо, не только в этом. Несомненно, что целый ряд цивилизаций, которые им признаются (арабская, иранская, индуистская), были в свое время тоже основаны кочевниками или кочевой элемент являлся на начальной стадии их формирования весьма значительным. А они, как показывает опыт истории, отнюдь не остались «статичными». Поэтому, быть может, позицию английского историка надо объяснять и исходя из недостаточного его знакомства с историей тюрков, в целом кочевников, а также, не исключено, в связи с тем самым европоцентризмом, который он вообще то критиковал, но, очевидно, полностью преодолеть не смог. С. Хантингтон, как уже было показано, фактически не согласился с мнением А. Дж. Тойнби относительно тюрков, определив место тюркского сообщества в исламском цивилизационном пространстве в ранге субцивилизации, т.е. равным остальным трем (арабскому, иранскому и индонезийско-малайзийскому) главным ответвлениям исламского мира. Тем самым была признана значимость тюркского сообщества в структуре одной из основных мировых цивилизаций. Но содержание собственно тюркской составляющей отмеченной субцивилизации при этом у С. Хантингтона осталось нераскрытым.

Несмотря на то, что между цивилизациями и государствами прямой связи нет, в некоторых случаях они могут и совпадать – в качестве примеров можно назвать Китай и Японию, являющихся отдельными цивилизациями [Хантингтон: 2003. С. 53]. Поэтому, при рассмотрении цивилизационной принадлежности тюрко-татар нельзя не затронуть крайне дискуссионный вопрос о «русской цивилизации», точнее, цивилизационной принадлежности многоэтничной и поликультурной России.

При обсуждении этого вопроса надо иметь в виду, что сегодняшняя Российская Федерация, которую иногда именуют «Новой Россией», в территориальном, этнокультурном и ином отношениях довольно существенно отличается от «старой» России – СССР и Российской империи. Именно в этой связи некоторые современные российские политологи ведут речь о необходимости воссоздания в прежних рамках «Большой России». Это предполагается реализовать не через присоединение стран СНГ к Российской Федерации, а путем формирования «новой социально-политической структуры», в пределах которой существующие «свободно и независимо автономные и суверенные этносы» будут все вместе составлять «единый народ» [Дугин: 2007. С. 103]. Похоже, что речь идет об общности вроде европейцев, складывающейся на наших глазах в рамках Европейского сообщества [Там же. С. 48–49].

В принципе, все классификации цивилизаций выделяют особую «византийскую» или «православную» / «православно-русскую» (иногда

«православно-славянскую») цивилизацию, подразумевая прежде всего Россию [Хантингтон: 2003. С. 56], хотя существует отчетливое понимание, что православное цивилизационное пространство значительно шире и включает всех наследников Византии (Восточно-Римской империи) или последователей Православной церкви (См.: [Тойнби: 2006. С. 47–50]). Но в 1920-х гг. в среде русской эмиграции возникло евразийское движение, идеологи которого (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.А. Вернадский, Н.Н. Алексеев, В.Н. Ильин и др.) настаивали на том, что на территории Евразии, ориентировочно совпадающей с границами Российской империи, сложилась «уникальная цивилизация, качественно отличающаяся от европейской и азиатской цивилизаций» [Пашенко: 2000. С. 225]. Сторонники этой концепции подчеркивали особую роль «туранской» (тюркско-монгольской прежде всего) или «азиатской» составляющей в становлении этой цивилизации [Пашенко: 2000. С. 232–233; Дугин: 2007. С. 136–137]. Как полагают современные российские исследователи, речь надо вести о том, что Россия, оказавшаяся в цивилизационном отношении между Западом и Востоком, «не стала ни первым, ни вторым» и именно поэтому образовала особую «российскую» цивилизацию [Ланцев: 2003. С. 16]. В зависимости от идеологических установок иногда эту цивилизацию нынешние отечественные политологи именуют и «русской» цивилизацией [Дугин: 2007. С. 136–137].

Но отнесение России к особой российской/русской цивилизации не решает некоторые фундаментальные вопросы, связанные с ее цивилизационным самоопределением страны. Так, в рамках концепции единой «российской» цивилизации существует проблема постепенного «втягивания» России, начиная с эпохи Петра I, в орбиту влияния западной (европейской) цивилизации. На это указывал еще А. Дж. Тойнби [Тойнби. Цивилизация: 2006. С. 48–49, 371]. Некоторые российские специалисты с «прозападной» ориентацией полагают, что при всей своей самобытности Россия является «составной частью европейского цивилизационного ареала», поэтому ее невозможно рассматривать отдельной от европейской, «уникальной» цивилизацией. В итоге, если даже признавать, что Россия после Византии является «наиболее выдающимся представителем европейского Востока», то надо иметь в виду, что это есть «собственный» Восток Европы, который нельзя смешивать с Востоком неевропейским (Ближним, Средним или Дальним) [Тренин: 2006. С. 360]. Но даже при такой трактовке, автор данной идеи – политолог и историк Д.В. Тренин, не смог полностью уйти от «евразийской ловушки» – рассмотрения России как самостоятельного цивилизационного пространства, что видно из его конечной формулировки: страна идет «от России европейской, но не

западной, к России западной, но не европейской» [Там же. С. 359]. В данном случае имеется в виду, что Россию следует рассматривать вне Европы, но в рамках так называемого «мирового Запада», охватывающего не только Европейский союз, северную Америку, Австралию (т.е. собственно западную цивилизацию), но и «старый европейский Восток», и даже Турцию, а также Японию, Южную Корею, наконец, «островки вестернизации» китайского мира (Тайвань, Сингапур, Гонконг, Шанхай) и Индии [Тренин: 2006. С. 361].

Кроме сказанного, существует еще одна, не менее сложная проблема, а именно, присутствие в составе России представителей исламской и некоторых других цивилизаций. Главным образом, конечно, речь идет о тюрко-исламском (туранском, по старому определению евразийцев) сообществе, насчитывающем в Российской Федерации 9,5 млн чел. (2002 г.). Довольно значительной является в стране и численность мусульман не тюркского происхождения – около 3,9 млн чел. (2002 г.) (Подсчитано по: [Основные: 2003]).

Как уже говорилось, вопрос о влиянии «туранского элемента» (кроме тюрков сюда входят монголы, финно-угры) на становление российского цивилизационного пространства как второго по значению после византийского православного наследия, поднимался представителями евразийского движения. При этом следует иметь в виду, что кроме признания действительного вклада этого «элемента» в историческое развитие России, у них присутствовало и стремление усилить противопоставление российской (евразийской) цивилизации европейской (западной) или, как они любили выражаться, «романо-германской (латинской)» цивилизации [Пашенко: 2000. С. 180–182, 200]. Один из идейных предшественников евразийцев, русский философ К.Н. Леонтьев (1831–1891), именно для того, чтобы Россия была повернута «спиной» к Западу, предлагал главный упор сделать на единстве с «туранскими нациями», подчеркивая, «...только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской – туранской нации, в среде славянских народов может выйти нечто от Европы духовно независимое. Без этого азиатства... все остальные славяне очень скоро стали бы самыми плохими из континентальных евразийцев, и больше ничего» (Цитируется по: [Пашенко: 2000. С. 232]). Видный идеолог евразийства Н.С. Трубецкой (1890–1938) в статье «О туранском элементе в русской культуре» (1925), следуя этой линии, интерпретировал взаимоотношения Золотой Орды и Руси в позитивном ключе, отмечая: «Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Московские цари, далеко не закончив еще «собрания русской земли», стали собирать земли западного улуса великой монгольской монархии: Москва

стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Русский царь явился наследником монгольского хана. «Свержение татарского ига» свелось к замене татарского хана православным царем и перенесению ханской ставки в Москву. Даже персонально значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати. Русская государственность в одном из своих истоков произошла из татарской...» [Трубецкой: 1993. С. 72–73]. Обобщая сказанное, Н.С. Трубецкой замечает: «Мы имеем право гордиться нашими туранскими предками не меньше, чем предками славянскими... Сознание своей принадлежности не только к арийскому (индоевропейскому – Д.И.), но и к туранскому психологическому типу необходимо для каждого русского, стремящегося к личному и национальному самопознанию» [Трубецкой: 1993. С. 75].

Однако у этой концепции, на основе которой вроде бы происходит вполне успешный синтез двух начал – славяно-русского и тюрко-туранского, есть своя «ахиллесова пята», связанная с духовно-религиозной сферой. Дело в том, что представители евразийского движения ядром «истинной идеологии», на которой будет выстраиваться евразийское сообщество (т.е. российско-евразийская цивилизация), считали православие, в котором единственно «соединено Божество с человечеством». А восточные религии (ислам, буддизм) рассматривались ими лишь как более близкие к православию, чем западное христианство (католичество); прежде всего потому, что у «восточных» религий евразийцами постулировалось присутствие некоего языческого основания, делающего их родственными православию. [Пащенко: 2000. С. 73, 77]. Вот что пишет об этом один из евразийцев: «Буддизм с наибольшей для язычества силою и притом в родственных Православию тонах раскрывает идею искупления и в своей теории «бодисатв» предчувствует идею Богочеловечества. Но если буддизм своею «содержательностью» и «пассивностью» отражает одну из сторон Православия – мусульманство, активное, хотя и не стойкое, умаленно выражает ту направленную на преобразование мира действительность, которая в русском народе часто принимает болезненную форму стремления катастрофически преобразовать все и немедленно всецело сделать мир совершенным и святым» [Пащенко: 2000. С. 78]. Если принять во внимание, что евразийцы видели в язычестве «потенциальное православие», то будет понятно, что и в мусульманском сообществе (в буддистах тоже) представители этого движения усматривали в некотором роде «младших братьев», которые должны были признать себя частью такой Евразии, «основанием единства» которой являлась бы «Православная Вера», а «Православная церковь и Православная культура» образовали бы духовный стержень

этого цивилизационного пространства [Пашенко: 2000. С. 99]. В эту ловушку попал даже Л.Н. Гумилев, любивший именовать себя «последним евразийцем» [Исхаков: 2012]. Таким образом, в духовно-религиозном плане единая российская/русская цивилизация на базе евразийских идей отнюдь не выстраивается. На это отчетливо указал один из татарских идеологов – Р.С. Хакимов (См.: [Хакимов: 2007. С. 117–123]). И это было очевидно уже в 1920-х гг., когда евразийцы пытались отделить область «собственно религиозную», церковную от «социальной политической жизни» [Пашенко: 2000. С. 239], исходя из того, что в практической действительности все, в т.ч. и религиозные противоречия, будут как-то преодолены. Не зря, видимо, они обращались к опыту религиозной жизни Золотой Орды, видя в нем, надо полагать, определенную модель для будущей России, отмечая веротерпимость, характерную практически для всего периода существования этого «туранского» государства [Пашенко: 2000. С. 372–378]. Правда, в данном случае евразийскими идеологами как-то упускалось из виду, что православие, привыкшее в Российской империи находиться на положении государственной религии, вряд ли признает – нынешняя российская действительность довольно часто свидетельствует именно об этом – принцип равноправия конфессий, единственно могущий стать фундаментом подлинной толерантности, позволяющей выстраивать общее цивилизационное пространство. Понимая возникающие в данном случае сложности, некоторые современные российские идеологи евразийства пытаются уйти от прямой постановки обсуждаемого вопроса, что, впрочем, в полной мере им не удастся (См.: [Дугин: 2007. С. 132–142]). В итоге, политолог-евразиец А.Г. Дугин вынужден был в конце концов констатировать: «С исторической точки зрения, Россия является преемницей именно византийской восточно-христианской цивилизации, что проявляется и в приверженности к православию... Византизм «русской цивилизации» является одной из ее важнейших черт» [Дугин: 2007. С. 120].

В результате под вопросом оказывается само существование российской (русской) цивилизации, охватывающей целиком всю территорию бывшей Российской империи. Тут не помогает даже стремление иных сторонников евразийской идеи видеть в сущности евразийско-русской цивилизации ее «неструктурированность», «разнородность», «противоречивость», в целом «синтетичность» [Ланцов: 2003. С. 16–17], ибо, как совершенно справедливо пишет один из известных современных российских приверженцев евразийской концепции – политолог А.С. Панарин (1940–2003), «оборотной стороной этой открытости (проистекающей из многокультурности страны – Д.И.) является хрупкость и проблематичность норм, готовность их сменить, нередко на противоположные» [Панарин: 1995. С. 27–28]. По-

казательно, что именно для «преодоления» этой цивилизационной «хрупкости» России, указанный автор вернулся к старой концепции о России как «православной цивилизации» [См.: Панарин. С. 2003]. И такой вектор мышления приводит в конечном счете иных российских философов нашего времени к следующему выводу: «Россия – государство не одних только русских, но русских прежде всего; не одной русской истории, но истории с русской сущностью; не одной русской культуры и духовности, но культуры и духовности на русской (т.е. православной – Д.И.) основе; не одних только русских интересов, но с их русским историческим итогом». Наконец, общий вывод из этого пассажа: основа идентичности России – она «тем более становится российской, чем больше становится русской...», базируется на принципах исторической и национальной России. Нельзя быть в России... и... никак не определиться по отношению к русскому национальному началу, определяющему ее историческую и национальную суть как России» [Козин: 2002. С. 211].

На самом деле из приведенного выше анализа можно заключить, что единой российской цивилизации все же не существует и в Российской Федерации, а прежде – в СССР и Российской империи, соседствовали и уже довольно давно, несколько цивилизаций – православно-русская, исламская, буддистская и, возможно, некоторые другие (например, языческая). Такая ситуация в историческом плане не выглядит уникальной. Скажем, в Китае живут представители тибетской (буддистской) и исламской цивилизации, неоднородна в цивилизационном отношении и Индия, в пределах которой кроме основной массы ее населения (около 4/5) в лице представителей индуистской цивилизации, рассеяны большое число мусульман (свыше 1/10 населения), а также буддисты и др.

Вернемся к исламской цивилизации, точнее, к рассмотрению важного для нашего анализа вопроса о ее тюрко-исламском ответвлении, определенном выше как отдельная субцивилизация.

В связи с тем, что у этой субцивилизации имеются два самостоятельных истока – тюркский, в целом более ранний, и мусульманский, несколько более поздний, возникает задача обсуждения хотя бы вкратце главных итогов взаимодействия этих двух культурных традиций, имевших собственные «длинные» цивилизационные «волны» предшествующего времени, но затем переживших в ходе выработки общих цивилизационных параметров процесс весьма успешного их синтеза. Замечу, что с теми исследователями, которые заявляют о возникновении «турского ислама османского периода» (к этому можно было бы прибавить и «татарский ислам золотоордынского и позднезолотоордынского времени»), «иранского ислама времен династии Сефевидов» или «индийского ислама эпохи Великих

Моголов» в результате «привития на исламский корень» предшествующих или современных им культур [Сурдель Д., Сурдель Ж.: 2006. С. 13], можно и поспорить, ибо с равным успехом возможно вести речь и о «насажденности» ислама за пределами арабского мира на прежние культурные традиции, существовавшие как выражение иных цивилизаций, имевших достаточную длительность и собственные пространственные измерения.

Хотя кочевая цивилизация Великой Степи начала формироваться в IV–III тыс. до н.э., она длительное время предстает перед нами только как череда большого числа археологических культур, лишь в I тыс. до н.э. начиная обретать конкретное этническое лицо, в основном, индоевропейское, называясь скифами, саками, сарматами и т.д. [История: 2002. С. 46–120] Но и тогда мы имеем дело главным образом с данными археологов, ибо исторические сведения о степняках все еще остаются мало-численными и разрозненными.

Принято считать, что в Великой Степи до конца I тыс. до н.э. доминировали индоарийские объединения [См. История: 2002. С. 69–76], хотя ясно, что где-то на востоке евразийских степей, возможно, в зоне Алтайских гор, включая и Монголию, шел процесс постепенного становления древних тюрков, чьи языки начали обособляться из протюрко-монгольской языковой общности в самостоятельную прототюркскую этноязыковую общность в середине I тыс. до н.э. [Баскаков: 1969. С. 152; История: 2002. С. 122]. Есть все основания начинать историю древних тюрков с гуннского периода (III в. до н.э. – II в. н.э.), когда в составе созданной гуннами (сюнну/хунну) громадной империи, простиравшейся от Центральной Монголии до Каспия, несмотря на этническую неоднородность ее населения, преобладающими стали тюркоговорящие племена [История: 2002. С. 123]. Без всякого сомнения, история гуннов, а, следовательно, и тюрков, уходит в толщу веков. Так, по китайской традиции, сохранившейся в «Шу цзин» («Канон истории», II–I в. до н.э.), предки гуннов были известны еще в 2357 г. до н.э. или, по другой традиции, в 1700–1300-х гг. до н.э. [Артынбаев: 2007. С. 101–102], т.е. в достаточно ранний исторический период. Затем часть гуннов к V в. н.э. дошла до Центральной Европы, положив начало Великому переселению народов и создав условия для распространения тюрков по Великой Степи к западу. Особенно этот процесс усилился в эпоху Тюркских каганатов (VI–VII вв. н.э.) и других тюркских государств времен так называемых «архаических империй», т.е. в древнетюркский период (VI–IX вв.), когда возник, а затем и широко распространился, этноним «тюрк» [История: 2002. С. 218–267].

В составе этих двух империй мирового уровня – Гуннской державы и Тюркского каганата, окончательно определились культурно-цивилизаци-

ванные особенности тюркской степной цивилизации. Это особая социальная структура, основанная на клановых принципах, административно-политическая организация, состоящая из двухчастного (на 2 крыла) деления, десятичная система деления войск, наследование власти внутри семьи правителей (каганов), сложная религиозная система во главе с верховным богом – Тенгри, собственная история и ее философия, зафиксированная с тюркской эпохи на основе своей письменности и еще целый ряд других особенностей, сохранявшихся в значительной мере и в культуре более поздних тюркских государств среднетюркского периода (X–XV вв.) вплоть до эпохи Золотой Орды и тюрко-татарских государств XV–XVIII вв. [Хакимов: 2005. С. 81–100].

Надо иметь в виду, что ко времени становления тюркской степной цивилизации уже существовали мощные цивилизационные центры по соседству с ней – прежде всего китайская и иранская, с которыми тюрки тесно взаимодействовали. Одним из результатов такого взаимодействия/противоборства было появление фундаментального деления громадного цивилизационного пространства Востока (без Китая) на «Иран» и «Туган», т.е. на «мир иранцев» – индоарийцев и на «мир тюрок». Одновременно на пике своего становления как самостоятельной цивилизации тюрки столкнулись и с другими цивилизациями (исламской, византийской, буддистской и др.). Поэтому, среди представителей тюркского сообщества появились как христиане (в первую очередь, несториане), так и манихеи, а также буддисты. Но решающей в судьбе тюрок оказалась встреча с исламом, первоначально выработанным арабами. Возможно, в относительно быстрой (правда, только по историческим меркам) исламизации тюрок определенную роль сыграла близость тюркской концепции «верховного бога» – Тенгри, к представлениям мусульман об Аллахе [Хакимов: 2005. С. 134]. Но имелись и другие причины массового принятия тюрками ислама. Главная из них – вхождение самых разнообразных тюркских сообществ в орбиту влияния очень активной арабо-исламской цивилизации практически с самого начала ее формирования.

Исламское сообщество (*умма*), начав формироваться в первых десятилетиях VII в. в Аравии (Джазират-ал-Араб или Арабский остров), ко времени смерти пророка Мухаммада (632 г.), от имени которого и был провозглашен ислам – новая религия, «основанная на «покорности Аллаху» и почитании его Посланника» – еще было небольшим. Но спустя менее чем столетие оно стало основой огромной империи – Арабского халифата, простиравшегося от Пиренеев до равнин Индостана и Мавераннахра (территории за рекой Аму-Дарьей в Средней Азии), почти «полностью изменив облик Передней Азии и бассейн Средиземного моря»

[Сурдель Д., Сурдель Ж.: 2006. С. 19]. Эта первая «имперская цивилизация ислама» во времена правления Умаййадов (660–750) и Аббасидов (750–936) может быть названа собственно арабо-мусульманской [Там же. С. 14]. Но уже к IX в. в разных частях халифата усилилось влияние местного населения, относительно немногочисленные арабские группы за пределами собственно арабского мира смешались с более ранними насельниками, и в результате «арабская культура, сумевшая навязать себя исламскому миру..., получила тот или иной нюанс под влиянием локальной культуры» [Там же. С. 12].

Одной из таких этнических общностей и культур была тюркская, с которой арабы столкнулись уже в ходе походов на Кавказ в 650–653 гг., затем в начале VIII в. (709–710 гг.) и несколько позже, когда каган хазар в 737 г. был даже вынужден принять ислам [Новосельцев: 1990. С. 172–196], в Среднюю Азию (671, 705–713 гг.) и далее в Китайский Туркестан. После вхождения в орбиту интересов формирующегося Арабского халифата, тюрки принимали непосредственное участие в завоевательных походах этого государства, постепенно усиливаясь и скапливаясь в некоторых частях халифата в качестве военного контингента (например, тюркский корпус существовал даже в Фатимидском Египте [Сурдель Д., Сурдель Ж.: 2006. С. 98]), а к концу XI в. – в эпоху Сельджукидов (Великих Сельджукидов), тюрки-сельджуки (огузы) заняли господствующее положение в восточной части исламской империи. Вот как оценивают некоторые исследователи итоги тюркской экспансии в исламском мире: «...приход к власти... тюрков, с трудом прорвавшихся из Центральной Азии в Иран, оказывал все более ощутимое воздействие по мере того, как они аннексировали в пользу ислама новые территории – такие как Анатолия в эпоху Сельджукидов или балканская Европа в османскую эпоху, – и по мере того, как давало о себе знать глубокое видоизменение исламского общества в контакте с новыми обычаями и образом жизни» [Там же. С. 12]. Затем последовало монгольское завоевание XIII в., полностью перекроившее границы в исламском мире и влившее в него новую тюрко-монгольскую струю.

Однако сам процесс исламизации тюркских сообществ был не таким быстрым, заняв даже в Средней Азии – в районах господства мусульманской иранской династии Саманидов, весь IX–X вв. [Бартольд: 2002. С. 59]. Среди тюрков едва ли не первыми ислам в 921–922 гг. приняли волжские булгары [Фахрутдинов: 1984. С. 81–82], затем в Туркестане мусульманами в 960 г. стали тюрки Караханидского государства (группы ягма, чигиль, карлуки) [Бартольд: 2002. С. 69–70]. В X в. приняла ислам и часть огузов (из их состава затем вышли Сельджукиды) нижнего течения Сыр-Дарьи [Там же. С. 73]. Кыпчаки, появившиеся на границах исламского мира в XI в., оставались тен-

грианцами, частично начав исламизироваться в первых десятилетиях XIII в. [Исхаков: 2022], начав интенсивно исламизироваться, принимать ислам в районе соприкосновения с владениями Хорезмшахов севернее Хорезма – в г. Отраре и его окрестностях [Ахинжанов: 1989. С. 217 и др.] На территории же Золотой Орды и в некоторых других государствах-наследниках Великого Монгольского государства, окончательная исламизация произошла лишь в начале XIV в. [Исхаков, Измайлов: 2007. С. 113–116]. Да и тогда в отдельных частях Золотой Орды еще сохранялись тюрки, придерживавшиеся старых религиозных традиций. Они были окончательно исламизированы в XV–XVI вв. или даже еще позже [Исхаков: 2004. С. 223–233].

Под воздействием ислама тюркские сообщества приобрели новые черты, так как ислам формирует «особый тип общества», в котором наряду со светской (мирской) властью ключевое значение имеют ученые (*галимы*), правоведы и судьи. Именно поэтому в исламских государствах наблюдается «забота о правоверном традиционализме и уважение к толкователям Закона, определяющим как общественную, так и индивидуальную мораль». Но оборотной стороной такого типа общества является «неуклонное исполнение мелких предписаний», основанных на исламской традиции [Сурдель Д., Сурдель Ж.: 2006. С. 11]. Несмотря на такое специфическое воздействие ислама, тюркские сообщества сохранили и собственные культурные традиции, например, «семейную концепцию власти» [Там же. С. 112] (в частности, как у Сельджукидов, так и у Чингизидов). Широкое распространение в тюркском мире суфизма также свидетельствует о влиянии на ислам базовой тюркской культуры – далеко не случайно суфизм именуют «тюркским исламом». В конечном счете, несмотря на унифицирующее воздействие ислама на «изначально весьма различные этнические и политические группы», укрепление в исламских странах «чувства фундаментального единства», сопровождавшееся осознанием своего отличия от мира «неверных», каждый культурный регион (арабский, иранский, тюркский и будущий индо-мусульманский) начал эволюционировать по-разному [Там же. С. 14, 114]. Вот как характеризуют этот процесс специалисты по исламской цивилизации: «...вследствие тюркских нашествий, углубленных монгольским вторжением XIII в., в ней (т.е. в мусульманской цивилизации – Д.И.) постепенно выделились три общности... три мира... С тех пор к востоку от обозначенной Ираком границы сложился иранский и индоиранский мир... [а после Ильханов тут] ... воцарились династии Сефевидов и Моголов, каждая из которых управляла половиной этой огромной области. В тюркском мире утвердились Османы, [которые] выстроили новую полувосточную-полуазиатскую империю... Арабский мир Ближнего Востока, остававшийся вплоть до XVI в. под властью мам-

люков, даже под османским влиянием сохранил оригинальность своей исключительно арабоязычной культуры» [Там же. С. 122].

Это – совершенно верное наблюдение, но за одним исключением – тюркский мир лишь наполовину принадлежал политическим наследникам Сельджуков – Османам, другая его половина управлялась монгольской по происхождению династией Чингизидов. Если первую цивилизационную зону мы по праву назовем сельджукско-османской (огузской), то вторую можно смело маркировать как тюрко-татарскую (кыпчакскую). На самом деле внутри тюркской цивилизации таких зон вначале было больше, например, существовала еще караханидская (карлукская) часть тюркского мира, позже через правление Чагатаев и Тимуридов частично трансформировавшаяся в могольскую зону, где в последнем случае на исламской основе произошел синтез тюркской, иранской и индской цивилизаций, но с индоиранским преобладанием. То есть фактически эта часть тюркского мира для него самого в конце концов перестала существовать. Другая половина караханидской (карлукской) зоны была поглощена Чингизидами в ходе распада империи Тимуридов и вошла, правда, сохранив ряд своих особенностей, в состав тюрко-татарской цивилизационной зоны.

Поэтому, реально в рамках тюркского мира как отдельной субцивилизации исламского цивилизационного пространства, существуют две основные живые цивилизационные зоны – сельджукско-османская (огузская) и тюрко-татарская (кыпчакская). Тюрки, принявшие христианство или оставшиеся в язычестве, сюда уже не входят.

Если из анализа прошлого цивилизаций обратить взор в будущее, напрашивается новая компоновка цивилизаций, когда между Западом (Европа, Америка, Австралия с Новой Зеландией) и Востоком (Индия, Китай, Япония, Корея, Юго-Восточная Азия) вырисовывается «Промежуточный регион», точным наименованием которого было бы «Евразия», охватывающий территории двух бывших евразийских империй – Османской и Российской, одновременно относящийся как к Западу, так и к Востоку [Кицикис: 2006. С. 113]. Самое существенное в данном случае заключается в том, что в рамках именно выделенного цивилизационного пространства длительное время происходило тесное взаимодействие византийско-православной (в греческо-византийской и русско-православной формах) и исламско-тюркской культурно-цивилизационных традиций, в двух вариантах – сельджукско-огузском и тюрко-татарском (кыпчакском). Вряд ли можно считать случайным деление центральной части Османской империи на Румелию (Румскую, т.е. Римскую часть) и Анатолию, а также наличие у Османов титула «султана ар-Рум», т.е. «владыки римлян» (византийцев) [Кицикис: 2006. С. 127, 137], как и присутствие с середины XVI в. в

титулature правителей Московского государства титула «царь», хотя и восходящего к имени Цезаря, но одновременно обозначающего и «хана» (Детальнее см.: [Успенский: 2000. С. 34–48]), так как в действительности этот титул получил в Московской Руси окончательное «право на жизнь» только через «поглощение» Московским великим княжеством наряду с территориями татарских ханств и «ханских» (царских) титулов их владетелей. В русле высказанного подхода совершенно по-новому звучит обращение в 1466 г. к султану Мехмеду II грека Георгия Трапезундского, признавшего Османов после завоевания ими Константинополя, легитимными преемниками Византии: «Никто не сомневается, что ты по праву являешься императором римлян. Поскольку, в действительности, императором является тот, кто законным образом владеет престолом империи» [Кицикис: 2006. С. 137]. То же самое можно сказать и по поводу татарского, в целом восточного, обращения к правителю Московского государства как к «Белому царю», т.е. по восточной – тюрко-татарской традиции – «Владыке Запада», с усвоением Москвой ряда ханских регалий (двуглавого орла, ханских венцов и т.д.) [Исхаков: 2009. С. 101–102; Исхаков: 2013].

Поэтому, не исключено, что в будущем в составе этого более широкого, чем Россия, Евразийского (Промежуточного) региона, тюрко-славянского по основному населению, православно-исламскому – по религии, и будут развиваться процессы интеграции. Но в цивилизационном отношении тюрко-татары в своем абсолютном большинстве все-же останутся частью великой исламской цивилизации. При такой интерпретации представители тюркской субцивилизации не выглядят чьими-либо младшими партнерами. В рамках же глобальных тенденций могут происходить и процессы внутритюркской интеграции (они уже идут), что не исключает и тюрко-славянского взаимодействия. Как показывает исторический опыт, цивилизационные предпосылки для этого есть, но для их нормального протекания необходимо весьма «комплиментарное» (по Л.Н. Гумилеву) отношение со стороны российско-православного сообщества к тюрко-мусульманской умме. Получится ли оно – покажет будущее.

Литература

1. Артынбаев Ж.О. История Казахстана: Учебник для вузов. – Костанай, 2007.
2. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1989.
3. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М.: Вост. лит., 2002. С. 19–192.

4. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1969.
5. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть 1. Роль среды. – М., 2002.
6. Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. – М., 2007.
7. Зарринкуб Абдол Хосейн. Исламская цивилизация. – М., 2004.
8. Исламоведение. – М.: Изд-во Московского исламского ун-та, 2008.
9. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Изд-во «Рухият», 2002.
10. Исхаков Д.М. В поисках истоков и смыслов изображения двуглавых птиц (орлов) на золотоордынских монетах // Нумизматика Золотой Орды. Посв. памяти В.А. Давыдович. 2013. № 2. С. 120–127.
11. Исхаков Д.М. Имелись ли среди домонгольских кыпчаков мусульмане? // Туган жир. Родной край. 2022. № 1. С. 28–46.
12. Исхаков Д.М. Об одном заблуждении «последнего евразийца» (Л.Н. Гумилев и проблема исламизации Улуса Джучи) // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. VI. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2012. С. 36–43.
13. Исхаков Д.М. Особенности исламизации восточных групп татар в XV–XVI вв. (Приуралье и Западная Сибирь) // Доклады международной конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе» (Казань, 8–11 июня 2001 г.). – Istanbul, 2004. С. 223–233.
14. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009.
15. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая истории татар (III – середина XVI вв.). Научное издание, – Казань: Школа, 2007. – С. 13–116.
16. Кицикис Д. Османская империя // На перекрестке цивилизаций. – М.: Изд-во «Весь мир», 2006.
17. Козин Н.Г. Постижение России. Опыт историософского анализа. – М.: Алгоритм, 2002.
18. Ланцев С.А. Политическая история России. – СПб.: Питер, 2003.
19. Младшая Эдда. – М., НИЦ «Ладомир», 1994.
20. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1990.
21. Осборн Р. Цивилизация. Новая история западного мира. – М.: Изд-во Аст: Аст Москва: Хранитель, 2008.
22. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. – М.: Госкомстат России, 2003.
23. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2003.

24. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М., 1995.
25. Пашенко В.Я. Идеология евразийства. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2000.
26. Песнь о Нибелунгах: Эпос. – СПб., 2000.
27. Пети П., Ларонд А. Эллинистические цивилизации. – М., 2004.
28. Робин Р. Культура // 50/50: Опыт словаря нового мышления. – М.: Прогресс, 1989. С.232–234.
29. Словарь иностранных слов. – 12-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985.
30. Сурдель Д., Сурдель Ж. Цивилизация классического ислама. – Екатеринбург: У: Фактория, 2006.
31. Тойнби А.Дж. Постигание истории. Избранное. М.: Айрис Пресс, 2006.
32. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Сборник. – М.: Айрис Пресс, 2006.
33. Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». – М.: Изд-во «Европа», 2006.
34. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М.: Наука, 1993. С. 72–75.
35. Уотт М. Монгомери. Влияние ислама на средневековую Европу. – М.: Наука, 1976;
36. Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. – М.: Языки русской культуры, 2000.
37. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1984.
38. Хакимов Р.С. Степная цивилизация // Хакимов Р.С. Метаморфозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации). – Казань, 2005. С. 81–100.
39. Хакимов Р.С. Тернистый путь к свободе (Сочинения. 1989–2006). – Казань, 2007.
40. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций... – М.: Изд-во АСТ, 2003.
41. Ютанов Н. Практика цивилизаций // Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. С. 5–6.

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ

И.Л. Измайлов

ГОРОДА И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В УЛУСЕ ДЖУЧИ:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Аннотация. Информационные процессы на просторах Северной Евразии в XIII–XIV вв. были достаточно интенсивными, долгое время обеспечивая устойчивость общества и государства, создавая особую информационную среду, которая по своим основным параметрам оказалась достигнутой только в императорской России XVIII–XIX вв. Природно-географической особенностью Улуса Джучи являлось то, что основная территория этой средневековой империи располагалась в степной, лесостепной и лесной зонах. При этом, следует подчеркнуть, что важнейшая часть страны с крупными городами и торговыми магистралями располагались в степной зоне, а главные ресурсы в лесной и лесостепной части страны. Но именно города и растущая вокруг них инфраструктура являлись потребителями продуктов и сырья, добываемых в других областях и даже странах. Не могла существовать эта империя и без международной торговли, в первую очередь как транзитного пути с Запада на Восток – из Европы и Средиземноморья в Китай. Одной из важнейших функций данного государства было создание условий для объединения усилий разнообразных общин внутри Улуса Джучи для обеспечения регулярного обмена сырьем, продукцией ремесленного производства и продуктами питания. Объединение страны этими информационными потоками явилось главнейшей задачей государства и его успешного функционирования на протяжении почти полутора столетий.

Ключевые слова: Улус Джучи, информационные потоки, торговые пути, дорожная сеть, урбанизация, бюрократия, документооборот, система образования, исламизация, культура.

История и информация: структура управления и динамики урбанизации.

После филологического поворота в исторических науках вырос интерес не к самой событийной истории, не к дилемме достоверное/ложное, а к анализу тех глубинных структур, которые эти события порождали. Оче-

видная привлекательность подобного подхода связана с его несомненной объективностью, поскольку в пределы его внимания попадают те структуры, которые, как правило, выпадают из поля зрения самих участников исторического процесса, а стало быть оказываются в меньшей зависимости от оценочных установок участников событий или описывающих их современников и потомков. Подобный подход во многом призван абстрагироваться от предвзятости официальной историографии, позволяет лучше понять реальные движущие силы и мотивы как исторических событий, так и повседневной действительности. При таком подходе событийная история в стилистике Л. фон Ранке с его классическим историзмом «как это было на самом деле» в настоящее время уступает место анализу эволюции общества и структур его ментальности. Актуальность (как познавательная, так и практическая) этого антропологического направления поиска не подлежит сомнению, поскольку в его фокусе оказываются главные (с точки зрения самого человека) составляющие глобального эволюционного процесса, вырабатывается мироощущение, ведущее к пониманию глубинных элементов становления и развития человеческого общества. Этот подход прост для понимания, убедителен, но труден с точки зрения практической реализации заявляемых им установок [Лич: 2001. С. 9–11].

Проблема данного метода только в том, что хотя источников для его изучения достаточно, но они не являются очевидными. В принципе для такого анализа действительно наличествует достаточный объем информации (письменной, археологической, географической и т.д.), но она, как правило, крайне разрознена, в гуманитарный оборот введена мало, требует большой изобретательности для ее синтеза. Убедительность же напрямую зависит от объема массива привлекаемых данных. Представляется, что до сих пор уделялось недостаточно внимания внутрикультурной специфике информационных процессов, протекающих внутри того или иного сообщества. Между тем, по мнению ведущих философов, коммуникация является важнейшим признаком государства и всей цивилизации. Как указывал М. Кастельс: «Власть больше, чем коммуникация, а коммуникация больше, чем власть. Но массовая коммуникация, коммуникация, которая потенциально охватывает общество в целом, формируется и управляется властными отношениями, коренясь в медиабизнесе и политике государства. Коммуникационная власть находится в сердце структуры и динамики общества» [Кастельс: 2016. С. 20; Хабермас: 2022].

Разумеется, есть слишком большая разница между ролью и структурой коммуникации в современном обществе и в средние века. Но некоторые основные, базовые элементы, их роль и влияние на функционирование всего общества, несомненно, имеют много общего. Тем не менее,

очень важно понять насколько важными и интенсивными были информационные потоки в период Улуса Джучи. Именно они определяли не просто оперативность и насыщенность прохождения информации, но и определяли устойчивость всей системы, являлись важнейшим залогом управляемости и стабильности общества.

Природно-географической особенностью Улуса Джучи являлось, как было сказано, расположение основной части этой средневековой империи в степной, лесостепной и лесной зонах (О социоестественных подходах к истории Золотой Орды см.: [Кульпин: 2008. С.19–27, 38–57, 90–103]). При нахождении ядровой части страны с крупными городами и торговыми магистралями в степной, а основных ресурсов в лесной и лесостепной частях страны, возникала проблема обеспечения жизнедеятельности этих структур, ибо именно города и растущая вокруг них инфраструктура являлись потребителями продуктов и сырья. Не могла существовать эта империя и без международной торговли, в первую очередь как транзитного пути с Запада на Восток, то есть из Европы и Средиземноморья в Китай. Существовали также важнейшие торговые пути внутреннего значения – из Крыма и Азака в Укек и Болгар, из Сарая в улус Мухшу (город Наручад), из Хорезма в Болгар. Но главнейшим из них был Волжский путь, являвшийся стеновым хребтом всего Улуса Джучи.

Тем самым природные условия Улуса Джучи представляли собой своеобразное сочетание факторов, которые позволяют поставить вопрос о своеобразии ее исторического развития. Одна из основных его характеристик является несомненная интенсивность протекания внутренних и межрегиональных информационных процессов, которые являлись следствием своеобразия природных условий, а также их многообразия и особенности адаптации к ним человека. Но главное – это создание условий для объединения усилий разнообразных общин внутри страны для обеспечения регулярного обмена сырьем, продукцией ремесленного производства и продуктами питания. Объединение страны этими информационными потоками явилось главнейшей целью начального этапа развития государства и его успешного функционирования на протяжении почти столетия.

Ханам Золотой Орды к середине XIII в. подчинялась огромная территория, которая простиралась от Дуная на западе и до Иртыша на востоке, от Дербента и Хорезма на юге до Прикамья и Причулымья на севере. Если завоевать эти страны и народы было трудно, еще сложнее было удерживать их в подчинении. Не случайно многие кочевые империи исчезали в горниле истории сразу же после смерти своих создателей. Поэтому умудренный тысячелетним опытом потомок киданьских императоров Елюй Чуцай, ставший советником Чингиз-хана, говорил: «Основать империю,

сидя верхом на коне можно, но управлять ею сидя в седле нельзя» [Трепавлов: 1993. С. 31–44]. Следуя этому правилу, Чингизиды на всей территории обширной, разнородной и многоэтничной Монгольской империи (Еке Монгол улус) создавали сложную и разветвленную административную систему. В Улусе Джучи она начала складываться в 40-х гг. XIII в., а в начале XIV в. административно-территориальная структура уже выкристаллизовывалась, внедряя единые принципы организации системы управления и администрирования [Трепавлов: 2009. С. 170–188; Исхаков, Измайлов: 2007. С. 82–94]. Настолько, насколько это можно было возможно в средневековой империи.

Улус Джучи XIII–XV вв. (Родина 1997 № 3–4)

Города и дорожная инфраструктура.

Практически все путешественники и географы специально акцентировали внимание на городскую структуру Золотой Орды, соотнося с этими центрами их округу. Довольно точно на основании рассказов побывавших там купцов и дипломатов, территорию Золотой Орды в первой половине XIV в. описал арабский историк ал-Омари, который среди наиболее известных ее городов и областей отмечает Хорезм, Сыгнак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, Маджар, Азак, Акчакерман, Кафу, Судак, Саксин, Укек, Болгар, Дербент [Тизенгаузен: 1884. С. 236]. Появление большого числа городов в Дашт-и Кыпчаке в XIII–XIV вв. (сейчас их известно около ста [Егоров: 1985. С. 75–150; Федоров-Давыдов: 1994]) – явление

уникальное в истории средневековья. Практически на пустом месте в регионе с небольшой городской округой в дельте Волги возникли не просто отдельные города, а целая земледельческая область, ставшая центром особой цивилизации, сочетавшей степную кочевническую и оседлую мусульманскую культуры. Связаны между собой эти города и центры улусов были системой сухопутных дорог и водными путями.

Установление единого общегосударственного информационного поля сопровождалось значительной активностью властей в области создания дорожной инфраструктуры (т.е. дороги играли роль основного «канала информации»). Создание дорожной сети было одним из наиболее значимых государственных проектов (наряду со строительством столицы, установлением владений в улусах и правлений в подвластных провинциях) по формированию имперской среды обитания. Дорожная сеть была призвана облегчить обменные процессы между Центром и периферией, между отдельными регионами, различными хозяйственными укладами. При этом, судя по всему, планомерное формирование дорожной сети было начато первоначально не в силу экономической потребности в ней периферии (дороги, обеспечивавшие местные нужды, возникли ранее «естественным» образом без всякого вмешательства правительства), а из-за того, что они были нужны прежде всего Центру – исходя из соображений престижности, управленческих и военных нужд.

Следует подчеркнуть, что развитие дорожной сети служило укреплению единства государства, тем самым, сплачивая различные части империи и способствуя формированию цивилизационного поля. Многие из этих дорог сохранялись под названием *сакма* (вероятно, происходит от тюрк. *sok* «бить», «топтать») – изначально след на земле (траве, снегу), оставленный миграцией животных, а позднее стало означать всякую проторенную, проверенную, наезженную дорогу. Направление этих сакм, например, от Азака до Укека, от Сарая до Укека, от Укека до Болгара и от Укека до Наручади (улус Мухша) сохранилось вплоть до Нового времени, что показывает давнюю традицию их использования (О дорожной системе, например, вокруг Укека см.: [Ablyazov, Singatulin: 2015.]).

Основой функционирования дорожной сети было создание системы бесперебойно функционирующих коммуникаций – ямов (йамов, джамов) – почтовых станций с лошадьми и караван-сараями. Обычно они располагались на расстоянии 30–50 км между собой, т.е. на длину дневного перехода, на всех важнейших караванных путях Улуса Джучи, связывая различные города и порты страны.

Великим ханом Угедеем (1229–1241), сыном Чингиз-хана и его преемником в 1235 г. была учреждена конно-почтовая служба между монгольской

столицей Каракорумом и Северным Китаем, откуда поступала основная часть продовольствия. На этом путь были «... расположены *ямы*, помимо *баян-ямов*, и называли [их] *нарин-ямами*. Через каждые пять фарсангов [находился] один *ям*. Вышло 37 *ямов*. На каждом перегоне для охраны тех *ямов* поставили по одной тысяче» [Рашид-ад-Дин: 1960. С.41].

Система транспортных коммуникаций по мере расширения империи развивалась и совершенствовалась. Как писал Ф.Рашид-ад-Дин: «А для того, чтобы происходило непрерывное прибытие гонцов как от царевичей, так и от его величества каана в интересах важных дел, во всех странах поставили *ямы* и называли это «*таян ям*». Для установления этих *ямов* назначили гонцов от царевичей ... Упомянутые эмиры ... отправились и во всех областях и странах по долготе и широте земного пояса установили *ямы*» [Рашид-ад-Дин: 1960. С.36]. Был создан особый диван, ведавший делами «*ямов* и курьеров» [Рашид-ад-Дин: Т. III. 1946. С.179].

Об этом же свидетельствует персидский чиновник и историк Джувейни: «И когда удлинились и расширились их владения и стали происходить важные события, стало необходимо знать, чем занимаются их враги, и также нужно было перевозить товары с Запада на Восток, и с Дальнего Востока на Запад. Поэтому по всей ширине и длине страны были учреждены *ямы*, и сделаны распоряжения о содержании и расходах по каждому *яму*, и выделено для них определенное число людей и животных и количество яств, напитков и прочих необходимых вещей. И все они были поделены между *туменами*, и каждые два *тумена* должны были содержать один *ям*. И соответственно переписи они так распределяют их, чтобы гонцам не приходилось подолгу скакать до места, где взять свежих лошадей, и чтобы ни крестьянство, ни войско не терпели постоянного неудобства. Более того, гонцам дан строгий наказ беречь лошадей и другие наказания – перечисление всего займет слишком много времени. Ежегодно *ямы* осматриваются, и если случается какой-либо недостаток или пропажа, убыток возмещают крестьяне» [Джувейни: 2004. С.24–25].

В официальных документах *ям*, как повинность, впервые упоминается 1 августа 1267 г. в ярлыке хана Менгу-Тимура. Этим актом русское духовенство навечно освобождалось от *ямской* и других повинностей. *Ямская* повинность была одной из важнейших государственных повинностей населения, избавление от которой особо оговаривалось в тарханных ярлыках, например, русскому духовенству.

В частности, монгольскую имперскую систему *ямов* описывает Марко Поло: «По какой бы дороге ни выехал из Канбалу гонец великого хана, через двадцать пять миль [около 40 км] он приезжает на станцию, по-ихнему *янб* а по-нашему конная почта; на каждой станции большой, прекрасный

дом, где гонцы пристают. ... На каждой станции по четыреста лошадей; так великий хан приказал; лошади всегда тут наготове для гонцов, когда великий хан куда-либо посылает их. По всем главным областным дорогам через двадцать две мили, а где через тридцать, есть станции; на каждой станции от трехсот до четырехсот лошадей всегда наготове для гонцов; тут же дворцы, где гонцы пристают. Вот так-то ездят по всем областям и царствам великого хана. В местах пустынных, где нет ни жилья, ни постоянных дворов, и там великий хан для гонцов приказал устроить станции, дворцы и все нужное, как на других станциях, и коней, и сбрую; гоньба только подалее; есть станции в тридцать пять миль, а в ином месте более сорока. Вот так-то, как вы слышали, ездят гонцы великого хана, и на всякой гоньбе есть им где пристать, и лошади готовы» [Поло: 1956. С. 121].

Далее он подчеркивает, что ямы снабжают всем необходимым города и поселения: «Так устроены все станции, и они ничего не стоят великому хану; только на станциях в местах нежилых он приказывает выставлять своих собственных лошадей. Когда нужно поскорее доложить великому хану о какой возмущившейся стране или о каком князе, или о чем важном для великого хана, гонцы скачут по двести миль в день, а иной и по двести пятьдесят миль, и скажу вам, как это делается: когда гонцу нужно ехать скоро столько-то миль, как я рассказывал, для этого дается ему дщица [пайцца] с кречетом. Если гонцов двое, оба пускаются с места на добрых, сильных скакунах; перевязывают себе животы, обвязывают головы и пускаются, сколько мочи, вскачь, мчатся до тех пор, пока не проедут двадцать пять миль на станцию, тут им готовы другие лошади, свежие скакуны. Садятся они на них, не мешкая, тотчас же, и как садут, пускаются вскачь, сколько у лошади есть мочи; скачут до следующей станции; тут им готовы новые лошади, на них они садятся и едут дальше, и так до вечера. Вот так-то, как я рассказывал, гонцы проезжают двести пятьдесят миль и доставляют великому хану вести, а коли нужно и весть важная, так и по триста миль проезжают» [Поло: 1956. С. 122].

Эта система ямов, распространенная по всей Монгольской империи, исправно функционировала в Улусе Джучи, а от нее была заимствована в Московском государстве. Австрийский дипломат С. Герберштейн так описывал русскую ямскую службу XVI в.: «Государь имеет ездовых во всех частях своей державы, в разных местах и надлежащим количеством лошадей, так чтобы, когда куда-нибудь посылается царский гонец, у него без промедления наготове лошадь. При этом гонцу предоставляется право выбрать лошадь, какую пожелает. Когда я спешно ехал из Великого Новгорода в Москву, то почтовый служитель, который на их языке называется ямщиком (iamschnick), доставлял мне ранним утром когда трид-

цать, а когда и сорок или пятьдесят лошадей, хотя мне было нужно не более двенадцати. Поэтому каждый из нас выбирал такого коня, который казался ему подходящим. Потом, эти лошади уставали и мы подъезжали к другой гостинице, которые у них называются ямами (*iamae*), то немедленно меняли лошадей, оставляя прежнее седло и уздечку. Каждый может ехать сколь угодно быстро, а если лошадь падет и не сможет выдержать, то можно совершенно безнаказанно взять другую лошадь из первого попавшегося дома или у всякого случайного встречного, за исключением только гонца государева» [Герберштейн: 1988. С.122.]. Это яркое описание позволяет представить, как эта система действовала и в Золотой Орде, обеспечивая бесперебойное движение гонцов и служилых людей, выполнявших государственные поручения.

С.Герберштейн с удивлением писал: «На таких почтовых лошадях мой слуга проехал за семьдесят два часа из Новгорода в Москву, которые расположены друг от друга на расстоянии шестьсот верст... И это тем более удивительно, что лошади их очень малы и уход за ними гораздо более небрежен, чем у нас, а труды они выносят весьма тяжелые»» [Герберштейн: 1988. С.122.]. Из этого следует, что ямщики в XVIв. преодолевали путь со средней скоростью 6–8 км/час. Удивление С.Герберштейна понятно. Дело в том, что нигде в Европе в то времена почта не была государственной. В записках англичанина Э.Дженкинсона, совершившего 1–6 декабря 1557г. переезд из Вологды в Москву на почтовых саниах, указывается, что «Всего между Вологдой и Москвой 14 постов, называемых ямами (*jannes*), в которых считается до 500 верст», а он проехал это расстояние за 7 суток, делая примерно по 50–60 км/сутки [Английские путешественники: 1937. С.77].

Но все эти традиции были заложены еще в середине XIIIв. монгольскими ханами. Так, путь Дж. де Плано Карпини и Г.Рубрика из Нижнего Поволжья (всего около 4500 км) – из ставки Бату, до Каракорума занял 105 и 101 день [Путешествия: 1957. С.71–75, 118–139, 230–231, 235].

Гонцы двигались с гораздо более значительной скоростью. При нормальном переходе (50 км) 6,5–7,75 км в час, а при высшей необходимости при регулярной смене лошадей и самих гонцов скорость могла достигать и более 200 км в сутки. При этом гонец путь из Каракорума до Сарая (около 4100 км) мог преодолевать за 20 дней, а возможно, и быстрее при эстафетной передаче послания.

Кроме чисто государственных интересов – быстрое распространение важной государственной информации во все концы страны, система ямов, вместе с возникшими рядом с ними караван-сараев стала важнейшими торговыми артериями страны, по которым беспрепятственно и безопасно двигались караваны с товарами от портов Крыма до Каракорума и Ханба-

лыка. Яркое описание этого пути из Кафы в Сарай, а из него в Ургенч и оттуда в Индию дал в начале XIV в. путешественник и географ Ибн Батута [Тизенгаузен: 1884. С.280–314]. Это были не только пути движения материальных ценностей, но информации – культурных и технологических достижений, религиозных проповедников. Недаром часто караван-сарай служили вакуфом для какой-либо суфийской общины или близ караван-сарая возникал странноприимный дом для проповедников и дервишей.

Движение письменной информации и торговые магистрали.

Объем информации, протекавшей через административные службы Улуса Джучи оценить довольно сложно, поскольку в силу практически полного отсутствия делопроизводственной документации, мы можем сделать это только приблизительно. Но и эти оценки весьма красноречивы.

К числу *основной государственной документации* относилась вся фискальная информация. Иногда считается, что перепись была вызвана военными нуждами, но это весьма односторонний взгляд, вызванный предрассудками отечественной историографии, что вся Золотая Орда строилась как воинское подразделение. Но этим не объясняется перепись в оседлых странах, откуда войско не набиралось. Главной причиной переписи было становление Монгольской империи и единой административной системы, которая включала установление регулярного налогообложения всего населения империи.

Сразу после завоевания подчиненные области провели переписи населения и стали выплачивать единый налог. Но при великом хане Мунке была произведена полная единовременная и единообразная перепись, растянувшаяся на несколько лет. В Улусе Джучи она состоялась в 1254–1259 гг. и позднее в 1273 г. Нам о ней известно по данным русских летописей: «Тое же зимы (1255) приехаша численницы из Татар, и сочтоша всю землю Русскую, и поставиша десятники и сотники, толико не чтоша игумнов, и попов и чрнецов» [ПСРЛ: Т. VII. 2001. С. 161]. Есть сведения о проведении переписи в Крыму, Алании, Болгаре и Сибири [Allsen: 1981. P. 139.]. Переписью ведали уполномоченные – *битикчи*, которые относились к особому фискальному учреждению «Диван-и битикчи». То, как происходила перепись, описано у визиря при Ильханидах и историка Ф. Рашид-ад Дина: «[Государь] повелел, чтобы в каждую область отправился расторопный *битикчи*, подробно, деревня за деревней, описал всю область... Поэтому мы отправили во все владения *битикчиев*, чтобы они подробно переписали каждую область, уезд и деревню и так установили бы денежный налог и подати, чтобы весь народ успокоился, благодарил и был этим доволен» [Рашид-ад-Дин: Т. III. 1946. С. 253, 257]. В Новгородской I летописи (НПЛ) это действие описывается так: «И почаша ездити окаянные по улицам, пишуше

дома крестьянские» [ПСРЛ: Т. III. 2000. С. 311]. Очевидно, описывалось не только численность взрослого населения (от 15 до 60 лет), но и хозяйство. Полная похозяйственная перепись позволяла превратить налогообложение в законный юридический и фискальный документ, делая налогообложение понятным, регулярным и единообразным, насколько это было возможно в средние века. Вполне очевидно, что в дальнейшем подобные переписи стали на Руси регулярными, примерно раз в 10–15 лет. Скорее всего, все сведения о переписи хозяйств всего населения Улуса Джучи записывались в отдельные книги (*дэфтэр*), которые хранились в специальных учреждениях – прообразах архивов, которые на мусульманском Востоке именовались «хазинэ» («казна») [Абзалов: 2016].

Исходя из них исчислялись дани и различные подати регионов и производилась сверка поступления средств в казну государства.

Подобная традиция сохранялась в Московском великом княжестве, а позднее и Московском царстве в XV–XVII вв., где эти земельно-хозяйственные описания велись постоянно и фиксировались в специальных, так называемых *писцовых книгах*. Значение писцовых книг как документов, на основе которых производится обложение, усиливается, но они начинают носить характер поземельных описей, включающих описания от сведений о башнях городских кремлей до известий о породах промысливаемой в озёрах рыбы. Тем не менее, писцовые описания не были в полной мере учетом населения, а в ходе них выявлялись только владельцы дворов, как основа налогообложения в стране.

Другим важнейшим источником получения доходов в казну, требовавшем огромной соответствующей документации, было ***функционирование торговых путей и развитие международной и внутренней торговли***. Образование в Евразии империи Чингиз-хана и его потомков, возникшей из крови и разрушений периода завоеваний, привело к созданию «мировой державы», объединившей земли от Амура до Дуная и от Северного Ледовитого океана до Персидского залива. После своего возникновения эта империя переживала период своего расцвета, когда наступил период относительно прочного мира. Хотя междоусобная война крупнейших улусов и привела в 1269 г. к образованию самостоятельных государств, но даже тогда экономические и этнополитические связи объединяли их гораздо сильнее, чем спорадические пограничные конфликты.

Прекрасно иллюстрирует это история Поволжья в период Золотой Орды. Единые законы, отсутствие многочисленных таможенных перегородок и стабильное управление воспринимается населением как огромное благо. Практически сразу после завоевания стали активно действовать мировые торговые магистрали, которые пришли в упадок в конце XII в. Это в

первую очередь Великий шелковый путь, который проходил через территорию Улуса Джучи от Ургенча до Азака и городов Крыма, через Сарай, и торговый путь по Волге и Каспию, связывая Переднюю Азию с Северной Европой. В силу своего исключительно выгодного географического положения Улус Джучи стал средоточием целого ряда магистральных торговых путей, пронизывавших весь евразийский континент.

Один из них – *поволжский* – связывал мусульманский Восток с Северной Европой и Балтикой.

Второй – *черноморско-волжский* – соединял причерноморские города с нижеволжскими городами и далее со среднеазиатским ответвлением Великого шелкового пути.

Третий – *транскавказский* – связывал страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой.

Важнейшей караванной дорогой для Золотой Орды служила магистраль, которая была *северным ответвлением Великого шелкового пути* и шла через города Восточного Туркестана, Семиречья, Хорезма в Поволжье, а оттуда – в Центральную Европу. Благодаря удачно сложившейся конъюнктуре в условиях войн и нестабильности на Среднем и Ближнем Востоке, вызванной монгольскими завоеваниями, вторжениями хорезмийцев и крестовыми походами, товарный поток из Китая хлынул в Европу через Поволжье. Концентрация богатств, награбленных в завоеванных странах, и участие в мировой торговле колоссально обогатили аристократию Улуса Джучи, и подталкивали ее к подчинению новых земель, к установлению контроля за балканским и малоазиатским отрезками Великого шелкового пути. По этому знаменитому торговому пути, начинавшемся в Китае и проходившем через Орду, шли многие необходимые для Западной Европы товары – пряности, шелк, хлопок, драгоценные камни, хлеб и рабы, а также меха и пушнина [Martin: 1978. PP. 401–421; Петров: 1995. С. 60–91; Федоров-Давыдов: 1998. С. 38–59; Хансен: 2014; Франкопан: 2019]. Этот поток товаров, чрезвычайно ценившихся на рынках Европы, обогащал посредников и служил одной из основ благосостояния всех городов Дашт-и Кыпчака. С торговлей были связаны не только поступления в казну от торговых пошлин, но и благополучие многочисленной obsługi: караванщиков, проводников, охраны, владельцев караван-сараев, ремесленников и т.д. Кроме того, многие мастерские занимались изготовлением предметов на продажу и переработкой полуфабрикатов. Все они очень чутко реагировали на любые изменения торговой активности.

Судя по запискам европейских послов и купцов (Дж. де Плано Карпини, Г. Рубрук, Марко Поло), этот путь активно начал функционировать уже с середины XIII в. Ханская власть уже в 1250-е гг. поощряла

торговлю и давала ряд привилегий купцам, что отмечает армянский историк и современник этих событий Киракос Гандзакеци. Говоря о некоем Рабане-ата, он подчеркивает, что последний имел от монгольского хана грамоту, дававшую ему особые привилегии, а «его торговые люди, снабженные тамгой, т.е. знаком и грамотой, свободно странствовали по всей стране, никто не осмеливался подойти к людям, которые называли имя Рабана. Все военачальники татарские посылали ему дары из своей военной добычи» [Киракос Гандзакеци: 1976. С. 174–175]. Беспрепятственная торговля позволяла быстрее обмениваться новинками науки и техники, быстрее претворять их в производство. Кроме того, перераспределение продукта в пределах державы способствовало сосредоточению его в руках местной знати, например, на Руси, Булгарии и т.д. Судя по археологическим материалам, благосостояние даже простого населения столицы было довольно высоким, а средоточие излишков богатств и продуктов в отдельных городах вызывало в них бурный расцвет ремесла, науки и культуры.

Другим важным условием служило создание стабильной до определенных пределов денежно-финансовой системы Улуса Джучи. Уже в середине XIII в. создана своя денежно-весовая система, основой которой стал серебряный *дирхем* (*йармак*) весом 1,156 г. позднее эта система была упорядочена ханом Токтой в 1310/11 г. и с некоторыми изменениями просуществовала вплоть до гибели государства, а в некоторых регионах и позднее [Мухамадиев: 1983. С. 41–140; Федоров-Давыдов: 2003]. Одновременно выпускались и медные монеты пропорциональные ценности серебряной монеты, которые имели хождение внутри страны и за ее пределами, а в некоторых государствах (например, Московском великом княжестве) она стала основой возникшей денежно-весовой системы. Стабильность и кредитоспособность торговцев Улуса Джучи способствовали не только укреплению их связей со Средиземноморьем, но и появлению передовых форм кредитно-финансовых систем – банков и векселей. По аналогии с Юаньским Китаем, возможно, на территории Улуса Джучи имели хождение и бумажные деньги – государственные векселя.

Регулярные контакты с итальянскими республиками и другими государствами Средиземноморья, с турецкими эмиратами, Византией и особенно Мамлюкским Египтом требовали обмена многочисленными документами, часть из которых сохранилась в архивах Италии и Египта. Даже по этим внешнеполитическим актам, торговым соглашениям и различным деловым письмам мы можем судить о том, насколько тесными и многообразными были эти связи.

Урбанизация в Улусе Джучи: системные связи.

Средневековый город был неразделимо связан с окружающим пространством. Более высокая плотность и концентрация населения в рамках городской застройки требовали постоянного притока продуктов питания и разнообразного сырья для функционирования ремесла и жизнеобеспечения. Города везде и во все времена нуждались и потребляли многократно больше продуктов, чем могли производить его жители. В основном объеме необходимые продукты питания и различные полуфабрикаты производила сельская округа этих городов. Но условия существования мегаполисов, особенно в Нижнем Поволжье, требовали значительного количества продуктов, прежде всего зерна и мяса. Между тем, округа этих городов не могла в полной мере осуществлять снабжения этих городских агломераций продуктами питания. Это было возможно только за счет обеспечения этого региона из старых центров развитого земледелия – из Болгарского улуса и улуса Мухши.

Необходимо подчеркнуть, что одной из важнейших функций Империи Джучидов было создание эффективной налоговой системы для чего была проведена перепись населения, был налажен постоянный документооборот и передача собранных сведений по всей вертикали власти. Становление и постоянная поддержка торговых путей и унифицированной денежной системы создали условия для объединения усилий разнообразных общин внутри Улуса Джучи для обеспечения регулярного обмена сырьем, продукцией ремесленного производства и продуктами питания. Объединение страны этими информационными потоками являлось главной целью развития государства и его успешного функционирования на протяжении почти полутора столетий.

Все эти торговые пути служили своеобразными становыми хребтами для Золотой Орды: возникшие на этих путях города объединяли страну, став основой благосостояния Улуса Джучи. С торговлей были связаны не только поступления в казну от торговых пошлин, но и благополучие многочисленной obsługi. Кроме того, многие городские мастерские занимались изготовлением предметов на продажу и переработкой полуфабрикатов.

Появление в XIII–XIV вв большого числа городов в Дашт-и-Кыпчаке – явление уникальное в истории средневековья [Егоров: 1985]. Практически на пустом месте выросли не просто отдельные города, а целые урбанизированные области, ставшие центрами яркой тюрко-мусульманской цивилизации. Основные города Улуса Джучи возникли именно на торговых путях. От городов Нижнего Присырдарьинья – Саурана, Сыгнака, Дженда, Ургенча, через города Поволжья – далее на юго-запад в

Предкавказье, где возникает город Маджар и до Нижнего Подонья, где строится Азак, до крымских городов – Солхата и Кырк-Ера, до городов Нижнего Приднепровья (Кучугуры) и далее на запад в Приднестровье, где возникает целый комплекс городов – Аккерман (Белгород), Исаки (Старый Орхей) и др.

Сердцем Улуса Джучи были степи Дашт-и-Кыпчака и особенно Нижнее Поволжье. Именно в этой области, по словам Ибн-Халдуна, было «мало городов, но много населенных мест». Здесь же находились два мегаполиса Улуса Джучи – Сарай и Сарай ал-Джадид (Новый Сарай), а также другие крупные города: Хаджитархан (близ современной Астрахани), Бельджамен, Укек (близ современного Саратова) и Сарайчик, которые вместе с десятками городков и поселений, их окаймлявших, образовывали густонаселенный земледельческий оазис, тянувшийся по обоим берегам вдоль всего нижнего течения рек Волги и Урала. По свидетельству очевидца – Ибн Баттуты, население одного только Сарая достигало 75 тыс. человек. Здесь находился политический, экономический и культурный центр империи, место, где происходило средоточие огромных материальных и людских ресурсов – во многом за счет регулярного ограбления провинций – и уже в конце XIII в. произошел небывало стремительный рост городов [Федоров-Давыдов: 1994; Измайлов, Зеленева: 2009; Недашковский: 2010]. Особым оседлым регионом с десятками городов был Болгарский улус с центром в Болгаре [Измайлов: 2009]. Общее оседлое население Улуса Джучи, очевидно, достигало в период до середины XIV в. 2,5–3 млн человек.

Необходимо особо подчеркнуть, что структура городских поселений в Улусе Джучи была достаточно рациональна – она отвечала самым строгим законам логистики и подчинялась социально-политическим и торгово-экономическим требованиям.

Несомненно, что кроме экономики, важнейшую роль в появлении и стремительном росте Сарая и других городов, сыграла ханская власть. Возникнув как административно-политические центры, вокруг которых селилась аристократия, города довольно быстро стали местами, чья хозяйственная жизнь была связана с концентрацией, переработкой и перераспределением стекавшихся со всех концов Орды продуктов и богатств. Обслуживание знати стало мощным импульсом, которому города обязаны бурным подъемом экономической и культурной жизни в конце XIII – первой половине XIV вв. – в период наивысшего могущества правивших здесь ханов. До тех пор, пока функционировали трансевразийские торговые магистрали, существовал своеобразный социальный симбиоз оседлых и кочевых областей, ханам Улуса Джучи и правящим

кланам удавалось сдерживать сепаратизм отдельных улусбеков и удерживать в подчинении покоренные народы.

Все это подчеркивает тот факт, что кроме торговых контактов, которые мы можем в определенной мере изучить с помощью археологических раскопок (монеты, находки импортов, новые технологии, различные религиозные предметы и т.д.) и на чем всегда концентрировалось внимание исследователей, существовали и незримые связи, которые связывали страну гораздо прочнее, чем хозяйство и торговля. Это прежде всего государственная воля, которая реализовывалась в документообороте, небольшая часть которого представлена в сохранившихся ярлыках и их упоминания, в государственных атрибутах (пайзцах и т.д.), а также в единообразии монетного чекана, налогов и пошлин, что было бы невозможно без единой государственной политики. Другим большим пластом информации, который в том или ином виде функционировал внутри страны, было снабжение продовольствием, поскольку города Улуса Джучи нуждались в значительных объемах зерна и мяса – главных продуктов питания населения. Сюда же следует прибавить сведения о необходимых поставках сырья для ремесленного производства и строительных материалов. Без постоянного обмена информацией подобное снабжение было бы просто немыслимо, а огромное количество населения в городах не позволяло оставить этот вопрос на решение за счет частной инициативы. Здесь явно и четко действовала государственная воля, которая была немыслима без регулирования с помощью передачи информации. Нельзя оставить в стороне и религиозные связи внутри страны, которые требовали некоей стандартизации обучения и регламентации ритуалов. Иными словами, передача информации по вертикали власти и по горизонтали государственного пространства страны не оставляет никаких возможностей представить Улус Джучи в виде варварской, дикой и паразитической державы, жившей за счет ограбления провинций. Это было цивилизованное государство – средневековая империя, которая функционировала используя разнообразную информацию, собирала и обрабатывала ее, распространяя по различным вертикально и горизонтально организованным каналам. В этом была сила этого государства и его устойчивость. Именно эти традиции долго держали его как единое целое, а позже были восприняты его наследниками, в числе которых имелось и Московское царство.

Список литературы

1. Ablyazov K., Singatulin R. Logistics of Trade Routes of the Golden Horde. Effective Adaptive system with Feedback. NY: Nova Science Publishers, 2015. – 35 p.

2. Allsen Th. T. Mongol Census Taking in Rus 1245–1275 // *Harvard Ukrainian studies*. 1981. Vol. V. № 1. PP. 32–53.
3. Martin J. The Land of Darkness and the Golden Horde: The Fur Trade under the Mongols, XIII–XIV Centuries // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1978. № 19. PP. 401–421.
4. Абзалов Л. Ф. Ордынская канцелярия. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. – 333 с.
5. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. с англ. Ю. В. Готье. М. Соцэкгиз. 1937. – 307 с.
6. Герберштейн С. Записки о Московии. Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. – 430 с.
7. Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: ИД МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. – 690 с.
8. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. – 245 с.
9. Измайлов И. Л. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 448–470.
10. Измайлов И. Л., Зеленева Ю. А. Нижнее Поволжье и столицы // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV вв. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 215–225.
11. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. – 356 с.
12. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие. М. Кастельс; пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
13. Киракос Ганджакеси. История Армении. М.: Наука, 1976. 358 с.
14. Кульпин Э. С. Золотая Орда: судьбы поколений. М.: Инсан, 2008. – 192 с.
15. Лич Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. Пер. с англ. М.: ИФ «Вост. лит-ра», 2001. – 142 с.
16. Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. – 162 с.
17. Недашковский Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит-ра, 2010. – 351 с.
18. Петров А. М. Великий шелковый путь (о самом простом, но мало известном). М.: Вост. лит-ра, 1995. – 127 с.
19. Поло М. Книга Марко Поло. Пер. с старофр. И. П. Минаева. М.: Географиз, 1956. – 376 с.

20. ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. – 720 с.
21. ПСРЛ. Т. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. – 240 с.
22. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Пер. И.Н. Малеина. М.-Л.: Географгиз, 1957. – 270 с.
23. Рашидад-Дин Ф. Сборник летописей. Т. II. Пер. с перс. Ю.П. Верховского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 248 с.
24. Рашидад-Дин Ф. Сборник летописей. Т. III. Пер. с перс. А.К. Арендса. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 340 с.
25. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. – 564 с.
26. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М.: Наука, 1993. – 168 с.
27. Трепавлов В.В. Становление Улуса Джучи // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV вв. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 170–188.
28. Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. – 232 с.
29. Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижеволжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1998. С. 38–59.
30. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. – 351 с.
31. Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. М.: Эксмо, 2019. – 864 с.
32. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: Т. 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Т. 2. К критике функционалистского разума. Пер. с нем. А.К. Судакова. Москва: Изд-во «Весь Мир», 2022. – 880 с.
33. Хансен В. Великий Шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай–Согдиана–Персия–Левант. М.: Центрполиграф, 2014. – 477 с.

О ЯЗЫКОВОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ И СИБИРСКИХ ТАТАР

***Аннотация.** Татары, второй по численности народ в Российской Федерации, расселены по всей территории страны. На территории Западной Сибири распространен восточный диалект татарского языка, кроме которого имеются населенные пункты, в которых проживают представители среднего и западного диалектов. В статье речь идет о языковой и этнической общности волго-уральских и сибирских татар.*

***Ключевые слова:** татары, сибирские татары, волго-уральские татары, Западная Сибирь.*

Татары, один из крупнейших этносов России, обладающий богатым культурным и историческим наследием.

Татарские поселения находятся от Рязанской и Тамбовской областей на западе до Кемеровской области и Красноярского края на востоке и от реки Виллой на севере до Астраханской области на юге. На территории Западной Сибири распространен, прежде всего, восточный диалект татарского языка, кроме него имеются населенные пункты представителей среднего и западного диалектов татарского языка. Представители восточного диалекта – сибирские татары, являются аборигенным населением Западной Сибири. Современное расселение сибирских татар на территории Западно-Сибирского региона – результат многовековых этногенетических и миграционных процессов. В разные исторические периоды и казанские татары массово переселялись в Западную Сибирь, смешивались с местными татарами, образуя с ними общую информационно-культурную среду, затем единую татарскую нацию.

Изучение особенностей языка сибирских татар началось относительно давно. В 1801 г. И. Гиганов опубликовал первую грамматику татарского языка, которая была посвящена анализу диалектов именно сибирских татар [Гиганов: 1801]. В 1802 г. Н.Б. Атнометов продолжил эту работу, выпустив «Букварь арабского и татарского письма» [Атнометов: 1802].

Первым научным исследователем диалектов сибирских татар был В.В. Радлов. Он опубликовал текстовые материалы, основанные на фонетическом материале, исследуя диалекты сибирских татар в своей «Сравнительной грамматике тюркских языков». Кроме того, он обратил внимание и на этнический состав сибирских татар. Материалы, опубликованные Радловым, дали старт для многих тюркологических исследова-

ний в последующие годы. Значительный вклад в изучение фонетических особенностей диалектов сибирских татар внес В.А. Богородицкий [Богородицкий: 1934].

Серьезное и систематическое изучение диалектов сибирских татар началось в советский период. Ученые Института языка, литературы и истории им.Г.Ибрагимова, Казанского государственного университета, Тюменского государственного университета и Тобольского государственного педагогического института начали исследовать этот вопрос. В 1939 г. в Казани был создан Институт языка, литературы и истории, а уже в 1940 г. состоялась первая экспедиция сотрудников института в Западную Сибирь, к барабинцам.

В начале 1950-х гг. диалекты сибирских татар начали исследовать в Ленинградском и Московском государственных университетах, а также в Томском педагогическом институте. Работы продолжались в Казани, а в конце 1950-х появились работы в Тобольском педагогическом институте. В это время начали привлекать внимание работы таких ученых, как А.П. Дульзон, Л.В. Дмитриева, Г.Х. Ахатов и Д.Г. Тумашева. Особенно значительную роль в изучении диалектов сибирских татар сыграла Д.Г. Тумашева.

В дальнейшем в изучении особенностей восточного диалекта внесли свой вклад такие ученые, как Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Ф.Ю. Юсупов, Г.М. Сунгатов, З.Р. Садыкова, Г.Ч. Файзуллина, Х.Ч. Алишина, Р.С. Барсукова и др. Неоднократно посещая Западную Сибирь в составе экспедиций, лингвисты собирали материалы прежде всего на основе «Программы» (1959) и принимали участие в составлении «Атласа татарских народных говоров».

Исследования по топонимии сибирских татар нашли отражение в трудах Н.К. Фролова, Т.А. Барановой, М.А. Сагидуллина, Н.В. Хромовой (Лабунец). Прорывом в этой области стали труды Х.Ч. Алишиной и ее учеников.

В изучении фольклора и диалектов сибирских татар можно выделить деятельность татарских ученых – фольклористов и диалектологов, которые являются выходцами из Сибири: Х.Я. Ярми (Ярмухамедов), Ф.И. Урманчеева, Д.Г. Тумашевой, Ф.В. Ахметовой, Х.Х. Гатиной. Они, являясь носителями местных говоров, в совершенстве владея восточным диалектом татарского языка, вели большую работу по сбору и исследованию диалектов и фольклора сибирских татар.

С 2009 г. ИЯЛИ АН РТ начал проводить комплексные экспедиции в места компактного проживания татар, в том числе и в Сибирь. С 2014 г. экспедиционные группы ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ посетили та-

тарские населенные пункты Курганской, Омской, Новосибирской, Томской, Иркутской, Тюменской областей и Красноярского края. Был собран огромный материал диалектологического, исторического, фольклорного и искусствоведческого характера.

Языковая общность волго-уральских и сибирских татар является одним из наиболее интересных аспектов этнической культуры этих народов. Татарский язык принадлежит к тюркской языковой семье и имеет три диалекта, которые отличаются друг от друга по грамматике, лексике и произношению в незначительной степени.

Несмотря на разнообразие диалектов и говоров татарского языка, все они сохраняют основные общие особенности и являются единым языком. Объединяет их единая грамматика и лексика, на которых базируются все три диалекта.

Каждый язык имеет свои ядерные и периферийные элементы. Ядерные элементы – это основные, обязательные элементы для всех диалектов, которые и делают язык единым. В то же время, периферийные элементы могут быть различными для каждого диалекта. Они связаны с различными факторами: с условиями проживания на определенной местности (например, в Поволжье и в Сибири различные природные условия, флора, фауна и соответственно имеются традиции возведения дружных жилищ, иное питание и способы его добычи и т.д.), разные соседи, принадлежащие к разным языковым группам, что приводит к различным лексическим заимствованиям, отличающиеся истории формирования и др. Таким образом, периферийные элементы не являются решающими в определении языка и относительно общего количества элементов не являются многочисленными.

Литературный татарский язык, начавший формироваться еще в средние века, является главным связующим звеном между его диалектами. Литературный язык является наддиалектной подсистемой национального языка и характеризуется такими чертами, как нормативность, кодифицированность, полифункциональность, стилистическая дифференцированность и высокий социальный престиж в среде носителей языка. В отличие от диалектного языка, литературный язык используется как в письменной, так и в устной форме. Это самая развитая и сознательно обрабатываемая форма общенародного языка, которая применяется в различных сферах жизни человека и общества, таких как культура, наука, политика, искусство, делопроизводство, законодательство, официально-деловое, межнациональное и неофициальное общение, и конечно же, система образования. Литературный язык является обязательным для всех представителей татарского народа и не принад-

лежит к какому-либо конкретному диалекту, выступая культурным достоянием всего народа.

Считаю важным подчеркнуть эти вроде бы банальные для лингвиста моменты, потому что сегодня мы видим, что такие понятия, как национальный язык, литературный язык, язык диалектов даже в сознании специалистов перемешались и потеряли свои истинные значения.

Еще тюрколог А.Н.Самойлович, опираясь на языковые материалы, выдвинул гипотезу о существовании «Окско-волжско-камско-тобольского культурно-географического района» [Самойлович: 1927. С.210–217]. Его позиция была подкреплена дальнейшими изысканиями татарских диалектологов, в результате которых в конце 1930-х гг. было сформулировано положение о вхождении сибирских татар в языковом отношении в единую диалектную систему с волго-уральскими татарами в качестве восточного диалекта татарского языка. В дальнейшем, в работах Д.Г.Тумашевой это проблема получила более детальную разработку. Она подчеркивала, что «говорить о языке сибирских татар возможно лишь в историческом аспекте. ... сложившиеся на территории расселения сибирских татар диалекты – тоболо-иртышский, барабинский и томский – в современном состоянии следует рассматривать в диалектной системе татарского языка на правах его восточных, или сибирских диалектов» [Тумашева: 1977. С.275].

Наши собственные исследования в области тюрко-татарской географической лексики Западной Сибири подтверждают эти данные. Обследовав более 3000 топонимов и около 1000 географических терминов, мы пришли к выводу, что хотя Западная Сибирь зона контакта различных родственных и неродственных языков, исконная лексика, представленная географическими терминами, является тюрко-татарской, а основные родовые термины – общие для всех диалектов татарского языка. Ядро татарской географической терминологии составляют лексемы, которые понятны всем представителям татарского народа и они имеют ареал бытования по всем местам проживания татарского населения: йылга, күл, кыр, йул, басу, бүләк, сийарат, болын, кичү, куак, авыл, карагай, имәнлек, кайынлык и др.

Таким образом, даже короткий анализ сибирских диалектов татарского языка и экспедиционные материалы свидетельствует о том, что в их развитии большую роль сыграл «татарский литературный язык в его литературной и народно-разговорной форме, с которым консолидировались сибирско-татарские диалекты в период формирования татарской нации и татарского национального языка» [Тумашева: 1977. С.266]. Несмотря на значительное число перефирийных элементов, все же основные эле-

менты языка показывают устойчивую общность с другими диалектами и литературным татарским языком.

Из текстов, представляющих образцы говоров сибирских татар, собранных В.В. Радловым еще в начале 1870-х гг., то есть тогда, когда национальная консолидация татар находилось еще на ранней стадии, видно, что языковые различия между волго-уральскими и сибирскими татарами уже в это время были малосущественными. Это доказывает, что связи между волго-уральскими и сибирскими татарами начались давно, еще до национального периода. Об этом же пишут и историки, этнологи [Исхаков: 2006. С. 19].

На определенном этапе развития диалекты сибирских татар стали частью татарского национального языка, литературная форма которого обслуживает эту этническую группу и сегодня. Благодаря взаимодействию с татарским языком в его разговорной и литературной формах происходит дальнейшее сближение диалектов сибирских татар с татарским национальным языком и образование общих с ними черт.

Развиваясь вместе с древнейших времен сибирские татары, постепенно консолидировались с другими группами татар в единую нацию. У нас общий язык, культура, религия, очевидны историческая и этническая общность. Будем надеяться, что мы сможем сохранить это единство и в дальнейшем.

Литература

1. Атнаметов Н.Б. Букварь татарского и арабского письма с приложением слов со знаками, показывающими их выговор. Под рук. И. Гиганова. – СПб., 1802.
2. Богородицкий В.В. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань: Татгосиздат, 1934.
3. Гиганов И. Грамматика татарского языка (сочиненная в Тобольской главной школе учителем тат. языка, софийского собора священником И. Гигановым и юртовскими муллами освидетельствованная); СПб., 1801.
4. Исхаков Д.М. Введение в историю сибирского ханства // Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2006.
5. Самойлович А.Н. К истории культурных и этнических отношений в волжско-уральском крае // Новый восток, 1927. – № 18. – С. 210–217.
6. Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар // Изд-во Казанского университета. – Казань, 1977.

УДК 398

РЕЛИКТЫ ШАМАНИЗМА В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ СИБИРСКИХ ТАТАР

Аннотация: На основе полевых этнографических материалов автор показывает сохранение у сибирских татар некоторых реликтов шаманизма и шаманствующих лиц, к которым относились *имце*, *куремце*, *сихырце*.

Ключевые слова: шаманизм, шаманствующие лица, сибирские татары, телеуты, алтайцы.

Шаманизм или шаманство было традиционной религиозной практикой многих сибирских народов. До сих пор шаманизм присутствует у алтайцев, телеутов и других тюркских народов Сибири. Ислам вытеснил прежние верования и культы, бытовавшие у сибирских татар, однако до настоящего времени у них существует категория лиц, обладающих особыми способностями, сакральными знаниями и имеющих определенные наименования. На наш взгляд, реликты шаманизма сохранились в присутствующих у сибирских татар и в настоящее время категориях особых людей, обладателей «тайного знания» – *имце*, *куремце*, *сихырце*. Функции, присущие в целом институту шамана, присутствуют у данных личностей которых можно отнести к категории шаманствующих. Именно они обладают определенными сверхспособностями, позволяющими им заниматься предсказаниями, гаданиями, толкованием снов, лечением, колдовством и т.д.

В настоящей работе, основанной на литературных источниках и полевых этнографических материалах автора, собранных среди сибирских татар Тюменской, Омской и Новосибирской областей в течение ряда полевых сезонов, предполагается рассмотреть группу шаманствующих лиц, действия которых, на наш взгляд, представляют собой трансформировавшийся институт шаманства, в целом близкий к алтайскому. Также попытаемся выявить некоторые параллели в духовной культуре сибирских татар и алтайских народов.

Особый дар видения, вернее, дар особого видения, был присущ ясно-видящим – «*куремце*» (от слова *курү* – видеть). Так называли людей, обладающих способностями видеть в окружающем то, что обычные люди увидеть не могли – двойников человека, сверхъестественные существа (*урман-ия*, *чин*, *ут*, *йель*, *паре* и др.). Считалось, что по глазам человека *куремце* могли увидеть, если в того вселилась нечисть.

Давние традиции существования категории ясновидящих, провидцев известны в истории Сибири. Г.Ф.Миллер, вслед за С.У.Ремезовым, сообщал о существовании в Сибирском ханстве неких «волхвов», которые предвидели события дальнейшей истории Сибири и предсказывали Кучуму приход Ермака и гибель его ханства [Миллер: 1998. С.39–40].

Одной из важных способностей *куремце* (куремче) была способность видеть двойника человека – *аурака*. *Аурак* (у казанских татар – *өрэк*) – особая категория души, нематериальное воплощение жизненности человека, его призрак, дух, душа, которая появляется с рождением человека, находится рядом с ним всю жизнь, вместе с ним умирает [Белич: 1995. С.254].

Куремце, как определяют информаторы, мог предвидеть, кто скоро умрет, как долго будет жить человек. Считается, что любой человек может три раза в жизни увидеть *аурака*. Но, в отличие от обычного человека, который не может различить, человек это или его двойник, *куремце* знает, кого именно он видит. Обычный же человек может отличить двойника-*аурака* от живого человека лишь по тому, что тот не отбрасывает тень, а также не касается ногами земли. Данная ипостась души известна в Тюменской области у заболотных, тобольских татар и ряда групп татар Омской области.

«Здесь, в д. Эбаргуль есть конюх, он куремце. Если вечером увидит аурака, то через 3 дня этот человек умрет. Если днем – то дольше жить будет. Все смерти он видит наперед» [ПМА].

Куремце видел одновременно как человека, так и его *аурака*. Поэтому *куремце* на кладбище не ходит, так как когда человек умирает, *куремце* видит, что *аурак* вместе с покойником уходит на кладбище, но еще до 40 дней после смерти *аурак* ходит по Земле, посещая все места, где при жизни был человек. *Аурак* может появиться за 3 дня и за год до смерти человека. *«У человека, который еще не умрет, перед ним ходит аурак, а у человека, который скоро умрет, позади него ходит аурак»*. Считается,

Иллюстрация к сказке «Волшебный конь». Работа А.А. Закорюкиной (Рахимовой)

что если *куремце* увидит *аурака*, то надо об этом сказать тому человеку, чьего двойника он видел, тогда мулла прочитает молитву и жизнь человека продлится. Как сообщают заболотные татары, *аурак* того человека, который вскоре умрет, ходит в белом саване (*кафеннек*). Если *кафеннек* у того *аурака* разорвать и увидеть лицо, то человек, чей *аурак* это был, будет потом долго жить [ПМА].

Особой способностью *куремце* было умение возвращать человеку *ёла*. *Ёла/юла* – в представлениях ряда групп сибирских татар также одна из категорий души/жизненной силы человека. В д. Лайтамак (Заболотье) информаторы сообщали о ясновидящей Васхит-мама, которая «вечером ходила с белым платком и ловила *ёла*». «Она была хорошей, знала сильные заговоры». Когда у Васхит-мама спрашивали, как она находит *ёла*, она отвечала: «Куда *ёла* уходит, туда и хожу, оттуда и уношу» [ПМА].

Куремце ловила *ёла* белым платком и потом садила на спину, так как *ёла* уходит со спины. «Если у человека нет *ёла*, то у него спина мерзнет». *Ёла* может выйти при испуге, при падении. Если *ёла* долго ходит и его не могут вернуть, то он становится *аураком*, и человек умирает. *Ёла*, покинув человека, обычно бежала в сторону кладбища. «У тех, кто много думает, у того *ёла* трудно ловится». *Куремце* видит путь («юл») души *ёла* (у женщин *ёла* – голубого цвета, у мужчин – белого) и ловит ее. По венам рук *ёлаце кеше* знает, на месте ли *ёла*.

Л.П. Потапов, обращаясь к аналогичному термину алтайцев – «*јула*»/ *юла/ела*, сообщает о бытовавшей у телеутских шаманов части камлания, называемой «ловля *јула*», когда «шаман шел к духу – хозяину шаманских бубнов, то обычно попутно стремился ловить попадающихся ему по дороге заблудившихся или покинувших человека по какой-либо другой причине двойников, чтобы возвратить их в тело живых людей» [Потапов: 1991. С. 40].

По мнению А.В. Анохина, в традициях телеутов в *јула* преобразовывалась жизненная сила человека – *кут*, вышедшая из человека. Причиной выхода *кут* являлся, прежде всего, испуг. «Как только из человека вышел *кут*, единство человека нарушается, оно как бы раскалывается на две половины, которые начинают жить каждая порознь – человек сам по себе, а *кут*, переходящий потом в *јула*, сам по себе» [Функ: 1997. С. 198]. Далее Анохин описывает состояние человека, оказавшегося без *јула* и действия шамана по возвращению его в человека [Там же. С. 198]. Если у телеутов шаман возвращал *јула* вдуванием в правое ухо через кулак, то у сибирских татар *куремце* «садил» *ёла* человеку через спину.

Куремце также занимались и лечебной практикой, применяя свои неординарные способности для определения диагноза и лечения.

Большинство информаторов считает, что дар особого видения дается человеку от рождения. Но обладателями целительских знаний они чаще всего становились после того, как перенесли тяжелую болезнь, пережили измененное состояние сознания, например, побывали в летаргическом сне. Эта категория целителей больше других сохранила элементы практики, присущие шаманам. Как считает Г.И. Зиннатуллина, подобно существовавшим шаманским династиям, у сибирских татар также был свой особый род *сискер тогым* (от слова *сизү* – предчувствовать, т.е. букв.: род провидцев), представители которого чаще становились ясно-видящими [Зиннатуллина: 2005. С. 81].

Подобно шаманам, *күремце* обычно лечили заболевания, связанные с влиянием потусторонних сил, снимали сглаз, отводили порчу. Для лечения они использовали навыки мануальной терапии. Помимо лечения, *күремце* в своей практике применяли гадание, предсказание.

Особое отношение было к категории *сихырце* (от слова *сихер* – ворожба, колдовство). Они считались наиболее сильными среди шаманствующих, обладали чудодейственными способностями и могли принести человеку как вред, так и пользу. *Сихырце* могли вылечить человека, но могли и наслать на него различные болезни, от которых тот мог умереть. Особую роль *сихырце* играли при лечении от сглаза, ворожбы, «снятии порчи», напускаемой другими *сихырце*, что другим категориям шаманствующих было не по силам.

По мнению информаторов, *сихырце* часто обладали отрицательными качествами: «*Сихырце* может сделать зло – вернуть из поездки, заблудить, приворожить, привести лосей в огород. Может сказать, кто украл» [ПМА]. *Сихырце* обладали удивительными способностями видеть скрытые вещи. Могли сказать, кто украл, где лежит украденное. «*Он мог и навредить, но не делал этого. Мог кого-нибудь вернуть*» [ПМА]. Таким образом, в глазах окружающих *сихырце* – это волшебник, колдун. Считалось, что *сихырце* могли быть даже сильнее муллы. Чаще *сихырце* были мужчины, но среди них встречались и женщины.

Нам сообщали также, что если умирала колдунья – *сихырце*, то самые старшие в селении уносили ее труп в лес и там его сжигали. К пеплу никто не смел притронуться [ПМА].

Если *күремце* в представлениях большинства информаторов получал особый дар с рождения, то, чтобы стать *сихырце*, кроме обладания необычными врожденными способностями, надо было еще и долго учиться.

Сихырце воздействовал на сознание человека мог, развращать людей, наслать порчу – «*посу*», мог приворожить «*арсыту*», хотя согласно мусульманским обычаям, «по Корану», эти действия считались грехом.

В связи с этим, татары-мусульмане считали, что обладание тайными знаниями *сихырце* не позволит тому после смерти попасть в рай. Свои знания *сихырце* не могли передавать детям, ибо тогда за грехи детей тоже будут отвечать, поэтому никого колдовать не учили.

Отношение к *сихырце* было двояким – его боялись, опасались, считали, что *сихырце* к людям обычно бывают недобрыми. Люди, «испорченные» *сихырце*, болели, пока их не вылечит *имце*. С другой стороны, к *сихырце* обращались за помощью в безвыходных ситуациях.

В связи с этим у сибирских татар часто присутствовало мнение, что колдовством занимались представители других национальностей. Так, по мнению заболотных татар, *сихырце* были среди проживавших по соседству хантов (*иштяков*), которые могли портить людей заговорами, водой, чаем, вином. Усть-ишимские татары сообщали о русском *сихырце*, жившем в Ярково, который мог превращаться в животных. *Сихырце*, благодаря их чудодейственным возможностям, могли оказываться там, где захотят. Так, информаторы рассказывали о жившей в с. Байбы русской *сихырце* «Анфисе», которая лечила от болезней и даже от супружеских измен, могла даже необычными способами оказываться в нужном месте.

Сихырце могли быть и среди татар, они с помощью колдовства были способны излечить от неизлечимых болезней, например, немоты и др. (д. Саургачи) [ПМА].

Примечательно, что свойствами *сихырце* обладали и некоторые муллы – *коцле мулла* (*көцле* – сильный). Они могли лечить людей, умели колдовать. Так, в Карагае ученики муллы попросили его показать чудо. Он сделал так, что «в доме вода оказалась, а они рыбу удили. Потом на улицу выходят, он шапку бросает, она в птицу превратилась, перелетела через Иртыш. Сейчас, говорит, ждите. А шапка уже в виде медведя возвращается. Затем пароход остановил, чтобы пассажиров посадить» [ПМА].

Видимо, здесь идет речь о том же карагайском мулле, о котором общаются А.Г. и И.А. Селезнев: «В деревне Большой Карагай и окружающих населенных пунктах до сих пор распространены былички о братьях Рахматулле и Хамидулле. Рахматулла был муллой, обучал исламу. Хамидулла был *сихырчи* ... и мог делать всякий *сихыр* («колдовство», «порча») Хамидулла мог творить разнообразные чудеса: видеть и указать место, где находится пропавшая вещь, раздеть взглядом, одновременно находиться в нескольких разных местах, внезапно исчезнуть и появиться в другом месте. Односельчане его боялись и, как рассказывают, в конце концов, он был убит, причем заранее знал время и обстоятельства своей смерти» [Селезнев, Селезнева: 2006. С. 101].

Еще одной категорией шаманствующих были *имце* (от слова *им* – заговор). Этим термином обозначали человека, обладавшего способностями лечить людей от различных болезней. В своей практике *имце* больше применяли магические способы лечения (*аврыуны кагыу*, *аврыуны ат-тыру*, *ошкеру* и др.).

По силе своих лечебных воздействий выделялись сильные знахари – *коцле имце*, *коцле мулла*. В эту категорию, в основном, входили служители религиозного культа и ясновидцы, которые обладали глубокими религиозными знаниями и могли контролировать воздействие злых духов на людей. К ним обращались при болезнях, связанных с влиянием сверхъестественных сил – *йель*, *шайтан*, *чин-сахмат*.

Причинами многих болезней считали воздействия сверхъестественных сил, которые нарушали внутреннее состояние человека. С такими болезнями могли справиться лишь при помощи магических приемов, многие из которых схожи с шаманским камланием. Особенно ярко это видно в обряде изгнания *йель* (*йель* – букв.: ветер, злой вихрь), который определялся следующими терминами – «*кагып йелен төшерү*», «*йел ауруны кагу*», «*йелне кагу*».

Если человек подвергается воздействию злых сил – *йель-сахмат*, то нечистая сила – *парей* вселяется в него. «*Все тело при этом у человека болит, он становится не в себе, его могло парализовать, он мог даже умереть*». Излечить от таких болезней мог сильный *имце* или мулла. По-другому *йель-ауру* излечить не могут.

«*Жил когда-то здесь имце по имени Пышак, он людей избавлял от йель, т.е. от злых духов, которые в того вселялись. Эта болезнь называется «уйнатма ауру». Молился и «выбивал» из человека «йель» хлыстом или ремнем. Если в человека вселялся «йель-парей», то мулла Пышак его из него выбивал – «каккан». Когда йель выбивали, он по всему дому в виде огня летал, вылетал, снова возвращался. Мулла старинные заговоры произносил, бил уздечкой по «йель». Больного заставляли кружиться, плясать до изнеможения и били по нему хлыстом или ремнем*». [ПМА].

Также «*йель-сахмат*» изгоняли из человека при помощи горящего веника. Больного накрывали покрывалом или шубой, *имце*/мулла ходил кругами вокруг больного и, произнося слова заговора/молитвы, бил по нему горящим веником.

Л.П.Потапов приводит информацию о ветре *йел* как божестве или духе, зафиксированных в древнетюркских памятниках и в «Словаре» Махмуда Кашгарского, где *jel* – это «злой дух, демоническое существо» [Потапов: 1978. С. 22]. В основе другого бытующего у алтайцев понятия

«jelbi», т.е. силы, которая вселяясь в шамана, приводит его в экстатическое состояние и превращает из обыкновенного человека во время камлания в лицо, обладающее «jelbi» [Там же. С. 20], находится слово *jel*. Видимо, в представлениях сибирских татар, как у алтайцев и древних тюрок о *jel* – йель, лежит поклонение могущественному духу/божеству Ветра, давшему одному из предков древних тюрок шаманский дар через свое «дуновение» [Там же. С. 22]. В мировоззрении сибирских татар эти представления сохранились в варианте опасного воздействия *йель* на обычных людей и в возможности особыми, шаманствующими людьми, бороться с *йель* и изгонять его при помощи магических приемов, напоминающих обряд камлания.

Использовали *имце* магические приемы и в ряде других случаев. Так, при болезни желудка «*поклаин-ауру*», начинали лечение, глядя район у груди, далее шли вниз, потом начинали стучать у пупка, потом в центре живота. Далее, ниже груди 3 раза поворачивали веник, потом после каждого раза этим концом веника стучали об пол и говорили: «*мокка төш, екка төш, ташка төш, потапка төш...*» (букв.: в мох упади, в щель упади, в камень упади...). Затем *имце* брал топор, у пупка сверху что-нибудь держал и топором влево-вправо водил и говорил: «*Минем кулым түгел, Айша-Фатиманең кулы*» (букв.: это не мои руки, а руки Айши-Фатимы) [ПМА].

При лечении магическими способами *имце* часто использовали металлические предметы. Так, при лечении грыжи водили ножом вокруг пупка, читая при этом молитвы. Такое лечение продолжалось 3 дня. «Бабки лечат от грыжи маленьких детей, глаза тоже пиявками лечили. По руке определяли болезни» (Тапкины, Даминова А.А.) [ПМА].

Лечили раньше старыми заговорами, молитвами, заговоренной водой – «*өшкергән су*». «*Имце Халия-мама была. В стакан воды опускала двадцатикопеечную монету, затем сидела в темноте, закрывшись шубой, и говорила все, что было и все, что будет. Она лечила все болезни*».

«*Была имце Хабибчамал-карчык. Держала за вену и определяла местоположение сердца – «йөрәгең сулга тайган»* (букв.: твое сердце переместилось, сдвинулось налево).

Сердце часто отождествлялось с одной из ипостасей души/жизненной силы человека – *кот*. При испуге часто говорили: «*котом оцты*» (букв.: душа/кот улетела) – «*котым ярылты*» (букв.: душа/кот разбилась) – «*йөрәгем ярылты*» (букв.: сердце разбилось). Таким образом, местоположение души/*кот* сибирские татары связывали с сердцем. Если человек испугается, то *имце* смотрит состояние сердца – «*ерак ошлай-тылар*».

У разных групп сибирских татар¹ существует термин «кот» (*кут*), связанный с бытовавшим в представлениях тюрков духом Кут. Термин «кот» также обозначает «зародыш, эмбрион, силу, поддерживающую жизнь человека, животного, растения».

Термин «кут»/«кот» тюрками употреблялся и в значении «счастье», «богатство» и в этом же значении продолжает употребляться сибирскими татарами и в настоящее время. Данные представления сохранились, прежде всего, во фразеологических оборотах, однако по ним можно проследить связь понятия «кот» с общетюркским «кут»/жизненная сила, дух, душа, счастье, благо. Сохранилось употребление «кот» в значении «благо, счастье». При поздравлении, благопожелании говорили: «*котлы булсын*» (пусть благом будет, пусть с благом будет) [Гафурова: 1991; Корусенко: 2013]. При сильном испуге «кот» мог выйти из тела, затем «*имце*» (лекарь) лечил испугавшегося заговором. Известен этот обряд как «аплау» – *имце* с легкими похлопываниями испугавшегося по груди и спине приговаривал: «*ап йөрәк, курык цыксын, кот керсен*» (букв.: «пусть выйдет испуг, войдет кот») [ПМА]. Считалось, что при испуге у человека смещалось сердце, а его *кот* (душа) улетал. Человек, у которого *кот* улетел, становился больным – лицо серело, сам он дрожал. Знахари принимали срочные меры для его спасения и возвращения души *кот*. Для этого ему отливали *кот*. Обычно *кот* отливали из олова, иногда – из воска. Олово расплавляли с маслом и, накрыв голову больного белым платком, над его головой лили олово в посуду с водой. Олово шипело и, застывая в воде, принимало различные формы. Считалось, что оно принимало форму того, чего человек испугался. Слиток затем зашивали в специальный мешочек и больной носил его на шее. Водой мыли руки и лицо, а также ее пили. У башкир известен схожий способ возвращения *кот*: если ребенок напугается, то варили жирное мясо, над головой ребенка переливали жир в чашку, туда клали кусочек олова. Надо было, чтобы олово приобрело форму сердца, которое больному давали проглатывать [Тычинских: 2011].

Имце, когда отливал кут, произносил специальные заговоры, бытующие практически у всех групп сибирских татар.

*«Ап йөрәк, кайт йөрәк,
ай кайтты, синта кайт,
көн кайтты, синта кайт.
Ат пашынтай алтын йөрәк,
Куй пашынтай, көмеш йөрәк,
Урнынг тап, урнынг тап.*

¹ Это понятие имеется и у волго-уральских татар (ред.).

*Имламасам – минга ясык,
Им пулмаса – синга ясык.
Минем кулым түгел
Айша-Фатиманең кулы» [ПМА].*

Перевод: «Сердце, вернись, сердце, вернись на место,
Луна вернулась и ты вернись
Солнце вернулось, и ты вернись.
Сердце, как золото с конскую голову,
Сердце, как серебро, с овечью голову.
Найди свое место, найди свое место,
Не лечить тебя – мне грех,
Не вылечить – тебе грех.
Не мои руки тебя лечат, а руки Айши-Фатимы».

Аналогичные тексты заговора у сибирских татар приводят Ф.Т. Валиев [Валиев: 1978, С. 120] и Ф.С. Баязитова [Баязитова: 2010, С. 364].

В сохранении доисламских верований, интегрировавших в себя исламские ценности, огромную роль сыграл мистический пласт ислама – суфизм. Обрядовая практика суфизма, включающая культ святых и священных захоронений, чудодейственных реликвий и символов, была близка к традициям языческого шаманизма предков сибирских татар [Зиннатуллина: 2005; Селезнев, Селезнева: 2006; Селезнев, Селезнева: 2004].

У сибирских татар сложился устойчивый культ святых, связанный с шейхами – исламскими миссионерами (*якшылар*). По их представлениям, они обладали сверхъестественными способностями: исцеляли людей при помощи молитв, заставляли джинов служить человеку, чтобы те не совершали вреда, могли ходить по воде. Такими же чудодейственными способностями обладали и их мавзолеи – *астана*, сооруженные над могилами погибших шейхов. В настоящее время на территории Западной Сибири зафиксировано свыше 80 *астана*, большая часть которых находится в Тюменской области. Астана почитаются сибирскими татарами, для которых они служат местом поклонения, обладают даром исцеления от болезней [Селезнева: 2006; Селезнев, Селезнева: 2004]. Видимо, суфийское мировоззрение имело некоторые общие черты с прежними шаманистическими представлениями сибирских тюрок и было близко к традициям языческого шаманизма предков сибирских татар.

На наш взгляд, институты «сихырце», «имце» и «курымце» сибирских татар тесно связаны с древнетюркским шаманизмом, и в данных категориях шаманствующих можно видеть реликты уже разложившегося комплекса шаманизма. Некоторые атрибуты шаманства, такие как ша-

манская болезнь, связь с предками, камлание, ясновидение, в том или ином варианте сохранились у шаманствующих сибирских татар. Новая религия, ислам, принятая сибирскими татарами, трансформировала прежнюю религиозную систему, но до настоящего времени, как видим, сохранились черты, показывающие единую мировоззренческую основу, общую для сибирских татар и алтайских народов [Валеев: 1976; Валеев: 1978; Потапов: 1991; Традиционное....: 1988].

На примере рассмотренных категорий видно сходство в их видах – ясновидение (куремце, имце, сихырце), диагностика болезней, лечение (имце, куремце, сихырце), камлание (имце, сихырце), предсказание будущего, общение с духами (куремце, сихырце). Но при этом наблюдается определенная «специализация» шаманствующих. Примечательно, что у сибирских татар мулла мог обладать способностями одновременно сильного начитанного муллы, и *имце*, и *куремце*, и *сихырце*. Необходимо отметить и то, что нередко в татарской среде *куремце* бывали глубоко верующими мусульманами и к своим целительским способностям относились как к дару Всевышнего.

Литература

1. Баязитова Ф.С. Этнокультурная лексика в татарских диалектах Сибирского ареала (в контексте обрядовых и мифологических текстов). Казань, 2010. – 736 с.
2. Белич И.В. Аврах // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск, 1995. С. 254–262.
3. Валеев Ф.Т. О религиозных представлениях западносибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 320–331.
4. Валеев Ф.Т. Алтайские этнические элементы у западносибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: «Наука», 1978. С. 104–122.
5. Гафурова З.А. Представления о душе у заболотных татар // Этническая история и культура народов Советской страны: Тезисы докладов всесоюзной научной конференции молодых ученых. Омск, 1991. С. 149–150.
6. Зиннатуллина Г.И. Институт знахарства у сибирских татар // Сулеймановские чтения – 2005. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2005. С. 81–82.
7. Корусенко М.А. Душа/жизненная сила в традиционных представлениях западносибирских татар: проблема исторического генезиса //

- Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №4 (24). С. 57–62.
8. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. Кн.1. М.: Либерия, 1998. – 416 с.
 9. Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: «Наука», 1978. С. 3–36.
 10. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л.: «Наука», 1991. – 320 с.
 11. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Подвижники, смотрители, манускрипты (Проблема комплексного изучения культа святых в сибирском исламе) // Сулеймановские чтения – 2006. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2006. С. 100–107.
 12. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: религиозный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 72 с.
 13. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство, время. Вещный мир / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Новосибирск, 1988. – 225 с.
 14. Тычинских З.А. Параллели в традиционной духовной культуре сибирских татар и башкир // Актуальные проблемы истории и этнологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посв. 70-летию со дня рождения Р.З. Янгузина и 20-летию кафедры истории РБ и этнологии. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 172–182.
 15. Функ Д.А. Телеутское шаманство: традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности / отв. ред. Л.П. Потапов. М., 1997. – 268 с. (Этнологические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам. Т.2).

КРАЕВЕДЕНИЕ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ
ПУБЛИКАЦИЯХ

Руслан Бушков

ПО ВЕЛИКОМУ ЧАЙНОМУ ПУТИ

2024 год объявлен в России Годом культуры Китая.

Эта удивительная страна для многих ассоциируется с волшебным восточным напитком – чаем. Она открыла его человечеству наряду с компасом, бумагой, фарфором, порохом. В Россию и Восточную Европу чай доставляли по чайному пути, прозванному Великим.

Возведенный в средневековье на перекрестке международных водных и сухопутных торговых дорог древнейший город Поволжья – Казань, в XVIII–XIX вв. входила в маршрут самого протяженного на евроазиатском континенте чайного пути, по которому доставляли чай из Китая через Монголию, Сибирь и Урал в Европейскую часть России, далее в Восточную Европу. Чаеторговцы прозвали его «великим», за Казанью закрепилась слава одного из важных транзитных и передаточных пунктов, своеобразной «чайной Мекки» на Волге по его распространению и употреблению караванного чая.

Чуден чай, как питьё
Из райской реки Каусар,
Словно румянец девы
Цвет его нежен и ал, –

(Перевод Л. Киваевой)

восторгался китайским чаем татарский богослов и поэт рубежа XVIII–XIX вв. Утыз Имяни аль-Булгари в стихотворении «Нэзмы дәр мэдхе чэй-каймак» («Хвалебный стих чаю со сливками»). Этим произведением он заложил начало его поэтического прославления в родной литературе. Поэт уподобил чай райскому питью для праведных мусульман на небесах из священного источника – легендарного райского потока Каусар. Но на земле долгое время едва ли не единственным поставщиком чая в другие государства, в том числе мусульманские, был Китай.

Китайцы называли свою страну Поднебесной и Срединной, находящейся как бы в центре или середине земли. Отсюда в Среднюю и Центральную Азию, Закавказье чай везли по дорогам, проторенным еще в древности и средние века – по Великому шелковому пути, а в континентальную Западную Европу – открытому в конце XVII в. морскому пути по Индийскому океану вокруг Африки.

Чай уже успел распространиться в Юго-Восточной Сибири, когда его завезли в столицу России, присоединившей эту территорию, Москву. Сухопутную дорогу из нее в Пекин открыли сибирские казаки Ивашка Петлин и Петрунька Киселёв еще в 1618 г. По проложенному маршруту в 1657 г. это заморское зелье вместе другими закупленными китайскими товарами для продажи в Москве впервые доставил торговый караван «тобольского бухарина» Сейткула Аблина. Он был нанят как имевший торговые дела с китайцами и знающий к ним караванные дороги, выехав в сопровождение посольства во главе с Федором Исааковичем Байковым к богдыхану Шуньчжи. Московский царь Алексей Михайлович снарядил того в китайскую столицу для установления торговли между двумя государствами.

Фрагмент «Карты Московии» А.Дженкинсона, середина XVI в.

Посольство тогда не удалось. Китайский богдыхан не пошёл на установление прямых дипломатических и торговых отношений с Россией

как дальней северной страны, предпочитая иметь дело с ближайшими соседями. А вот сопровождавший посольство караван вернулся обратно с закупленными китайскими товарами, включая чай. Они разошлись в Москве настолько быстро, что через год Сейткула Аблина отправили в Пекин за новой покупкой. На этот раз он повел туда караван в составе 26 человек – 16 русских и 10 татар. И вновь ему сопутствовала удача, купец вернулся с новой партией выгодно закупленных китайских товаров, в том числе лекарственным чайным зельем.

Завезенный в Москву чай раскупили в основном жители Немецкой слободы, возникшей при царе Алексее Михайловиче на Яузе и ручье Кокуй и заселённой выходцами из западноевропейских государств. Китайское питьё обрело тут поклонников благодаря установившейся в Западной Европе моде на экзотические чай и кофе. Они попадали к ним через Архангельский порт, бывший тогда главным центром российской внешней торговли.

Желание царя Алексея Михайловича установить торговлю с Китаем так и осталось при его жизни невыполненным. Уже после смерти правившего за ним его сына Федора Алексеевича и при другом китайском богдыхане – Канси, 27 августа 1689 г. состоялось заключение первого соглашения между Россией и Китаем о границах и условиях торговли. От имени занявших русский престол «царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича» сделал это уполномоченный от них окольничий, брянский наместник Ф.А. Головин. По месту подписания договора пограничному Нерчинску его называли Нерчинским.

Нерчинский договор стал для Китая первым соглашением в отношениях с европейскими странами. Русской стороне ради доброго соглашения с ним пришлось отступить от Албазина – основанного в середине XVII в. опорного пункта в верхнем течении Амура. Этим она хотела положить конец приграничным конфликтам. С установлением торговых связей для России открывались большие выгоды в государевом торге, особенно пушниной, поступавшей в казну в виде ясака из Сибири. Китай мог стать надежным рынком для ее сбыта.

О будущей русско-китайской торговле в договоре говорилось: «Каким-либо ни есть людям с проезжими грамотами из обеих сторон, для нынешних начатых дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати до обеих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно, да повелено будет».

Для установления правил российско-китайских торгов из Москвы в Пекин в марте 1692 г. выехало специальное посольство во главе с выходцем из Голландии, опытным торговцем Избрантом Идесом. Оно верну-

лось обратно через три года с официальным дозволением цинского двора на торговлю российских казенных караванов в китайской столице, маньчжурском городе Науне и монгольской Урге.

Включенный в состав посольства торговый караван привёз из Китая шелковые ткани, драгоценные камни, зонтики-солнечники, лекарственные травы, чай и пряности. Выручка от их распродажи составила 12026 рублей 26 алтынов. «Без сумнения доброй, скорой и прибыточной торговли ожидать возможно, – заключили в посольском приказе, – будет государской казне великий прибыль».

С учётом потраченного на лошадей и верблюдов, подарки хановым людям и цинским чиновникам караван принёс казне прибыль в 7646 рублей 27 алтын 1 деньгу.

Установление караванной торговли произошло уже при полномочном царствовании Петра I. Правивший с ним вместе юный царь Иван в 1696 г. по слабости здоровья скорострительно скончался, а бывшую при них регентшей царевну Софью удалили за сговор со стрельцами в Новодевичий монастырь.

«Первый казенный караван перешел китайскую границу в 1699 г., затем посылались караваны в 1705, 1711, 1713, 1728, 1732, 1736, 1741, 1746 и наконец, последний в 1755 г.», – говорилось о них в изданном в 1857 г. в императорском Казанском университете одном из первых научных трудов по российско-китайской торговле «Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем» учёного-экономиста А.К. Корсака.

Руководство русско-китайской торговлей и организацию казенных караванов в Китай Петр I возложил на Сибирский приказ. В его распоряжение в Москве выделили обширные склады, на которых сосредотачивалась ясачная пушнина со всей страны. Сюда же доставлялись сукно, кожа, медная и оловянная посуда, предназначенная для обмена на китайские товары.

Было принято решение об отправлении в Пекин казенных торговых караванов через каждые три года, «с разыми товары тысяч на 20 на 30 вскоре». Верблюды и лошади для них закупались, как правило, у монголов. В караван включали отвечающего за выгодную распродажу отпущенных ему из московских складов государевыми ценовщиками товаров правительственного комиссара, четырех целовальников, гвардейского офицера с военной охраной в составе 100 казаков для обеспечения безопасности в пути. Возглавить его поручалось освобождаемому от платежа таможенных пошлин доверенному купцу. Им обычно назначались поселившиеся в Тобольске, Тюмени, Таре и Томске бухарцы, тюркоязычные

выходцы из Средней Азии, в большинстве из Большой и Малой Бухары. С подачи бухарцев в состав караванов включали татар, известных как «торговый народ» еще со времен Казанского и Сибирского ханств. Они привлекались также в качестве толмачей-переводчиков.

По договоренности с цинским двором, общая численность каравана не должна была превышать 200 человек.

Протяженность караванного пути от Москвы до Пекина составляла от 8139 до 8832 вёрст. Его прохождение занимало около двух лет. Караван двигался из Москвы в Сибирь через Ярославль, Вологду и Устюг, далее – в Соликамск, Верхотурье, Туринск, Тюмень и Тобольск. Из Тобольска на восток следовали вверх по Иртышу до Тары, далее через Томск и Кузнецк до Красноярска; оттуда вниз до Оби и к великой сибирской реке Енисею. Выйдя к ней, караван продвигался водным путем по Ангаре, Байкалу и Селенге, а потом сухопутным маршрутом до Шилки и по этой реке до Нерчинска.

Нерчинск стал восточным форпостом и конечным пунктом караванного пути из Москвы в Сибирь. Здесь окончательно формировались партии товаров, уплачивалась пошлина за купеческие товары, под наблюдением нерчинского воеводы производилась упаковка и клеймение подготовленных к отправке грузов. Из Нерчинска караван направлялся в Наун, затем в Ургу, а оттуда в Пекин. Здесь его провожатых принимали как гостей и содержали за китайский счет. В благодарность чиновников цинского двора одаривали привезенной пушниной. Под караванные товары отводили особые помещения и склады. Его распродажа занимала несколько месяцев. Взамен приобретались шёлк, разноцветные штофа, бархат, ленты, веера, покрывала, сахар-леденец, фарфоровая посуда, ревенный корень, калганский корень, пряные плоды бадьяна на духи и притирания, корица, тушь и чернила, китайский табак, а также черные и зеленые чаи в рассыпном и прессованном виде.

Доставленные в Москву китайские товары после разгрузки растекались для продажи по другим российским городам. Большая часть их направлялась под Нижний Новгород, на склады Макарьевской ярмарки, где происходили караванные торги.

Часть караванных товаров отправлялась в Восточную и Западную Европу. Спросом здесь пользовались пряности, особенно ремень и так называемый «сибирский анис» – бадьян.

Для государственной казны караванная торговля с Китаем оказалась весьма прибыльной и уже за первые десять лет она превзошла товарооборот России с Западной Европой. За это время в Пекине вместе с казёнными караванами побывали три тысячи частных купцов. Часть из них завела

торговлю в Урге и Науне. Но сулящие обеим сторонам дальнейшие выгодные торги прервали решение Цинского двора об их переносе в приграничье и последовавший за этим в 1722 г. запрет прохода российских караванов в Китай до заключения между двумя государствами нового соглашения по торговле. Он был подписан уже без ведома ушедших из жизни правившего Китаем более шести десятилетий богдыхана Канси и первого российского императора Петра I. Трактат назвали Кяхтинским по месту его подписания в русском лагере у Селенгинской Кяхты. Договор оставил в силе раннее соглашение по караванной торговле «между обеими империями». Отныне организация российских казенных караванов в Пекин поручалась направленному в Пекин торговому консулу. В помощь ему придали двух помощников и двух караванных комиссаров. Изменения коснулись торговли частных купцов. Она разрешалась теперь только в приграничье и устанавливалась в двух местах – на урочище Цурухайту по р. Аргунь и бывшем Барсуковском зимовье по р. Кяхте. В них надлежало построить таможенный двор, избы для купцов, гостинный двор с лавками и амбарами. Российские казенные караваны следовало отправлять в Пекин по-прежнему из Москвы. Утвердились более удобные и короткие маршруты через Казань, Уфу, Царев Курган. Поначалу они держали путь в китайскую столицу через Нерчинск, но потом освоили более короткий маршрут через Селенгинск и Кяхту.

Караванные дороги в Сибирь сослужили добрую службу ученым экспедициям из Санкт-Петербурга, занявшимся описанием Российского государства. Предпринятая в 1719–1726 гг. первая такая экспедиция в Сибирь во главе с немецким ученым-медиком Д.Г. Мессершмидтом снаряжалась при личном участии Петра I. В 1725–1730 и 1733–1743 гг. состоялись I и II Камчатские экспедиции под руководством приглашенного на «государеву службу» датчанина В.И. Беринга. В состав II Камчатской экспедиции, названной еще Великой Северной, входил академик императорской АН, немецкий ученый Г.Ф. Миллер. По её результатам он написал трехтомную «Историю Сибири» и первый ученый труд о российско-китайских отношениях – «О первых российских путешествиях и посольствах в Китай». После них он получил от коллег прозвище «отца сибирской истории». Ему выпало честь стать и первым летописцем торговли между двумя государствами, о чем он поведал в написанной им в 1739 г. работе «Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири».

Ученый муж высоко оценил в ней роль Нерчинска и находящейся в его ведении торговой слободы Цурухайту в установлении российско-китайских торговых отношений. Однако Г.Ф. Миллером предлагалось сде-

лать в дальнейшем главным торговым пунктом Кяхты. Ведь Цурухайту располагалась в 300 верстах от Нерчинска, вдали от основных сибирских городов, прежде всего Иркутска, ставшего в 1736 г. центром выделенной из Тобольской Иркутской губернии. Потому сюда навевывался лишь небольшой круг китайских торговцев из Науна. «Для русского купечества доставка товаров по суше от реки Селенги до Нерчинска и оттуда через степь до Цурухайту слишком дорога и тяжела», – рассуждал Г.Ф. Миллер. А в Кяхте, по его словам, «та же самая торговля гораздо более удобна и дешевле». Название Кяхта происходило от бурятского обозначения поросшей пыреем местности «хаягта». Здесь, как он убедился, построили деревянную крепость, солдатские казармы, таможенный двор, 32 избы для купцов, гостиный двор с 24 лавками и амбар для склада товаров. Напротив него в ста двадцати саженьях возникла китайская торговая слобода Маймачен. В них и сходились для обмена своими товарами китайские и российские торговцы. Среди китайцев было немало чайных купцов. Они скупали чай оптом в чайных провинциях, включая такие отдаленные, как Фуцзянь и Чжэцзян, вывозили его верблюжьими караванами. Чтобы он не портился в пути, монголы надоумили российских частных торговцев перевозить его в особой таре – цибиках. Этим таинственным и загадочным словом они называли упакованные в сыромятную кожу ящики. Сопровождающие казенных караванов не относили чай к главным товарам, отчего по их недосмотру нередко случалась его порча. «Какое великое множество чаю привозят, но все гнилой и негодной, и едва можно через друга или из казны хорошего сыскать, для чего принуждены со вредом государства из Англии, Голландии и Швеции покупать, и по сему видно, что на границе у досмотра искусных меклеров нет», – сетовал по этому поводу состоявший в императорской Петербургской АН В.С. Татищев в поданном им в 1748 г. вице-канцлеру М.И. Воронцову «Представлении о купечестве и ремеслах».

Порча чая обходилась казне немалыми издержками. Казенная караванная торговля становилась для неё невыгодной и даже обременительной. И в Москве уже подумывали о временном приостановлении их отправки в Пекин. Однако делать этого не пришлось. Вторжение в 1757 г. цинских войск в Джунгарию и последовавший затем захват ими Илийского края и Кашгарии (Восточного Туркестана) свели на нет всю кяхтинскую торговлю, прекратив сбыт российской пушнины и ввоз китайского чая.

Едва вступив в конце июня 1762 г. на российский престол императрица Екатерина II пожелала возобновить торги с Китаем. Она намеревалась отправить с этой целью в Пекин «знатное посольство». Назначенный конференц-секретарем императорской АН Г.Ф. Миллер подготовил для

неё даже учёное «Рассуждение о посольстве в Китай» на предмет «есть ли причина стараться о лучшем учреждении и умножении торгов с Китаем, или оставить дело при прежнем учреждении». Не обошёл он в нём вопрос о ввозе китайского чая, успевшего обрести популярность у знатных людей не только в российских столицах, но и в губернских городах. «Чай есть необходимая вещь в китайском торгу, потому что мы к нему привыкли и от этого отстать трудно, – заключил Миллер. – Китайский чай иногда лучше и дешевле привозимого из-за моря; желать бы только надлежало, чтобы больше оного в иностранные государства расходу было».

Немецкий ученый на русской службе справедливо счел торговлю двух стран обоюдовыгодной, ратовал за скорейшее её восстановление.

Российско-китайские торги возобновились лишь спустя пять лет, после подписания между государствами 18 октября 1768 г. «Дополнительной статьи» к Кяхтинскому договору. Российская сторона отказалась от отправки казенных караванов в Пекин в виду их невыгодности, вся торговля сосредоточивалась теперь «на торговых двух местах, на Кяхте и Цурухайту». Основным пунктом делалась при этом Кяхта. Торговать в ней могли лишь частные купцы, входившие в купеческие компании. Такое дозволение получили Архангельская, Вологодская, Казанская, Московская, Тобольская и Тульская частнокупеческие компании. Каждая из них наделялась правом привоза в Кяхту на обмен с китайцами определенного вида товара, в основном пушнины и сукна разных видов. Казанской компании предложили торговать юфтью. В состав нее вошли и татарские купцы, уравненные в правах с русским купечеством указом Сената от 11 июля 1763 г. «О нечинении казанским служилым татарам препятствий в отпуске их в разные города для торговых промыслов».

Среди немеховых товаров на кяхтинских приграничных торгах на первое место выдвинулись сукно, железные изделия, кожа. Появились и новые – прозрачно-янтарные рога сайги – водившейся в Средней Азии степной антилопы, пользовавшиеся большим спросом как целебное средство, применяемое тибетской медициной.

Российский товар выменивался у китайцев на шелковые ткани, бархат и штофы, хлопчатобумажные ткани – синего или черного цветов китайке и одежной ткани-дабе, табак, ремень, сахар, фарфоровую посуду и чай разных сортов.

С 1772 г. Кяхту сделали единственным пунктом, где могла совершаться легальная российско-китайская торговля. Здесь утвердилась пограничная таможня, не имевшая до этого постоянного места и находившаяся в одно время даже в Иркутске. Вместе с другими китайскими товарами

через неё проходил и чай: черный «буй-чай» и зеленый «чин-чай», употреблявшиеся, по словам А.К. Корсака, «тогда только в кругу высшего общества и богатого малочисленного купечества». В своем «Историко-статистическом обозрении торговых сношений России с Китаем», он писал, что купцы выкладывали за них по 20 и 30 руб. за пуд. Им отмечалось, что «из чаев только кирпичный чай составлял тогда предмет народной потребности», и то лишь у кочевников-бурятов, киргизов и калмыков, а также скотоводческих народов Средней Азии.

Отмена казённых караванов в Пекин привела к возобладанию гужевых перевозок китайских товаров из Кяхты в центральную часть Российской империи.

Она была сопряжена со многими трудностями. Товары сначала направлялись к озеру Байкал, летом – по реке на лодках, а зимой – на санях. Дальше путь проходил по Ангаре к Енисейску, а потом по суше от Томска к Оби, а затем перевозка шла по рекам Обь, Иртыш, Тобол к Ирбиту, месту большой ярмарки на Урале. Из Ирбита кяхтинские товары попадали через Пермь в Казань, откуда – в Москву.

Время в таком сложном пути зависело не столько от расчетов купцов, сколько от погоды и сезона. К ним приступали в начале декабря, завершались в апреле. Только ожидание возможности переправы через сибирские реки продолжалось иногда неделями.

Надежды чаеоторговцев на облегчение прохождения торговых маршрутов из Кяхты появились с началом строительства путей сообщения по территории Российской империи в середине XVIII в. В Сибири они проходили в основном по езжалым, укатанным караванами дорогам. В 1763 г., первую годовщину правления императрицы Екатерины II, открыли наиболее протяженный из них – Большой Сибирский тракт. Он соединил Москву через Пермь с новым сибирским городом Екатеринбург, названном так в честь императрицы Екатерины I – второй жены Петра I, возведенной на престол гвардией после его смерти. Название трактов по почину Екатерины II получили установленные и поддерживаемые в порядке большие проезжие дороги с верстовыми столбами. Их по ее по указу относили к дорогам главных сообщений Российской империи. Развитие дорожного строительства по всей империи, включая Сибирь, можно было бы по праву отнести к достойным всякой похвалы заслугам радевшей о благе своего второго Отечества Екатерины II, бывшей немецкой принцессы, царствовавшей в России после своего мужа Петра III более 30 лет.

Большой Сибирский тракт прошел через Казань, связав Сибирь с Москвой. В Казани появилась сибирская застава. Для Казанского адмирал-

тейства по тракту доставлялись сделанные на железоделательных заводах Екатеринбурга якоря.

В придорожном трактире под Казанью. 1845 г.

За Большим Сибирским трактом началось строительство Великого Сибирского тракта от Екатеринбурга до Иркутска – через Тюмень, Ишим, Томск, Мариинск, Красноярск, далее в другие сибирские города, игравшие важную роль в российско-китайской торговле.

Екатерина II справедливо полагала, что оба сибирских тракта пойдут на пользу российско-китайской торговле, в том числе чайной. На обеих дорогах устраивались постоянные дворы и почтовые станции, среди держателей которых оказалось немало татар.

К ее огорчению, в 1785 г. кяхтинские торги вновь приостановили. На этот раз из-за возникших между российскими и китайскими купцами разногласий по условиям меновой торговли и отсутствия постоянных общих цен на товары обмена. Никто не предполагал, что их согласование растянется на семь лет.

Служивший в те годы в Санкт-Петербургской таможне А.Н. Радищев вспоминал позже, что из-за прекращения торговли с Китаем в России «покупали и употребляли чай, привозимый из Англии, Голландии и Дании, плата за оный втрое или вчетверо, отчего привоз сего товара через все порты, а особливо через Петербург, увеличивался; но бедные

люди, которые чай пивали в дни празднества или веселия, или же подражая в роскоши богатым и причаствуя сей постепенный заразе; живущие в России употребляли веронику и богородскую траву; живущие в Сибири пользовались травой, так называемой, луговой чай». Об этом ему самому довелось узнать уже непосредственно в Сибири. Сюда в ссылку его сослали за издание в 1790 г. книги «Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву», в которой Екатерины II усмотрела призыв к революции.

Несмотря на приостановление кяхтинских торгов, благодаря прежним купеческим торговым связям с китайцами, сибирские города не остались совсем без чая. Он доставлялся полулегально и даже контрабандой. Такой чай доходил и до Казани.

В феврале 1792 г., взявшие на себя роль главных каналов связи между Россией и Китаем пограничные администрации наконец пришли к согласию в преодолении возникших между российскими и китайскими купцами разногласий по условиям меновой торговли. Его закрепили подписанием иркутским губернатором Людвигом Нагилом и асхань-и-амбаном г. Урги Сун Юном «Международного протокола». Документ исходил из незыблемости Кяхтинского трактата и придавал торговле в Кяхте более организованный характер. Городскому голове – царгучею Маймачена из Пекина прислали новую инструкцию по ведению китайско-русской торговли. Этот не подлежащий разглашению документ включал 16 пунктов, по которым определялись порядок установления цен в меновой торговле, размеры штрафов и наказаний за нарушение правил торговли, а также обязательные для китайских купцов нормы поведения в отношениях с русскими торговцами. Дабы устранить возникающие с ними споры, инструкция предписывала «обходиться с русскими купцами учтиво, а не так, как прежде было, не запрещать им ходить к вам и звать их к себе на пиршества».

Для российских компаний в торговле с китайцами по-новому уже из российской столицы Санкт-Петербурга последовали «Положение о торговле в Кяхте» и «Инструкция кяхтинской таможне и компаньонам». Наблюдение за их исполнением отныне возлагалось на компаньонов – доверенных лиц Архангельской, Вологодской, Казанской, Московской, Тобольской и Тульской частнокупеческих компаний и выбираемых ими купеческих старшин. По принятому в России новому купеческому разряду в их состав могли быть допущены лишь первоильдейные купцы, имевшие капитал свыше 10 тыс. руб. В обязанность компаньонов входило ежегодное согласование, установление с китайцами единых цен на товары обмена и контроль за их соблюдением. Стоимость обмениваемых товаров выражалась не в денежном исчислении, а каком-либо одном,

наиболее распространенном в торговле товаре. Долгое время такой мерной единицей служила китайская хлопчатобумажная ткань «китайка». С 1800 г. ее поменяли на чай, признав существенное возрастание его роли в китайском вывозе.

«Это произведение Китая привело в движение огромные капиталы, породило новые караванные пути, — справедливо заметил учёный-экономист А.К. Корсак «Историко-статистическом обозрении торговых сношений России с Китаем», — чай сделался монетою Китая».

Его стали отправлять в Россию, отметил он, «почти исключительно из Фуцзяньской губернии», причем с окрестностей «на горе Ву-а или Ву-и-шань и ближайших отрогах её». Отсюда чай везли через города Чун-ань, Цзянь-шань, Тянь-цзин и Тун-чже в «сборное место» при пограничном пункте Джан-дхэ-кеу, называемом также Калганом. Здесь он отгружался для Сансинской купеческой компании, получившей по «Международному протоколу» монопольное право на его доставку в торговую слободу Маймачен. Она производилась ею, по словам Корсака, «на вьючных верблюдах или на телегах быками», нанимаемых «у кочующих около Калгана монголов, которые занимаются преимущественно перевозкой товаров». Расстояние От Калгана на до Маймачена в 1285 вёрст они проходили за 45 дней.

Привезённый ими чай обменивался на российские товары в торговой слободе Кяхте, и отсюда для него начинался уже новый путь — по Сибири и Уралу в Европейскую Россию. Этот чайный путь растягивался, как отмечалось в «Словаре географическом Российского государства», отсюда до Москвы на 5589 вёрст, включая расстояние от Кяхты до Иркутска в 496 вёрст, от Иркутска до Омска — 1554 версты, от Омска до Тюмени 1768 вёрст, от Тюмени до Казани 1236 вёрст и от Казани до Москвы — 768 вёрст. Купцы прозвали его «Великим чайным путем». А если добавить к нему расстояние в 5000 вёрст от Фуцзяня, откуда доставлялся чай в Кяхту, общая его протяженность доходила до 11 тысяч вёрст. Этим он был под стать Великому шелковому пути.

За первую половину XIX в. объем ввозимого через Кяхту китайского чая в Россию возрос в шесть раз. К главным пунктам, где сосредоточивалась преимущественно оптовая продажа китайских товаров относились Москва, Казань, Архангельск, Устюг, Лальский посад. Из Москвы чай направлялся в Санкт-Петербург, где у московских купцов были свои склады для распродажи чаев по магазинам и базарам. Главным же чайным рынком и распределительным пунктом чая, откуда он расходился по России, служила Макарьевская ярмарка в предместье Нижнего Новгорода. Она была учреждена при Макарьевском Желтоводском монастыре царем Ми-

хаилом Федоровичем еще в 1641 г. Ежегодно сюда съезжались с товаром люди со всей страны, приезжали купцы из Сибири, Закавказья, Средней Азии, Ирана, Индии. В нем участвовали европейские фирмы – прусские, французские, польские, а также российско-американская компания. Здесь происходила закупка крупных партий для дальнейшей распродажи в розницу и мелочной торговли в других городах, в том числе Казани.

Макаров суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вины европеец,
Табун бракованных коней,
Пригнал заводчик из степей, –

попытался представить эту ярмарку рубежа XVIII–XIX вв. А.С. Пушкин в сочиненных им «Путешествиях Онегина». Здесь по его задумке должен был побывать в ходе своей поездки по Волге герой романа в стихах «Евгений Онегин».

Казань играла в торгах роль посредницы между Макарьевской ярмаркой и Сибирью. Вошедший в маршрут чайного пути город сделался важным пунктом чайной торговли, пересыльным и складным пунктом чая. Здесь расположились складочные места не только для Казани, но для всей Волжско-Камской и сибирской торговли. Купцы в ней видели своеобразную столицу Среднего Поволжья и Прикамья, где сходились Казанская, Вятская, Симбирская, Оренбургская, Уфимская, Пермская и Самарская губернии. Именно через Казань после Макарьевской ярмарки во многие эти губернии попадал чай.

Она сделалась одновременно и местом, где сосредотачивались товары для обмена в Кяхте – козловая кожа, юфть, сафьян, сукно.

«Казанские козловые кожи предпочитают всем прочим изделиям сего рода, а особливо черные, из коих глянцевого идут в Кяхту для торгова с китайцами; прочие же отправляются в Астрахань, Оренбург и другие города, – писала об этом в 1812 г. столичная газета «Северная пчела». – Впрочем, Казань для выделывания кож есть одно из самых выгоднейших мест, ибо туда свозят сырые кожи не токмо из близлежащих городов, но и из многих на Волге расположенных, также из Оренбургской губ. и даже из Сибири; при том же все потребные для выделки материалы находятся там в большом изобилии, а потому и дешевле противу других мест». В начале XIX в. в Казани было зарегистрировано 39 кожевенных и козловых предприятий, 20 из них находились в собственности татар. Крупнейшими местными производителями кож, значительная часть которых отправлялась на китайский рынок, были Л.Ф. Купенников, братья

Котеловы, купцы Юнусовы, Апанаевы, Якуповы, Арсаевы и Ю.Б. Китаев. Только в 1811 г. Ю.Б. Китаев доставил из Казани в Кяхту «для обмена на китайские товары» козловых кож на 80 тыс. рублей.

В купеческом кругу выменивающих свои товары на чай у китайцев в Кяхте, в отличие от скупающих его на Ирбитской ярмарке в Сибири, величали «кяхтинцами». Среди них на Макарьевской ярмарке выделялись московские – Колесов, Куманины, Корзинкин, Лобков, Квасников, иркутские Трапезников и Медведников, кяхтинские – Баснины, казанские Л.Ф. Крупенников и Б. Аитов. Ими доставлялись наиболее крупные партии чая из Кяхты. В крупнейшего чаоторговца Поволжья выдвинулся казанский купец-миллионщик Л.Ф. Крупенников, державший в Кяхте своего компаньона – посредника в торговых делах. Кяхтинцы, как собственники или хозяева приобретенного чая, продавали его на ярмарке купцам «первой руки». Те развозили купленный товар по разным городам по принадлежащим им амбарам и пускали в розничную торговлю через городских торговцев, именовавшихся купцами «второй руки».

Макарьевскую ярмарку в 1817 г. перенесли в Нижний Новгород и преобразовали в Нижегородскую. И теперь уже здесь происходил сложившийся ранее ритуал вскрытия перед началом торгов первого цибика, или упакованного в сыромятную кожу ящика с чаем весом от 40 до 80 фунтов. В цибике выражалась и мера веса чая. Первоначально это таинственное и загадочное слово писалось через «ы», и так оно помечено в «Словаре Академии Российской». «Цыбик – мера чайная», – указывалось в нем, первом научном толковом словаре «славенороссийского» языка.

От установленной на ярмарке цены на чайный цыбик зависела стоимость кожи, пушнины, тканей и других товаров. «Чай на всё цену ставит», – говорила поговорка. В цибиках чай хранился, а затем продавался из него расфасованным – упакованным по определенному весу. Наибольшим спросом у покупателей в Центральной России пользовался рассыпной или байховый черный и зеленый чай. В Сибири и на Урале предпочтение отдавали черному кирпичному чаю, производимому в мануфактурах Сансинской купеческой компании. Он получил распространение в постоянных дворах и почтовых станциях, установленных по Великому и Большому Сибирским трактам с учреждением в империи в 1782 г. Почтового департамента.

Охотно раскупало его татарское и башкирское население Поволжья и Приуралья, прозвав его «такта чаем», переводящимся как «чай-дощечка» из-за сходства с деревянными пластинками-заготовками для изделий. Заваривался он накрошенным, как и рассыпной «бөртек чай». Казань стала одним из основных его потребителей в Европейской России.

В отличие от Западной Европы в России пока обходились без подробной чайной классификации. Там они различались по виду, месту произрастания, времени сбора и даже особенностям чайных листов. Российские же купцы довольствовались шкатулками с образцами продаваемых им китайских чаев. Но их предлагалось всё больше, а разбираться в них становилось труднее и труднее. Еще сложнее обстояло с переводом китайских названий. Неизвестно, как долго всё это продолжалось, если бы в Кяхте не решились учредить в 1832 г. первого в России училища китайского языка. В Санкт-Петербурге посчитали необходимым открыть его «для учеников из торгового сословия», имея в виду, что китайских купцов в Маймачене допускали к торгам лишь после сносного освоения ими русского языка. «Вновь приехавшим в Кяхту запрещается торговать лично год, хотя бы он знал говорить по-русски, дабы он ошибкой не сделал расстройств в общей связи дел», – указывалось царгучею в секретной инструкции центральных властей. Тот в свою очередь обязывал сидельцев и мальчиков в китайских лавках непременно выучиться русскому языку.

Деятельное участие в устройстве училища принял блестящий знаток китайского языка, признанный при жизни классиком отечественной ориенталистики, Н.Я. Бичурин. После пострига в монахи под именем Иакинфа по окончании Казанской духовной семинарии он тринадцать лет возглавлял российскую духовную миссию в Пекине. Причисленному теперь к Министерству иностранных дел в качестве переводчика ему поручили составление учебных пособий. И им в 1835 г. был разработан первый в России учебник по китайской грамматике «Хань-вынь ци-мынь». В нём в разделе «Названия китайских кяхтинских чаев» появилась его первая классификация торговых китайских чаев, ввозимых оптом в Россию через Кяхту. При её составлении Н.Я. Бичурин учел, что брали в расчет при выделении чаев в разные сорта сами китайцы, прежде всего чаоторговцы Маймачена. Они имели множество названий, указывающих, где выращен чай, местоположение чайных плантаций, время сбора, различные особенности чайных листочков и побегов с почкой. Н.Я. Бичурин считал, что это «идет от хозяев чайных плантаций» и находил такое вполне справедливым, особенно в отношении «чаев высокого разбора». Впоследствии чайная классификация Н.Я. Бичурина вошла в написанный им первый краткий чайный справочник на русском языке, опубликованный в прибавлениях к изданному в 1842 г. в Санкт-Петербурге его «Статистическому описанию Китайской империи».

Вплоть до середины XIX в. в российской торговле безраздельно царили «китайские кяхтинские чаи». Но по заключенному 25 июня 1851 г.

между Китайской и Российской империями Кульджинскому договору цинские власти открыли для меновой торговли еще два новых пункта приграничной торговли. На этот раз в образованном в Западном Китае в наместничестве Синьцзян – в приграничных город Кульджа в Илетском крае и Чугучак в Восточном Туркестане. Оба города были основаны в середине XVIII в. В них преобладало мусульманское население, и, неудивительно, что в обоих имелись мечети и караван-сарай. Дороги вели из них в российские укрепленные города-пункты Семипалатинск и Петропавловск, связанные с Ирбитской и Нижегородской ярмарками. «Торовля со Чугучаком и Кульджей со стороны Семипалатинска и Петропавловска еще весьма мало известна; существенный характер ее состоит однако в следующем: главный предмет со стороны китайцев есть чай, а со стороны русских купцов бумажные и шерстяные изделия», – заметил в «Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем» учёного-экономиста А.К. Корсак.

Доставлялся чай в Чугучак и Кульджей, как и на Кяхту, из Фучзяна через Калган. На торгах в них активное участие принимали татарские торговцы Каргалинского посада из-под Оренбурга. Его основали приглашенные для установления торговых связей со Средней Азией и Казахстаном первым губернатором учрежденной в 1744 г. Оренбургской губернии И.И. Неплюевым переселенцы из татар Казанской губернии.

Чай из Чугучака и Кульджей нашел сбыт в Средней Азии и Казахстане, куда ранее его привозили из Кяхты, а также на Ирбитской, Мензелинской и Нижегородской ярмарках. «Чаи, получаемые из Чугучака, сбываются из Троицка в Казань и частию на Ирбитской ярмарке; продаются от 100 до 115 рублей серебром цибик, средним числом в 71 фунт», – свидетельствовал Корсак. Казанский ученый верил, что со временем торговля ими «примет такие же размеры, как и кяхтинская, а может быть и больше», ибо «путь здесь сокращается почти вдвое, а расходы на провоз даже втрое меньше». Доставлявшиеся через Кульджу и Чугучак чаи в торговле прозвали чугучакскими, а также семипалатинскими по превращенному в перевалочный пункт для китайских товаров Семипалатинску.

А пока наибольшим спросом в Европейской России продолжал пользоваться кяхтинский чай. Правительственным указом от 1 августа 1855 г. российским купцам разрешили покупать чай на деньги, и в Кяхте богатых людей стало бывать больше, чем в Санкт-Петербурге и Москве. К торгам в ней допускались лишь первогильдейские купцы, денежные обороты которых исчислялись не тысячами, а миллионами. В нём насчитывалось не менее 20 купцов с состоянием от 10 до 48 млн рублей. Кяхта считалась местом торговли. А купечество проживало и останавливались

в Троицкосавске, расположенном в четырех верстах от слободы городке. Тут размещалась пограничная воинская команда и главная кяхтинская таможня с ее чиновниками.

Название городка означало, что его заложили на Троицу в честь святого Саввы Сербского. Его придумал граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский – представитель древнего сербского рода из Герцеговины, русский посланник в Пекине, много сделавший для заключения в 1727 г. Кяхтинского торгового трактата между Российским и Китайским империями.

Сюда съезжались торговцы из Иркутска, Тобольска, Нижнего Новгорода, Казани и Москвы. Здесь действовали 58 торговых домов, 7 из них – московских, 37 – сибирских, остальные – других городов России, в том числе Казани. Их торговые обороты достигали десятков миллионов рублей в год. Среди партнеров кяхтинских торговых домов значились казанские купцы-чаоторговцы Апанаев Мухамед Муса, Юнусов Габейдула Мухамед, Апанаев Хасан Муса, братья Крупенниковы.

Люди, и местные, и приезжие, воспринимали торговую слободу и городок единой Кяхтой, разделенной на Нижнюю и Верхнюю. Ее они в шутку величали Пограничной столицей России, Москвой-на-Востоке и даже песчаной Венецией. Здесь в 1854 г. четырнадцатилетним подростком по прихоти отца, елабужского купца-миллионщика, пожелавшего приобщить сына к коммерческой деятельности, оказался будущий известный российский литератор, редактор газеты «Русский мир», журналов «Русский вестник» и «Нива» Д.И. Стахеев. Он на ходу приобщался к чайной торговле, умело распоряжался огромными отцовскими суммами, вошел в круг кяхтинских купцов, сосватался к дочери кяхтинского купца К. Трпезникова. Впечатления о Кяхте сильно и надолго врезались в память юноши. Ими он делился в публикациях в газетах «Кяхтинский листок», «Иркутские губернские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», журнале «Русское слово». У него зародилось желание рассказать об остававшемся еще неведомом читателю чайном пути из Кяхты в Европейскую Россию, прозванном купцами из-за большой протяженности Великим. Так появилась его книга очерков «От Китая до Москвы. История ящика чаю», увидевшая свет в 1870 г. в Санкт-Петербурге, куда писатель перебрался с семьей после некоторых скитаний из-за ссоры с отцом. Д.И. Стахеев посвятил ее «путешствию чайных обозов во время их длинной дороги от Китая до Москвы». Начиналось оно для перевозимых ими ящиков с чаем далеко от российско-китайской границы, в Южном Китае, где его выращивали. «Чай, поступающий в продажу, китайцы закупоривают в камышевые ящики, – рассказывал он паковке

чайного товара перед отправлением в приграничную торговую слободу Маймачен. – Они плотно с помощью рук и ног и деревянных чурбанов набивают в ящики чай; внутренние стенки этих ящиков обкладываются в несколько рядов мягкой желтоватой бумагой, бамбуковыми листьями и досками. Наполнив ящик насколько возможно плотнее, то есть до известного веса (от 85 до 100 фунтов), китайцы кладут на верх чай фактуру своей фирмы и, заложив снова несколько рядов бумагу и бамбуковые листья, заплетают на ящик камыш».

Эти ящики с чаем завертывали в войлоки из бараньей или верблюжьей шерсти и наваливали на горбатую спину верблюдов, причем, уточнял писатель, клали «только от двух до четырех ящиков», и набирался караван «по пятисот и по тысяче верблюдов». Он проходил «от Южного Китая до Монголии, потом через Монголию по ее бесконечной Гоббийской степи» и через два с половиной месяца добирался до Маймачена. Открывались городские ворота, и привязанные к хвосту друг друга верблюды медленно вступали в город. Здесь их ставили на колени, развьючивали, и ящики с чаем, сняв с них «запылённую и истертую в пути войлочную покрывку», разгружали в пакгаузы и амбары.

– Нова чай пришола, плиятьер, посмотри... Хылошанки чай! – разносилась весть в Кяхте. «Кяхтинский купец, по большей части комиссионер, редко ходит сам в китайские фузы для покупки чая; это вообще не принято, на том основании, что китайцы могут подумать о крайней необходимости русских, нуждающихся в приобретении чая. Поэтому искони водилось и водится, что китайцы первые являются с предложением чая и показывают свои бакчи», – делился Стахеев своими наблюдениями. Бакчами китайские торговцы называли завернутые в бумагу чайные образцы для продажи. Русские купцы, с его слов, «считали за нужное поломаться и некоторое время отказывались от покупки чая, говоря, что чай им не особенно нужен». Но после нескольких отказов с одной стороны и предложений с другой, принимались осматривать образцы чайного товара. По бакче, имеющей не более фунта весу, решалось иногда дело тысячи на две ящиков чаю, то есть тысяч на двести рублей серебром. Потому некоторые купцы-кяхтинцы держали особых приказчиков – знатоков чая. Они умели распознавать доброту и достоинства разных сортов чаев, получая за это до 3–4 тыс. рублей серебром годового жалованья. По заключении торга между китайским и русским купцами чай из Маймачена перевозился в кяхтинский гостиный двор, а из него в обмен вывозились российские товары.

Из Кяхтинского гостиного двора ящики с чаем отправляли в троицкосавскую таможенную, отстоящую от Кяхты в 4 верстах. Заплатив здесь

пошлину, купец или его компаньон становились собственником чая и получали право обшить ящики с чаем бычьей или коровьей кожей. Это обходилось недешево – около 2 рублей серебром каждый ящик. Зашивкою занимались особые мастера, составлявшие целую артель при таможене.

Зашитые в кожи ящики и называли монгольским словом «цибики». На их кожаной обшивке нарезали номера и буквы для обозначения сотов чая, имена и фамилии хозяев. После проверки цибикив таможенное начальство привязывало на них свинцовые пломбы и выдавало купцу-собственнику или его компаньону билет на их «вывоз из таможенного двора».

За таможенным шлагбаумом за его доставку до требуемого места брался доставщик, нанимавший обозного приказчика и извозчиков в пути. Те загружали воз по доброте лошади и удобству пути 20–25 пудами чая, или 7–8 неквадратными полуторными и 8–10 квадратными цибиками. Первые по размерам имели по 10 вершков во все три конца и вмещали 50–65 фунтов чая, а вторые были длинною 12 вершков, шириною 9 вершков и глубиною в 11 ½ вершков, вмещали 75–87 фунтов чая.

Ящики с чаем наваливали на возы, закрывали их наглухо рогожами, увязывали крепко верёвками, и, чайные обозы трогались в путь. И далее начиналось увлекательное путешествие цибикив в Европейскую Россию, в которых доводилось не раз участвовать самому Д.И. Стахееву. Проходимый ими чайный путь он находил для извозчиков «многотревожным, полным неудобств, опасностей и всяческих невзгод». Им приходилось ехать в трескучие морозы и метели, через труднопроходимые глухие леса, высокие снежные сугробы и глубокие снега. Еще на них лежала охрана груза от порчи, дорожных воров и грабежа, хотя в большей мере за это отвечал обозный приказчик. Но они видели его обычно лишь во время стоянок на постоянных дворах. Тот разъезжал на лошадях их содержателей от станции до станции, готовя встречу вверенным обозам. «Обоз, шаг за шагом, медленно двигаясь и поскрипывая, доплетётся до постоянного двора, извозчики отдохнут, покормят лошадей, снова запрягут их в воза и снова медленно потянутся вдоль Большой сибирской дороги; идут они около своих возов, считая от скуки придорожные столбы и оглядываясь по сторонам, чтобы как грехом не подобрался дорожный вор и не срезал бы с воза ящика с чаем», – рассказывал Д.И. Стахеев о движении нагруженных чайных обозов. День за днем они ехали от деревни до деревни, от одного постоянного двора до другого.

В передаточных городах происходила перевалка чайных грузов от одних нанимаемых извозчиков к другим. Её производили через определенные дистанции, проехав от Кяхты до Иркутска, от Иркутска до Томска,

от Томска до Тюмени, от Тюмени до Казани, подвергая груз осмотру и «пробе». Занимались этим совочники, бравшие пробы из ящиков чайным совком, похожим на железный лом с углублением в конце. Они пробивали ими ящики с четырех сторон, вынимали чай, чтобы удостовериться в его добротности и неиспорченности. Эта процедура называлась у них «хождением на совок». В нём участвовал и доставщик, принявший обязательство перед собственником чая доставить товар до пункта назначения.

На длинном продолжительном пути чайных обозов из Сибири на Урал оказывались две ярмарки, в которых считали долгом участвовать купцы-собственники перевозимого чая. Первая – Ирбитская – проходила в Пермской губернии, в 100 верстах от Большого Сибирского тракта, а вторая – Мензелинская – по Уфимскому почтовому тракту, в 270 верстах от Казани.

В основанной в 1633 г. по дороге из Верхотурья на Тобольск Ирбитской слободе ярмарке, или, как тогда их называли, ярмонке торговля проводилась с 1775 г. Здесь в феврале сходились жители Урала и Сибири.

Ярмарки в заложенном в 1586 г. в 50 верстах от Камы и 270 верстах от Казани Мензелинске устраивались с конца XVIII в., когда он сделался уездным городом Оренбургской губернии. Проходили торги в течение 8–10 дней в январе с участием московских, казанских и вятских купцов.

Выехавшие из Кяхты вместе чайные возки расходились на эти ярмарки у Тюмени. Следующие на Ирбит заезжали в Тюмень, откуда оставалось до него только 100 вёрст. Идущие на Мензелинск в 100 верстах от Тюмени поворачивали по тракту на Шадринск и, минуя после него Челябин, Троицк и Бирск, прибывали на Мензелинские торги. На обе ярмарки чайный товар отправлялся «с удвоенною скоростью», «на возках тройками, иногда четверками и пятерками лошадей, смотря по количеству груза, положенного на возок», причем на санях-розвальнях, «имеющих вдвое больше размеры против саней обыкновенных». После Ирбита и Мензелинска извозчикам становилось веселее. Остались далеко позади глубокие сугробы Сибири, крутые спуски и подъёмы Уральских гор. И чайные обозы выходили напрямую к пунктам назначения своих грузов. «А обоз, между тем, медленно двигаясь, шаг за шагом от деревни до деревни, от города до города, переваливаясь из нырка в нырок, с горы на гору, доплетается наконец до известного города, в котором ящики с чаем следует сдать купцу– собственнику чая», – настраивал Д.И. Стахеев читателя к приближению окончания путешествия цибиков с чаем.

Для чайных грузов, предназначенных казанским частоторговцам, оно завершалось в Казани. Их разгружали, как правило, в складах гостиного двора. А уже отсюда они расходились по другим местам. Извозом за-

нимались в основном ямщики из татарских деревень Ковали, Салмачи, Дубьязы, Чепчуги и Чебокса. Потом наступал черёд цибиков, следовавших в Нижний Новгород и Москву. В Нижнем их ждали склады на Сибирской пристани, в 2 верстах от гостиного двора.

Всегда находились купцы-собственники чая, которым требовалось доставить его до пункта назначения безостановочно, без ноема извозчиков по дистанциям и передаточным городам. «Если чайная партия должна следовать безостановочно от Кяхты до Казани, Москвы или Нижегородской ярмарки, и если купец, собственник чая или его комиссионер, не желает сам хлопотать за наймом извозчиков в каждом городе, на расстоянии шести тысяч вёрст, то он отдаёт всю партию чая на доставку прямо до известного места, за известную цену, обязывая доставщика сдать чай в условленный срок, – говорилось в книге про такие особые случаи чайного перевоза. – В силу этого, как в русской торговле внутри России, так и в отдаленных сибирских городах, образовался особый класс промышленников, специальное занятие которых состоит исключительно в доставке товаров из сибирских городов внутрь России и обратно. Выгода от этого дела бывает различная; она подвержена, порою, большим колебаниям и зависит от многих условий, предвидеть которые иногда бывает очень трудно, а в иных случаях даже невозможно.

Заключает, например, доставщик контракт, по которому обязывается доставить груз из Кяхты до Нижегородской ярмарки за пять рублей двадцать копеек с каждого пуда. При этом он руководствуется расчетами, основанными или на предыдущих путешествиях обозов, или на письмах своих агентов из разных городов, о ценах, существовавших на извоз во время отправления письма (теперь при устройстве сибирской телеграфной линии сведения получают скорее и чаще, чем прежде). Но эти сведения, получают ли он в письме или в телеграмме, не могут быть постоянными, потому что они зависят от многих условий, как-то: от урожая хлебов, от состояния погоды и дорог, от количества лошадей, предлагаемых местными извозчиками под грузы. Понятное дело, во время хорошего урожая цены на жизненные продукты уменьшаются, и с уменьшением их падает и цена на извоз. Точно также и при хорошем состоянии дорог цены дешевле, чем при дурном: бывали случаи, что осенью в Пермской и Казанской губерниях, замечательных в особенности дурными, редко поправляемыми дорогами, во время продолжительных дождей цены на извоз бывали почти вдвое дороже, чем в сухую погоду». Завершалось описанное писателем путешествие ящиков чая из Китая в Москве. Но им могла выпасть и дорога далее в Санкт-Петербург и Восточную Европу.

Книга очерков Д.И. Стахеева «От Китая до Москвы. История ящика чаю» стала первым в отечественной литературе посвящением чаю, сделавшим Россию чайной страной. Читателям было интересно узнать, как он попадает на стол россиян из далекого и почти сказочного Китая, какой путь проходит при этом. И повествующее об этом произведение не осталось незамеченным публикой.

Но после прочтения книги у поклонников кяхтинского чая возникал серьезный вопрос: Каково будущее Кяхты, через который его доставляли в Россию из Китая? Д.И. Стахеев не давал на него прямого ответа. Он лишь заметил, что слава полюбившегося ему в юности города стала меркнуть. «Кяхта, этот знаменитый пункт наших торговых отношений с Китаем год от году пустеет, – признавался писатель. – Теперь осталось в соседнем городе Маймачине только до десяти торговых фуз, тогда как в былое время, в пятидесятых годах, их было до ста и даже более». Ему, имевшему когда-то дело с чайной торговлей, было ясно: в обоих городах происходит снижение торговых оборотов. Купцы-кяхтинцы говорили без утайки: «Кяхтинская торговля упала от того, что ей невозможно соперничать с чаем, привозимым морским путем». Морским путем китайский чай попадал в Россию через Одессу. Доставляли его из китайского порта Кантона, потому и чай прозвали «кантонским». Впервые он появился на Нижегородской ярмарке в 1818 г. Из опасения, что кантонский чай при дешевизне доставки морем может вытеснить на рынке кяхтинский, российское правительство вскоре ввело ограничения на его продажу, разрешив её только в Одесском портофранко. Но в середине XIX в. они были сняты, что вызвало увеличение привоза кантонского чая в страну. И теперь покупатель сам решал, какой чай ему купить – привычный кяхтинский, но подороже, или кантонский, который стоил дешевле. Дороговизну кяхтинского чаеоторговцы объясняли дорожными издержками на длинном сухопутном чайном пути. За его провоз только от Тюмени до Казани платили от 2,5 до 5 рублей с пуда, а на Байкале и на Тункинской горе провозная плата доходила до 35 рублей с пуда. Естественно, купцы опасались, может ли кяхтинский чай конкурировать с кантонским. Они всерьез задавались вопросом: удержится ли сухопутная торговля с Китаем через Кяхту в дальнейшем? Ее спасение им виделось в зародившейся в России перевозке грузов по железной дороге. Она уже связала Нижний Новгород с

Москвой, и купцы не преминули воспользоваться преимуществами новой перевозки товаров. Ярмарочное купечество Нижегородской ярмарки 1869 г. решилось обратиться к покровительствующему ей министру финансов империи с настоятельной просьбой связать Москву железной дорогой с Сибирью и провести ее поближе к китайской границе.

«Соединение Сибири с Москвой посредством железной дороги составляет настоятельную, неотложную необходимость для всей внутренней торговли империи и для торговых сношений наших с Китаем и среднеазиатскими землями», – говорилось в письме, подписанном «200 лицами из Сибири, Восточной и Средней России». Они просили учесть, что для Нижегородской ярмарки как главной ярмарки России было бы желательно соединить Нижний Новгород железной дорогой с Казанью и через нее выйти на Урал и Сибирь, а далее – к Китаю.

Просьба была услышана самим императором Александром II, поддержавшим идею строительства Уральско-Сибирской железной дороги. Решение о его возведении принял уже император Александр III. В Казанском губернском земстве в 1883 г. завели даже «Земский железнодорожный комитет» по подведению рельсового пути из Екатеринбурга к Казани. Однако надежды казанцев не оправдались, в Санкт-Петербурге наметили вывести его от Уфы к Самаре.

Эпопея сооружения пересекавшей с запада на восток весь материк Азии Транссибирской железнодорожной магистрали началась одновременно от Урала и из Владивостока в 1891–1892 гг. Она была призвана стать самой протяженной железной дорогой в мире, связать Европейскую часть Российской империи с Сибирью и Дальним Востоком и обеспечить выход государства к Тихому океану. Стройку намечалось завершить в 1916 г.

Уже в октябре 1895 г. открыли временное движение на участке от Урала до Оби, еще через полтора года поезда пошли до Красноярска, а в августе 1898 г. Европейская Россия соединилась с Иркутском. В 1899 г. открылось движение на северном участке Уссурийской железной дороги, связавшей Владивосток с Хабаровском. Порт Владивосток сделался одновременно станцией отправления чая в Центральную Россию. Станциями – пунктами его прибытия стали Иркутск, Челябинск, Екатеринбург и Уфа. Сквозное движение по Транссибирской железнодорожной магистрали от Урала до Дальнего Востока открылось после постройки Амурской железной дороги в 1915–1916 гг. Благодаря ей удалось так сохранить в целом сухопутную доставку китайского чая, правда, изменив многие ее привычные маршруты. В первое время Транссибирская железнодорожная магистраль называлась «Великой сибирской железной

дорогой», созвучно с Великим Сибирским трактом. А Великий чайный путь и вовсе перестал существовать, как это произошло с Великим шелковым путем.

Благодаря Великому сибирскому рельсовому пути славу Казани как ворот России на Восток затмила Уфа. Она превратилась в ее железнодорожные ворота на Дальний Восток. Крупнейшая московская чайная фирма «Караван» разместила здесь свои главные склады для доставлявшихся пока караванами из Китая до Кяхты кирпичного и плиточного чаёв. И уже отсюда товар направлялся в другие города, в том числе Казань, оставшуюся пока без выхода на Транссибирскую железнодорожную магистраль. Правда, в 1893 г. ее удалось таки соединить с Москвой, связанной с ней через проложенную северную ветку.

Строительство же выводящей её на Транссибирскую железнодорожную магистраль железнодорожной линии Казань–Екатеринбург началось лишь в 1913 г. после открытия у Свияжска железнодорожного моста через Волгу, завершённое уже при установившейся в стране новой, советской власти и образования на большей территории бывшей Российской империи нового государства – СССР.

Казань же стала столицей Татарской автономной республики в составе вошедшей в СССР Российской Федерации. Железнодорожную линию Казань–Екатеринбург пустили в 1924 г. В полную силу она заработала в 1928 г. От бывшего Большого Сибирского тракта в ней сохранилась городская улица, выходившая на Арскую дорогу. Наслышанный о его прошлом известный советский татарский поэт Наби Даули посвятил ему стихотворение «Сибирский тракт»:

Лёг между Казанью и Сибирью
Тракт, мощный в давние года,
Путниками первыми весною
По нему ручьи бегут всегда.

(Перевод А. Казакова)

В 2015 г. в сквере площади, где теперь начинается улица Сибирский тракт, в память о бывшей дороге главных сообщений Российской империи установили символический верстовой столб, указывающий 768 версту от Москвы до Казани. На нем сделана также запись о расстоянии от Москвы до Пекина 8839 вёрст. Она невольно напоминает, что Казань в прошлом входила в маршрут проходившего здесь самого протяженного на евроазиатском континенте торгового сухопутного чайного пути, по которому доставляли чай из Китая через Монголию, Сибирь и Урал в Европейскую часть России и Восточную Европу.

МАХСУС ЧЫГАРЫЛЫШ
III – 2024
СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

ТӨРКИ РУХ КҮТӨРЕЛЕШЕ

Алибек Койлакаев. АТА-БАБАЛАР РУХЫ.

ВОСХОЖДЕНИЕ ТЮРКСКОГО ДУХА

СҮЗ БАШЫ

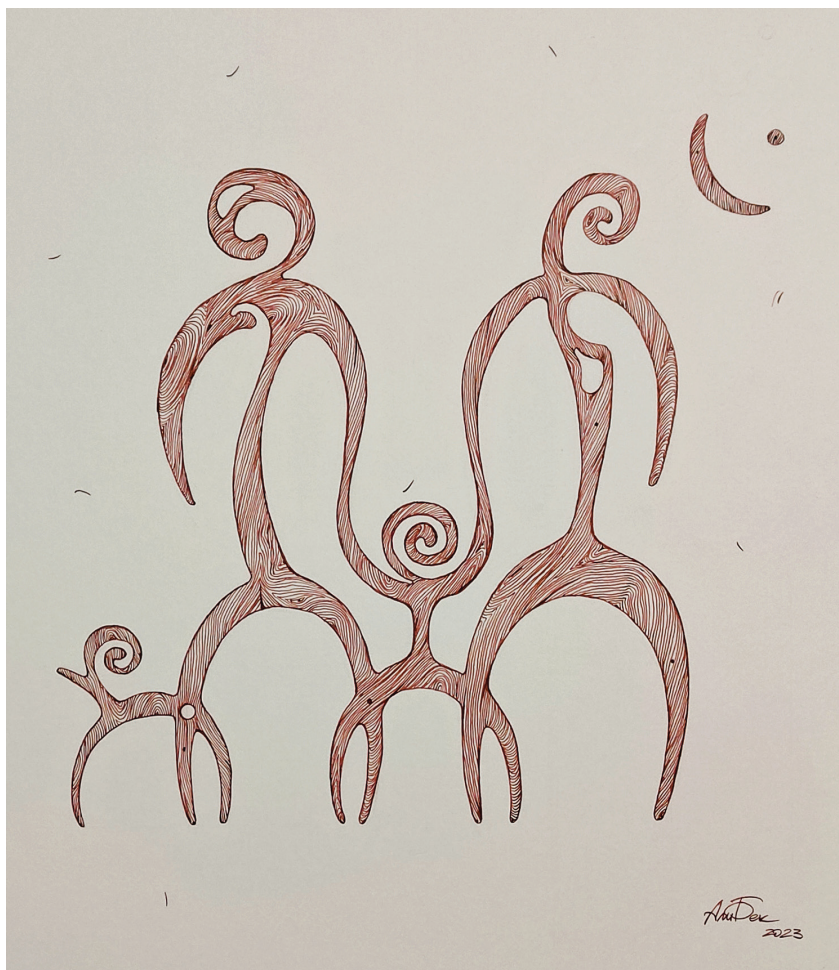
Төрки цивилизациясен еш кына «Дала цивилизациясе» дип тә атыйлар. Әмма, тулаем алганда, бу билгеләмә бик үк дәрәс булмас, чөнки төркиләр борынгы чорлардан ук утрак тормышны да белгәннәр, шәһәрләр дә корганнар, иген дә үстергәннәр. Һәрхәлдә, һуннар заманында ук бу шулай булган. Ә инде Төрки каһанлыкларга нигез салган Ашина ыруының тимер эшкәртә белүе күп нәрсә турында сөйли, чөнки мондый һөнәрне башкару өчен технология да, һөнәрчелек буенча белем дә кирәк... Шуңа күрә дә безгә ерак бабаларыбыз турында сүз алып барганда аларның тирән тамырлы мәдәнияткә ия булганнарын күз алдында тоту әһәмиятле. Мондый мәдәният исә йөзләргә еллар дәвамында эшкәртелеп, яңа биеклекләргә күтәрелгән.

Нәкъ менә шушы хакыйкәтне аңлау өчен без укучыларыбызга төрки цивилизациясен күзаллауга юнәлдерелгән үзенә күрә бер тупланма тәшкил иткән мәдәни ядкарьләрдән үрнәкләр тәкъдим итәргә булдык. Монда төрле өлкәләргә (фән, әдәбият, фольклор һ.б.) караган төрки мирасы үрнәкләре китерелә. Билгеле, күләм ягыннан чикләнгәнлектән, алар өзекләр рәвешендә, кыскача вариантларда бирелә; теләгән кеше исә соңыннан аларның тулы текстларын үзе дә табып укый ала.

Бу очракта күбрәк төрки халыкларның фольклорына мөрәҗәгать иттек һәм ул юкка гына түгел, чөнки халык авыз ижаты һәрбер милли әдәбиятның һәм фикерләүнең чишмә башы булып тора. Шушы әсәрләр аркылы төркиләр үзләренең рухи башлангычларына тоташа алалар. Игътибарыбыз үзәгендә, бигрәк тә башлангыч дәвердә, Огуз/Угыз каһан һәм угызлар белән бәйле әсәрләренең китерелүе дә очраклы түгел – борынгы төрки чор аларда бик яхшы сакланган. Огуз каһан исә барлык төркиләрнең мифологик башлангычы булып санала ала һәм ул аларга «ак бүре» исемле оран (уран) да биргән. Бу бик борынгы образ Төрки каһанлыкка нигез салганда да килеп чыга – ак төстәге ана бүре бөтен төркиләргә тудыручы буларак легендаларда искә алына, ә татарларда ул бер әкияти образ буларак сакланган. Огуз каһан турында сүз алып барганда онытмыйк – «р» телле болгарларда аның исеме «Огур» буларак яңгырар иде һәм аларның кабилә атамалырында (оногур, сарагур, кутугур, утигур) да шушы мифологик исем сакланган ахрысы. Тел белгечләре дә болгар, хәзәр телләрен «огур» телләре буларак караганда да күрсәтелгән борынгы туганлык җепләре истә тотыла. Шунлыктан эпик һәм башка әсәрләрдәге Огуз/Огур каһанга, ул мифологик бер образ булса да, без бик зур игътибар белән карарга тиешбез, чөнки аның аркылы тарихыбызның чал тирәнлегенә күрә...

Билгеле, Огуз каһанда гына тукталсак, бу бик үк дөрес булмас иде. Шунлыктан, жыелган тупланмада алтай, татар, казах, үзбәк, кыргыз һ.б. төрки халыкларга бәйле әсәрләр дә китерелә. Алар аркылы безгә Хива хөкемдары Абул-Гази Баһадир ханга кадәр барып житү мөмкинлеге барлыкка килә. Ягъни, бу озын-озак юл белән барганда төрки рухның ничек күтәрелгәннен ачык күрергә, аңларга мөмкинлек туа. Бурычыбыз да шул иде. Ә инде аңа ирешеп булганмы, бусын укучыларыбыз китерелгән әсәрләрне өйрәнгәндә үзләре хәл итәрләр дип уйлыйм.

*Дамир Исхаков,
тарих фәннәре докторы*

Алибек Койлакаев. ГАИЛӘ.

ТӨРКИЛЭРНЭЦ ИЦ БОРЫНГЫ ТАРИХЛАРЫ

ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ТЮРОК

ЛЕГЕНДЫ О РОЖДЕНИИ ТЮРОК

1. Из истории «Северных династий»

(Кийат. В передаче периода Танской династии, 618–907 гг.)

...Предки тюрков жили в стороне Западного мира (Xihai) и они являлись отраслью гуннов, но имели собственную племенную организацию. Они имели наименование Ашина. Позже, в ходе межплеменных конфликтов, предки тюрков потерпели поражение от соперничающих кланов и сородичи их были убиты. В ходе этого события вражеские воины увидели десятилетнего мальчика, которого не захотели убивать. Они однако отрубили ему обе ноги и руки, а затем бросили его в пустоши. Когда мальчик там лежал и был близок к смерти, его спасла волчица, вскормившая его мясом животных и оживившая его. Когда мальчик повзрослел, он стал жить с волчицей, которая от него забеременела. Глава враждебного племени, узнав, что мальчик остался жив и вырос, послал людей, чтобы те его уничтожили и тем самым ликвидировали корни будущих проблем. Вражеские воины увидели мальчика и волчицу. Захотели их обоих убить. В этот решающий момент вмешался господь [Тенгри] и с его помощью волчица бежала в большие горы к северо-западу от Кочо и скрылась в пещере, где она родила десять мальчиков. Эти мальчики постепенно выросли, пошли в поисках себе невест, женились на них, у них появились дети и они сформировали свои кланы. Одним из них был клан Ашина. После, из-за того, что Ашина был влиятельным и дееспособным, его выбрали лидером племени. В память о доброте волчицы, вскормившей их, на флаге, который висел около юрты Ашина, была изображена волчья голова. Население клана Ашина становилось больше и больше, достигло нескольких сот семей. Позже, когда шад Акин был главой племени, он вывел сородичей из пещеры и выразил покорность власти аваров. [Тогда] они жили южнее Джиншана (Алтай?). Они работали на авар как кузнецы. Так как верхняя часть Джиншана выглядит как шлем, а они шлем именуют «тюрк», они свое племя называли «тюрк».

2. Из «Книги Шау»

(легенда записана во время династии Тан)

Предки тюрков жили в местности Суогуо (Suoguo) к северу от Монгольской пустыни, которая в период союза племен была распо-

ложена к северу от гуннов. И их вождь назвался Абам бек. Абам бек имел 17 братьев, один из которых именовался Игил нисса кур (Igīl nīxa qur) и его матерью являлась волчица. Из-за того, что Абам бек был слабым и недееспособным, его племя было подчинено соперничающими племенами, побеждено ими и разрушено. Потом, Игил нисса кур почувствовал власть Господа [Тенгри] и был наделен умением управлять ветром и дождем. Он женился на дочерях богов лета и дождя. Вторая жена родила ему четверых мальчиков. Один из мальчиков стал белым лебедем, а другие трое образовали три племени. Одно племя наименовалось кыргыз и проживало между Афущей (р. Абакан) и Джияншуй (Кем, р. Олуken на верхнем течении Енисея); другое племя обитало на берегах р. Чин Кем; еще одно жило в Басичужечи Шан (Basichuzheshi Shan). Последнее племя было кланом старшего сына и там находились многие родственники Абама бека. Имя старшего сына было Нур торлук. Он собрал всех разрозненных сородичей и объединил их. Он пытался решать все ежедневные проблемы. Племя становилось все сильнее. Он был выбран вождем племени и получил имя Нур торлук (титул вождя этого племени – «шад»). Племя именовалось «тюрк». Нур торлук имел 10 жен и его сыновья носили фамилии матерей. Ашина был сыном младшей (молодой) жены Нур торлука. После смерти Нур торлука народ захотел одного из его сыновей выбрать вождем – наследником. Все жены привели своих сыновей под большое дерево и договорились, что тот из сыновей, кто прыгнет выше всех, станет вождем. Сын самой младшей жены, Ашина, был моложе, проворнее и прыгнул выше. Поэтому он был избран вождем племени и стал именоваться Ашин шад.

3. Из «книги Суи»

(легенда записана в период династии Тан)

Предки тюрков из клана Ашина были изначально из За Ху (Za Hu) (Смешанных Ху [Misallentous Hu]), живших в Пиньянг (провинция Таньсу) северо-западнее Китая, между IV и началом V вв. После того, как император Тайву из династии Северный Вэй подчинил Северный Лианг государства Сюнну, которыми правил Джуху Менгсун (Juqu Mengxun), тюрки Ашина получили убежище у авар. Они начали жить в Джияншане (Алтай) и являлись кузнецами у авар. Форма главы Джияншаня выглядит как воинский шлем. А они шлем именовали «тюрк». Поэтому они использовали наименование тюрк как название своего племени.

Взято из: He Xingliang, Juo Hongzhen. A. History of Turks. China intercontinental Press, 2008. PP. 10–13. Перевод с англ. Д.М. Исхакова.

БОРЫНГЫ ТӨРКИ РУН ЯЗМАЛАРЫ: КҮЛТЭГИН ҺӘМ ТӨНЬЮКУК ТАШЛАРЫ

Күлтэгин истәлеге

Кече язма

- (1) Тәңредәй күкләрдә яратылган зирәк төрки каган булып бу вакытта тәхеткә утырдым. Сүземне төгәл ишетегез: барыгыз – кече туганнарым, улларым, биредәге оям халкы, көньякка – шад – апыт бәкләр, төньякка – таркат – боерык бәкләр, утыз
- (2) тугыз угуз бәкләре халкы! Бу сүземне яхшы ишет, ныклап тыңла. Алга – кояш чыгышына, уңга – көн уртасына, артка – көн батышына, сулга – төн уртасына кадәр сузылган жирдә яшәүче халыкны тупладым, күбәйттем. Инде
- (3) хәзер борчу юк, төрки каган Өтүкән ешлыгында (иңкүлегендә) булса, Илгә авырлык булмас. Алга, көнчыгышка, Шантун даласына кадәр сугыштык, диңгезгә аз гына житмәдек, уңга, көнчыгышка, Тугыз Әрсәнгә¹ кадәр сугышып бардык, Түпүткә² житәргә бик аз калды, артка – көнбатышка Йинчү үгүз³
- (4) кичеп, Тимер – Капыгкә⁴ кадәр сугыштык, төньякка Баерку жиренә кадәр сугышып бардык. Шул кадәр жирләргә йөрттем. Өтүкән ешлыгыннан да яхшы урын булмас, илне тотачак жир Өтүкән ешлыгы иде. Бу жирләрдә урнашып, табгач⁵ халкы белән аралаштык.
- (5) Алтын, көмеш, исерткеч, ефәкне хисапсыз биргән табгач халкының теле татлы, малы йомшак иде. Татлы теленә, йомшак (ефәк) малына кызыккан еракта яшәүче халыкны шулай үзенә яқынайта иде. Төрки халкы якыннарында яшәп, аларның яман гадәтләрен үзенә сәңдерде.
- (6) Яхшы белемле кешеләрне, яхшы кыю кешеләрне үз ягына аударалмады. Бер кеше ялгышып, кабиләсе, туганнары күчкәндә дә алар кузгалмады. Татлы сүзгә, йомшак байлыкка алданып, күп төрки халык – үлдек. Төрки халкы, бер өлешен көньякта, Чугай ешлыгына, Түн даласына күчәргә теләде.
- (7) Төрки халыкның бүленергә теләгән өлешенә начар кешеләр шулай аңлаттылар: «Ерак булсагыз, начар байлык бирер, якын булсагыз,

¹ Тугыз эрән – кабилә атамасы.

² Түпүт – Тибет.

³ Йинчү үгүз – Сырдарья елгасы.

⁴ Тимер – Капыг – Үзбәкстан территориясендәге Байсунтау тавында Бузгала кичүе.

⁵ Табгач – кытайларның борынгы атамасы.

- яхшы байлык бирер», – дип өйрәттеләр. Белер-белмәс кеше бу сүзгә алып, якын барып, күп кеше үлдөгез.
- (8) Ул жирләргә барсаң, төрки халык, үлчәксен. Өтүкән жирендә булып, анда караваннар жибәрсен, кайгы-борчуларың булмас. Өтүкән ешлыгында яшәп, син мәңгә ил тотачаксың. Төрки будун (халык), син тукмы, ук кебек арыкмы, ачлыкны-туклыкны уйламыйсың. Бер туйсаң, ачлыкны уйламыйсың, шунлыктан (гамьсезлектән)
- (9) яхшылык кылган каганыңның сүзен алмыйча (тыңламыйча), жир саен йөрдегез, анда бик йончыдыгыз, арыдыгыз. Анда калганнар, жир саен барганнар күбесе үлделәр. Тәңре ярлыкаганы өчен, үземнең бәхетем булганга күрә, каган булдым. Каган булып
- (10) йук, ярлы халыкны күбәйттем (тупладым), ярлы халыкны бай кылдым, аз санлы халыкны күп кылдым. Минем бу сүземдә ялган бармы?! Төрки бәкләр халкы, моны ишетегез! Төрки халкының берләшеп, ил тотачагын биредә чокып яздым, ялгышлар аркасында бүлгәленеп үлчәгегезне тагын
- (11) монда чокып яздым, әйтергә теләгән сүзләремне мәңгелек ташка чокып яздым. Аны күреп белегез, төрки – хәзер бәк халык, тәхеткә караучы – буйсынучы бәкләр, сез тагын ялгышачаксыз. Мин мәңгелек таш өчен табгач каганлыгыңнан чокып язучылар китерттем, яздырдым. Минем сүземне бозмады.
- (12) Табгач каганы сараендагы осталарын жибәрде. Алардан махсус бина төзеттем. Эчен-тышын махсус сырлап бизәттем, таш кордырдым, күңелдәгә сүземне ... сез ун ук балаларыңнан¹ татына² кадәр аны күреп белегез, мәңгелек таш
- (13) кордырдым. Хәзергәчә юллар кисешкән тукталыш булса, шул тукталыш жирендә мәңгелек таш кордырдым, ташка уеп яздырдым. Бу язуны язучының аты Йоллыг тегин.

Зур язма

- (1) Өстә – күк Тәңре, аста – көрән жир кылынганда (барлыкка килгәндә) ике арада кеше углы барлыкка килде. Кеше угыллары өстеннән борынгы бабаларыбыз Бумын каган, Истәми каган идарә иткән. Тәхеттә утырып төрки халкының илен һәм кануннарын саклаганнар, үстергәннәр.
- (2) Дүрт ягында дошман күп булган, сугышып, дүрт ягындагы халыкны буйсындырганнар: башлының – башын идергәннәр, тезлене – тезләндергәннәр. Элгәре, көнчыгышка, Кадыркан³ ешлыгына

¹ ун ук балалары – көнбатыш төрки угызларның ун кабиләсе.

² тат – иран халкының борынгы төркиячә атамасы.

³ Кадыркан – Зур Хинган таулары.

- кадәр, кире, көнбатышка, Тимер Капкага кадәр төрки халыкларны урнаштырганнар. Ике арадагы
- (3) иясез (хужасыз) Күк төрекләрне житәкләп, алар тәхеткә утырдылар. Каганы белемле зирәк икән, алып (көчле) каган икән, идарә итүчеләре шулай ук зирәк икән, батыр икән, бәкләре һәм халкы шулай ук төз (тугрылыклы) икән. Аның өчен илне шулай тотканнар, илне тотып, аның кануннарын үтәгәннәр
- (4) аннан үлгәннәр. Елаучы, сыктаучылар тирә-якган: көнчыгышыннан Бөкли¹ даласы халкы, табгач², түпүт³, апар⁴, пурум⁵, кыргыз⁶, үч курыкан⁷, утыз татар⁸, кытан⁹, татабы¹⁰ халкы – шулкадәр халык жыелып сытады, елады, чөнки ул атаклы каган булган. Алар үлгәч, энеләре
- (5) алардан соң – уллары каган булды. Энеләре олы туганнары кебек идарә итә алмаган, уллары этиләре кебек идарә итә алмады. Сәләтсез каганнар килде. Боерыклары¹¹ шулай ук белемсез, булдыксызлар икән.
- (6) Бәкләр халкының тугрылыксызлыгы аркасында, табгач халкының коткысы, мәкере аркасында, кызыктыра белүе сәбәпле, абыйлы-энеләрне үзара талаштырып, дәүләтле халыкларны бер-берсенә каршы котыртып, табгач халкы дәүләте булган төркиләрнең илен жимерде.
- (7) Каганы булган каганлыкны югалтып, кулдан ычкындырып, нык, таза егетләрең кол булды, сөлектәй кыз балаларың табгач халкына кол булды. Бәкләр, төрки бәкләр, төрки исемен ыргытты, табгач жирендә, табгач исеме алып, табгач каганга
- (8) буйсынды. Илле ел үзенәң акылын, көчен аларга бирде. Элгәре, көнчыгышына, Бөкли каганга кадәр сугыштылар, көнбатышта – Тимер Капыгга кадәр сугыштылар, табгач каганга илләрен дә, үз төрүсүн (кануннарын) да табгач каганга бирделәр. Төркиләрнең карасы (гади халкы), барча

¹ Бөкли – Төньяк Кореядагы Көгүрә дәүләте

² табгач – борынгы кытай халкы атамасы

³ Түпүт – Тибет

⁴ апар – авар халкы

⁵ пурум – борынгы Хорезм атамасы

⁶ кыргыз – кыргыз

⁷ үч курыкан – Байкал буенда яшәгән якутларның борынгы бабалары

⁸ утыз татар – борынгы монгол кабиләсе (редакция фикере буенча, бу ялгыш караш; татарлар төрки кабиләләр булганнар)

⁹ кытан – борынгы монгол кабиләсе

¹⁰ татабы – тунгуз халкының борынгы атамасы

¹¹ боерыклар – чин атамасы, титул

- (9) халык болай әйткән: «Илле (дәүләтле) халык идем, инде илем кая? Мин кемгә илләр яулуйым? – дип әйткән. – Каганлы халык идем – каганым кая, нинди каганга акылымны-көчемне бирермен?» – дип әйткән. Шулай итеп, табгач каганга дошман булган.
- (10) Дошман булып [үз дәүләтен] төзи, ныгыта алмыйча, яңадан буйсынган. Әмма элеккечә, көчен-акылын бирергә теләмәгән: «Төрки халыкы, үлик, нәселне бетерик» – дип, халык юкка чыга башлаган икән. Өстә төркиләрнең Тәңресе, изге жире – суы
- (11) болай дигән: «Төрки халык юкка чыкмасын, халык булсын» дигән. Атам Илтериш каганны¹, анам Илбилгә катунны² югары күтәргән, күкләр биеклегенә хас дәрәжәгә ирештергән. Атам каган унжиде гаскәр белән киткән. Тышта (төркиләр яшәгән төбәктән читтә)
- (12) йөри икән дигән хәбәрне ишетеп, шәһәрдәгеләр [тауга] күтәрелгән, тауда яшәүчеләр төшкәннәр. Жыелып, житмеш сугышчы булганнар. Тәңре көч биргәнә өчен, атам – каган гаскәре бүредәй [көчле] икән, дошманы сарык кебек икән. Элгәре көнбатышка кадәр сугышып, жыелып, күбәеп, барысы
- (13) жиде йөз сугышчы булган. Жиде йөз сугышчы булып, илен югалткан, кагансыз калган халыкны, кол ителгән халыкны, төрки кануннарын ычкындырган халыкны ата-бабаларыбыз идарә иткән кануннарга кайтарды. Төлис һәм Тардуш³ халыкларын урнаштырды.
- (14) Аларга ябгу⁴ һәм шад⁵ билгеләде. Уңда, көньякта, табгач халкы дошман иде. Сулда, төньякта, Боз каган⁶ житәкчелегендә токуз-огуз⁷ халкы дошман иде, кыркыз, курыкан, утыз татар, кытан, татабы – барысы дошман иде. Атам – каган шулай
- (15) кырык жиде ел яу йөрөп, егерме жиде сугышта катнашкан. Тәңре ярлыкаганы өчен иле булганнарны иленнән мәхрүм итте, илсезләндерде, каганлыклары булганнарны кагансызландырды. Дошманнарын бастырды, тезлене – чүктерде, башлының – башын идерде. Атам – каган илне төзекләндереп
- (16) идарә эшләрен торгызгач, үзе үлеп китте. Атам – каганга багышлап, Баз каган балбаллар⁸ куйдырды. Идарә эшләрен абыем – каган баш-

¹ Илтериш каган – (илне төрүче, жыпчы мәгнәсендә). Кытай дәүләтенә каршы баш күтәрүне оештырган, II төрки каганат житәкчесе Кутлугның яңа исеме (691 елда үлгән)

² Илбилгә катун – Илтериш каганның хатыны, Билгә каган һәм Күлтәгиннең әнисе

³ Төлис һәм тардуш – төрки халыклардан булган кабилә атамалары

⁴ ябгу – көнбатыш төркиләрдә илбашы титулы

⁵ шад – төрки каганаттагы хәрби һәм административ титул, каган ярдәмчесе

⁶ Боз каган – токуз-огуз халкының житәкчесе

⁷ токуз-огуз – угызларның тугыз кабилә берләшмәсе халкы (чынлыкта монда сүз уйгурлар турында бара – ред.)

⁸ балбал – үлгәннәр каберенә жиңгән дошманнар санынча куелган таш сыннар

- карды. Абыем-каган булып, төрки халыктарны ныгытты, игетте, ягъни төзеклөндөрдө, ярлыны – бай кылды, аз санлы халыкны күбөйтте.
- (17) Абыем – каган идарэ иткөндө, үзем тардуш халкының шады идем. Абыем – каган белән элгәре көнчыгышка Яшел үгез¹, Шантуң йазыка² кадәр сугыш белән бардык, көнбатышка Тимер Капыгга кадәр яу белән бардык. Көгмән³ аша без кыргызлар жиренә кадәр сугыштык.
- (18) Барысы егерме биш тапкыр яу белән бардык, унөч тапкыр сугыштык. Иле булган халыкны илсезлөттөк, ягъни илен яулап алдык, тезлене – тезлөндөрдөк, башлының – башын идерттөк. Түргиш⁴ каган төрки, үз халкыбыздан иде. Аңламавы
- (19) аркасында, безнең алда гаепле булды, шуның өчен каганы үтерелде, боерык бөкләре шулай ук үтерелде, ун ук халкы имгәк күрдө (жәберлөндө, изелде). Безнең ата-бабаларыбыз тоткан жир – сулар хужасыз булмасын дип, аз санлы таралган халыкны туплап,
- (20) Барс бәк бар иде, аңа каган аты⁵ бирдек, сеңелем күнчүйгә⁶ өйлөндөрдөк. [Ләкин] ул үзе ялгышты, каган үтерелде, халкы кол булды. «Көгмән жир-суы хужасыз калмасын», – дип, аз калган кыргыз халкын тупладык. Янадан килдек, сугыштык,
- (21) янә илләрен үзлөрөнә кайтардык. Элгәре көнчыгышка Кадыркан ешлыгы аша үтеп, халыкны шулай урнаштырдык, тәртип булдырдык. Көнбатышка Кәңү тарманка⁷ тагы төрки халыктарны урнаштырдык, тәртип булдырдык. Ул вакытка кол булганнар үзләре коллар тота башлады. Кече энеләр абыйларын белмәс, улы атасын танымас булды.
- (22) Шулай казганган (ирешелгән) иде безнең илебөз, хокукларыбыз. Төрки, угуз бөкләре халкы! Ишетегез! Өстән күк басмаса, аста жир ярылмаса, илеңне, хокукларыңны кем тартып ала алыр иде. Төрки халык!
- (23) Үкен! Күрәчегеңә күрә үзеңне күтәргән билгә каганыңа, изге илеңә үзең түбәнлек кылдың, начар эшләдең. Коралланган гаскәр сине кудымы, сөңгеләр белән килеп куркыттылармы? Изге Өтүкән ешлыгыннан, халык, син үзең киттең. Элгәре, көнчыгышка
- (24) бардык, көнбатышка йөрөдек. Барган жирендә синең көткән рәхәтлек ул икән: каның сулар кебек акты, сөякләреңнән таулар өелде, бәк

¹ Яшел үгез – Хуанхэ елгасының төркичә атамасы

² Шантуң йазы – көнчыгыш Кытайдагы Шаньдун ярымутравындагы дала

³ Көгмән – көнбатыш Саян таулары

⁴ Түргиш – VIII гасырда Талас, Алтай үзәннәре территориясен биләгән төрки кабиләсе

⁵ каган аты – каган титулы

⁶ күнчүй – ханәкә

⁷ Кәңү-тарман – Урта Азиядәге Сырдарья елгасының урта агымындагы урын атамасы

- ир балаларың кол булды, сөлектэй кызларың колга әйләнде. Шуларны аңламавыгыз, сезнең начар гамәлләрегез аркасында абыем – каган үлде.
- (25) Башта абыем – каган хөрмәтенә кыргыз каганнан балбал куйдырдым. Төрки халыкның исеме, көче юк булмасын дип, атам – каганны, анам – катунны күтәргән Тәңре, ил төзөргә ярдәм иткән Тәңре, төрки халыкның исеме, көче юк булмасын дип, ул Тәңре үземне
- (26) каган итеп күгәрде. Бай халык белән идарә итәргә утырмадым. Карыны ач, тыштан шәрә (киемсез) мескен һәм түбәнсетелгән халыкка каган булдым. Энем Күлтәгин белән кинәштек. Әтибез, туганыбыз казанган халык исеме, көче юк булмасын
- (27) дип, төрки халык өчен төнен йокламадым, көндөз утырмадым, үземнең энем Күлтәгин һәм ике шад белән бергә хәлдән таеп, илне торгыздым. Илне яулаганда, янымда яшәүче халыкларга ут-су кылмадым (начарлык) тидермәдем. Үзем каган булып идарә итә башлагач, жир саен
- (28) йөргән халык, хәлдән таеп, ялан-аяк жәяүләп янә кайттылар. Халыкның хәлен яхшыртым дип, сулга, төньякта, угыз халкына каршы; алда, көнчыгышка, кытан, татабы халкына каршы; уңга, көньякка, табгачка каршы зур гаскәр белән уника тапкыр сугыштык.
- (29) Аннан соң, Тәңре ярлыкаганы өчен, бәхетем булганга, өлешем бар өчен, үләсе халыкны тормышка кайтардым, күтәрдем. Ялангач халыкны киёмле, ярлы халыкны бай кылдым. Аз халыкны күп кылдым. Ышанычлы илләгә (дәүләтләгә), ышанычлы каганнарга изгелек кылдым, дүрт ягымдагы
- (30) халыкларның сугышын туктаттым, миңа күп халык кушылды. Шулай акылын, көчен биреп, миңа илне, идарәне торгызырга булышкан энем Күлтәгин үлде. Атам – каган үлгәндә, энем Күлтәгин жиде яшендә калды. Ун яшьтә
- (31) Умай¹ шикелле әнием – катун бәхетенә энем Күлтәгин ир² исемен алды. Уналты яшенә абыем-каган илен, идарәсен ныгыту өчен Күлтәгин шуларны эшләде: Алты чуб³, сәгъдиләргә каршы сугышты – жиңдек. Табгачның Оңтотык⁴ биш мең гаскәр белән килде – сугыштык.
- (32) Күлтәгин жәяүле көрәштә һөжүмгә ташланды. Оңтутукны, йорчынны⁵ кораллы килеш үз куллары белән эләктереп алды һәм аларны

¹ Умай – төркиләренң хатын-кыз алиһәсе

² ир-ат – батыр сугышчы исеме

³ Алты чуб – халык исеме

⁴ Оңтотык – кытайларның хәрби чины

⁵ йорчын – гаскәр башлыгын

кораллары белән каган алдына китереп бастырды. Гаскәрләрен жиңдек. Егерме бер яшендә Чача сәнүн¹ белән сугыштык. [Күлтәгин] Тадыкын-Чурың кушаматлы бүз атка менеп, иң беренчеләрдән булып көрәшкә ташланды. Ул ат анда

- (33) үлде. Икенче тапкыр Ишбара Ямтар²ның бүз атына менеп, көрәшкә ташланды. Ул ат анда үлде. Өченче мәртәбә Ягин Силик³ бәкнең иярләнгән туры атына менеп сугышка ташланды, ул ат анда үлде. Көбә күлмәгенә йөздән артык ук аттылар, әмма гаскәр башына бер ук тимәде.
- (34) Аның ничек сугышуын, төрки бәкләр, яхшы беләсез. Ул гаскәрләрне анда юк иттек. Шуннан соң йир Байырку⁴дан Олуг Иркин⁵ дошман булды. Кире кайтып, Түрги Йаргун⁶ күл буенда жиңдек. Улуг Иркин аз калган гаскәре белән качып китте. Күлтәгин егерме алты
- (35) яшендә кыргызларга каршы сугыштык. Сөңге батымы карны ерып, Көгмән ешлыгына күтәрелдек. Кыргыз халкын йокыда чагында басып алдык. Аның каганы белән Сүңә⁷ ешлыгында сугыштык. Күлтәгин Баеркан кушаматлы ак айгырга
- (36) менеп, һөжүмгә ташланды. Бер сугышчыга ук атты, ике сугышчыга бәрелештә пычак кадады. Бу бәрелештә Байырканның, ак айгырның, бот сөяге сынды. Кыргыз каганын үтердек, илен алдык. Ул елны түргишләргә каршы Алтун ешлыгына
- (37) күтәрелдек. Әртиш⁸ елгасын кичеп, түргиш халкын йоклаганда басып алдык. Түргиш каган гаскәре Болчуда⁹ уттай, бурандай килде, сугыштык. Күлтәгин Бошгу кушаматлы атка атланып сугышты...
- (38) ... икесен үзе алдырды. Яңадан яуга ташланды, түргиш каган боерыкын, тутук азларны кулга алды, каганын анда үтердек, илен яулап алдык. Кара түргиш будун¹⁰ төркиләргә кушылды, ул халыкны Табар¹¹ жиренә урнаштырдык. Йәнә киттек
- (39) Сәгъди халкын торгызык дип. Йинчү¹² дингезен кичеп, Тимер Капыгка кадәр яу белән бардык. Аннан соң түргишләрнең гади халкы

¹ Чача сәнүн – 706 елда төркиләргә каршы сугышкан Кытай армиясенең башлыгы

² Ышбара Ямтар – кеше исеме

³ Ягин Силик – кеше исеме

⁴ Йир Байырку – географик атама

⁵ Олуг Иркин – төркиләргә каршы сугышкан гаскәр башлыгы исеме

⁶ Түрги Яргун – күл исеме

⁷ Сүңә ешлыгы – тау үзәге атамасы

⁸ Әртиш үгүз – Иртыш елгасы

⁹ Болча – урын атамасы

¹⁰ кара түргиш будун – түргишнең гади халкы

¹¹ Табар – географик атама

¹² Йинчү – Сырдарья дингезе

- үзләрәнә дошман булган Кәңәрәскә¹ каршы сугыш башлаган. Безнен гаскәрнең атлары ябык, азыгы юк иде. Дошман сугышчыларның
- (40) көчлө гаскәре безгә һөжүм итте. Бу вакытта без үкенеп, аз санлы сугышчылар белән Күлтәгинне аларга каршы жибәрдек. Зур сугыш булган. Күлтәгин батыр Шалчының атына атланып, сугышка ташланган. Бик күп түргиш халкын үтергән, әсир иткән. Йәнә кайтып
- (41) ... Кушу тутук² белән сугышты, күп сугышчыларын үтерде, барча байлыгын калдырмыйча, үзебезгә кайтарды. Күлтәгин егерме жиде яшендә, көчлө, ирекле яшәгән карлук халкы безгә дошман булды. Тамаг атлы тау башында сугыштык.
- (42) Күлтәгин ул сугышта утыз яшендә иде. Батыр Шалчының ак атына менеп, һөжүмгә ташланды. Ике сугышчыны бер-бер артлы чәнечте. Карлукларны үтердек, яулап алдык. Аз³ халкы да дошман булды. Кара күлдә сугыштык. Күлтәгин утыз бер яшендә иде. Алып (батыр) Шалчының атына менеп
- (43) көрәшкә ташланды. Аз халкының әлтабарын⁴ тотты, аз халкы шунда юк ителде. Абыем – каган илендә буталыш башланды, ил халкында үзара көнчелек барлыкка килде. Бу вакытларда изгил⁵ халкы белән сугыштык. Күлтәгин алып Шалчы атына менеп
- (44) һөжүмгә ташланды, ат егылды. Изгил халкын жиндек. Тугыз-угыз халкы үз халкым иде. Күкләр-жирләр болганды, үз халкым дошманга әверелде. Алар белән бер елда биш тапкыр сугыштык. Иң элек Тогу балыкта⁶ сугыштык.
- (45) Күлтәгин Азман кушаматлы ак атка атланып, һөжүмгә ташланды, алты сугышчыны кадап үтерде, гаскәрләр бәрелешендә жиденче сугышчыны кылычлады. Икенчесендә Кушлагакта⁷ әдизләр⁸ белән сугыштык. Күлтәгин азларның көрән атына менеп, һөжүмгә ташланды, бер сугышчыны чәнечте,
- (46) тугыз сугышчыны урап алып үтерделәр. Әдиз халкы анда үлеп бетте. Өченчесендә Болчунда угызлар белән сугыштык. Күлтәгин Азман кушаматлы атына менеп, һөжүм итте, чәнечеде. Гаскәрен туракладык, илен алдык. Дүртенче Чуш⁹ башында сугыштык.

¹ Кәңәрәс – Сырдарья буйларында яшәүче төрки кабилә

² Кушу тутук – хәрби житәкче исеме

³ Аз – халык исеме

⁴ әлтабар – аз халкында югары хәрби чин

⁵ изгил – төрки кабилә атамасы (болгарларның бер тармагы дигән караш бар)

⁶ Тогу балык – Тогу шәһәре

⁷ Кушлагак – географик атама

⁸ әдиз – угыз төркеменә керүче кабилә исеме (чынлыкта бу уйгурларның бер кабиләсе – ред.)

⁹ Чуш – географик атама

- (47) Төрки халыкның аяклары камашты, хәлләре начарланды. Күлтәгин үзләрен куып килгән гаскәрне тузгытты. Тонра кабиләсенен ун батыр сугышчысын, Тона тәгинне күмгәндә, урап алып үтердек. Бишенче тапкыр угызлар белән Әзгәнти Кадаз жирендә сугыштык. Күлтәгин
- (48) азларның көрән атына менеп, һөжүмгә ташланды, ике сугышчыны кадап үтерде, шәһәргә бармады. Гаскәр анда һәлак булды. Магы курганда кышлап, язын угызларга каршы зур гаскәр белән чыктык. Күлтәгинне кире өйгә кайтарып жибәрдек, чөнки дошман угызлар урдабызны басып алганнар иде. Күлтәгин
- (49) Өгсиз¹ атка менеп сугышты, тугыз ирне үтерде, урдабызны бирмәде. Минем энием – катун, барлык эниләрем, апаларым, киленнәребез, күнчуйларым², барыгыз да исән булсагыз да кол булып идегез. Үлсәгез – гәүдәләрегез илдә, йортта, юлда чәчелеп ятачак иде.
- (50) Күлтәгин булмаса, күпләп үлчәк идегез. Энем Күлтәгин үлдә. Үзем хәсрәткә чумдым: күрер күзем күрмәс булды, белер-белегем белмәстәй булды, үзем сагышлы булдым. Кеше уллары яши, үл – вакытны Тәңре билгели.
- (51) Үзем шулай уйладым. Ө күземнән яшь акты, күңел сызланды, кайта-кайта өзгәлендем, тирән хәсрәткә чумдым. Ике шадым, абыйларым, энеләрем, балаларым, бәкләрем, халкым күз яшенә күмеләчәк, хәлләре авыр булачак дип уйладым. Елаучы, сыктаучылар (кайгы уртаклашучылар) кытан, татабы халкы Удар Сәнүн житәкчелегендә килде.
- (52) Табгач каганлыгыннан Исыи Ликән килде: бер мең алтын, көмеш, байлык – хисапсыз бүләкләр бирде. Тибет каганлыгыннан бөлөн³ килде. Көнбатыштан согд, бәрчәкәр⁴, букарак⁵ улусы халыклары килде. Нән сәнүн, угыл таркан⁶ килделәр.
- (53) Ун ук халкы, улым Түргүш каганы исемнән Макрач тамгачы, Үгез Билгә тамгачы килделәр. Кыргыз каганлыгыннан Ынанчу Чур тардуш килде. Төрбә төзүчеләр, осталар, бизәк төшерүчеләр, ташка уеп язучылар – барысын табгач каганы Чән Сәнүн алып килде.

Күлтәгин куй елының унжиденче көнөндә үлдә. Тугызынчы айның егерме жидесе көнне аны жирләдек. Кабере өстендәгә гөмбәзен, сыннарны, уеп язылган ташын Маймыл елының жиденче аенда егерме жиденче

¹ Өгсиз – акылсыз

² күнчуй – ханәкә

³ бөлөн – титул

⁴ бәрчәкәр – фарсы халкы

⁵ Букарак – Бохара

⁶ Нән сәнүн угыл таркан – хәрби чин

елында урнаштырып бетердек. Күлтәгин кырык жиде яшендә үлдә. Бу кадәр күп осталарны тойгун һәм әлтабарлар китертте.

Төньяук истаһе

- (1) Билгә Төньяук мин үзем Табгач илендә кылындым (зирәк Төньяук булып мин Кытай илендә өлгереп життем). Төрки халкы Табгачка керә иде.
- (2) Ханы булмаган төрки халык Табгачтан аерылды – ханланды. Ханын ташлап, Табгачка яңадан буйсынды. Тәңре шулай әйткән: хан бирдем
- (3) ханыңны калдырып, яңадан Табгачка буйсындың. Баш игәнәң өчен Тәңре сине каргады – үтерде. Күп төрки халык үлдә, көчсезләнде, юк булды. Төрки сир¹ жирендә
- (4) тормыш калмады. Агачлыктарда, таш-тауларда качып калганнар жыелып, барысы жиде йөз булды. Ике өлешә атлы иде, бер өлешә – жәяүлә. Жиде йөз кешенә
- (5) оештырып алып барган улугы² шад³ иде. «Кушылыгыз», – диде. Аларга кушылган мин идем, билгә Төньяук. «Аны каган итәргәме?» – дидем эчемнән. Үзем уйландым: «Ә ул артындагы ябык үгезне, симез үгезне
- (6) монысы симез үгез, монысы ябык үгез дип төгәл аера белмәс», – дидем. Шулай фикерләдем. Соңыннан Тәңре үземә акыл биргән өчен үзем аны хан булырга кыстадым. «Билгә Төньяук – бәйлә бага таркан⁴
- (7) белән бергә мин каган булайым», – дип фикер йөртте Илтериш. Уңда, көньякта – Табгачны; алда, көнчыгышта – Кытанны, төньякта – угызларны – бик күп халыкларны үтертте. Аның зирәк житәкчелегендә ишә, ярдәмчәсе мин булдым, аның данын да без бергә бүлештек. Яшәү урыны итеп Чугай Кузын, Кара комны⁵ сайладык.
- (8) Киек-жанвар ашап, куян белән тукланып яшәр идек. Халык бугазы (тамагы) тук иде. Тирә-ягыбыздагы дошман ерткыч кошка тиң иде. Без алар өчен үлөксә идек. Шулай яшәгәндә, угызлардан көрүг⁶ килде.
- (9) Көрүг сүзә түбәндәгечә иде: «Тугыз угыз халкы каганлы булды дип сөйләләр. Табгач иленә Куны Сәңүнне илчә итеп жиберделәр, Кытанга Тоңра Сәмиг китте. Аларның сүзләре шундый иде: төркиләрдә аз санлы

¹ төрки сир – төрки кабиләсе, кыпчаклар

² улугу – башлык

³ шад – хәрби титул

⁴ бәйлә бага таркан – Төньяукның титулы

⁵ Чугай Кузы, Кара ком – географик атамалар

⁶ көрүг – күзәтче, шпион

- (10) булып яши иделэр. Хэзер аларның каганы бик көчле, айгучысы¹ бик белемле икэн. Ул ике кеше булганда, сине, Табгачны үтерэчэк, дип эйтэлэр. Аннан соң Кытаннарны үтерэчэк, дип эйтэлэр. Без, угызларны
- (11) шулай ук үтерэчэклэр, дип эйтэм. Табгачлар, уң яктан һөжүм итегез. Кытан – көнчыгыштан, мин – төньяктан һөжүм итик. Төрки сир жирендә хужа булмасын. Көчөбез житкәнчә, хужаларны юк итик дип эйтәм».
- (12) Бу сүзне ишетеп, төн йокым качты, көндөз тыныч утыра алмадым. Аннан соң каганымнан үтендем, шулай үтендем: «Табгач, Угыз, Кытан – бу өчәү камап алса,
- (13) без бер үзебез калачакбыз. Нечкәне бергә туплау жиңел, нечкәне аерым өзгэләү – шулай ук жиңел, эгәр нечкәне бергә туплап, калын ясый алса, ул батырга әйләнә. Нечкә
- (14) Калын, юан булса, аны өзгэләү бик авыр (берләшсэләр, жиңэргә авыр булчак). Алда, көнчыгышка – Кытанга; уңда, көньякка – Табгачка, сулда – төньякка – Угызга, Көнбатышка – Куранга өч мең гаскәребез белән беренче үзебез яу белән барыйк. Шулай була аламы?» Шулай итеп үтендем.
- (15) Каганым минем, билгә Төньякукның, үтенечен тыңлады. «Жаның телэгәнчә, гаскәр белән чыгыйк», – диде. Көк Өңүн² елгасын кичеп чыгып, Өтүкән ешлыгына юл тоттык. Сыерлар, йөк төягән дөяләр белән угыз гаскәре килде.
- (16) Сугышчылары өч мең иде. Без ике мең идек. Сугыштык. Тәңре ярлыкаганы өчен жиңдек. Юлда шулай ук күп үлделэр. Шулай итеп, угызлар жиңелде.
- (17) Төрки халыкны Өтүкән жиренә алып килдем. Мин үзем билгә Төньякукның Өтүкән жирен яшәү урыны итеп сайлаганымны ишетеп, көньякта, төньякта, көнчыгышта, көнбатышта яшәүче халыклар күченеп килде.
- (18) Ике мең идек, ике гаскәребез бар иде. Төрки халкы яшэгәндә, Төрки каганы булганда, әле Шантуң³ шәһаренә, диңгезгә кадәр житкәнебез юк иде. Каганымнан үтенеп, шуларны сөйләдем.
- (19) Шантуң шәһаренә, диңгезгә барып життек. Егерме өч шәһэрләрэн яулап алдык. Усын-Бунтату⁴ йортында яшәү урыны таптык. Табгач каган дошманыбыз иде. Ун ук каганы дошманыбыз иде.

¹ айгучы – киңәшче – советник

² Көк Өңүн – елга атамасы

³ Шантуң – Кытайдагы территория

⁴ Усын-Бунтату – Кытай белән чиктәш территория. Бөөк Кытай стенасыннан сулга урнашкан. Хуанхэ елгасы тирәсендә.

- (20) Көчле кыргыз каганы безгә иң каршы дошманнардан иде. Өч каган киңәштеләр. Алтун ешлыгын камап алыйк, дип. Шундый фикергә килделәр, алдан төрки каганлыгын яулап алыйк, диделәр. Үзебез яулап алмасак, ул вакыт безгә начар булачак, ул безне...
- (21) Каганы алып икән, киңәшчесе белемле, зирәк икән, әгәр шулай икән, алар безне, мөгаен, үтерәчәкләр. Өчебез камап алып сугышыйк, аны юкка чыгарыйк, бетерик, диделәр. Түргәши каган: «Анда минем халкым булачак», – дип әйткән.
- (22) Төрки халыклар үзара булганышкан, тыныч түгел чагы, угызы тагын таркау, дип әйткән. Бу сүзне ишетеп, төн йокым килмәс иде, көндөз утырып тора алмас идем. Анда уйландым.
- (23) ... сугышыйк, – дидем. Көгмәнгә юл бер генә, аны кар баскан, диделәр. Бу юлдан йөрү мөмкин булмас, дидем, йирче¹ теләдем. Аз халкыннан таптым.
- (24) «Үзем аз жиреннән. Аны яхшы беләм. Бер тукталыш бар. Ан елгасы буйлап барсак, тукталышка житеп була, атлылар бара алачак», – диде. Ул юлдан китсәк, узарга мөмкин дип уйландым. Каганымнан үтендем:
- (25) «Гаскәр йөретик, атларга атланыйк», – дидем. Ак Тәрмәл елгасын кичеп, шунда туктадык. Үзем атка атланып, кар ерып, югарыга күтәрелдем. Аттан төшөп, агачларга тотынып жәяүләп бардык. Алдагы кешеләр
- (26) карны таптап, тауга күтәрелдек, агачлар түшәп, таудан авырлык белән төштөк, ун төн тау янтыгыннан бардык. Йирче, юл күрсәтүче, юлны югалтты, аның өчен кадап үтерелде. Зур авырлыктар кичердек. Каган: «Тизрәк, жилдереп кит», – диде.
- (27) Аны елгасы суы буйлап түбән төшөп киттек. Санау өчен гаскәрне атлардан төшердек, атларын агачка бәйләдек. Көн буге, төн буге атларда жилдердек. Кыргызларны йокыда килеш басып алдык.
- (28) Сөңгеләр белән үзебезгә юл ачтык. Ханы, гаскәре безне уратып алды. Сугыштык, сөңгеләр кадаштык. Ханын үтердек. Кыргыз халкы каганга буйсынды, тез чүкте. Көгмән ешлыгы аша кире кайтып киттек.
- (29) Кыргызлардан кайттык. Түргәш каганнан көрүг² килде. Аның сүзе мондый: «Алдан үзебез каганга каршы сугыш башлыйк. Әгәр аларга каршы чыкмаса, аларның каганы алып, айгучысы³ белемле, ул чакта бик мөмкин,

¹ йирче – шул якларны яхшы белгән юл күрсәтүче

² көрүг – дошман тылын күзәтүче

³ айгучысы – киңәшчесе

- (30) алар безне жиңәчәк», – диде. – Түргәшләр хәзер юлда, ун ук халкы юлда, гаскәр белән, дип әйтте. Табгач гаскәре эзер», – дип әйтте. Ул сүзләргә ишетеп, каганым: «Мин әйләнәп өйгә кайтыйм, – диде, –
- (31) Хатыным үлгән, аны йоклатайын¹, – диде. – Сөз гаскәр белән барыгыз, Алтын ешта урнашыгыз, – диде. – Сүз башы² булып Инәл каган³, тардуш шад барсыннар», – диде. Миңа, билгә Төньякукка, әйтте:
- (32) «Бу гаскәргә алып бар, – диде. – Авырлыктар булганда жаның кушканча эшлә, сиңа тагын саклан дип әйтәм. Сугышчылар килеп кушылса, гаскәргә саны артыр. Килмәсәләр, сүзләр, хәбәрләргә яхшылап өйрәнәгез», – диде. Алтун ешлыгында урнаштык.
- (33) Өч көрү⁴ килде, сүзләргә бер: каганы гаскәр белән яуга китте, ун ук гаскәргә дә барысы яуга китте. Алар өчсә Ярыш⁵ даласында бергә тупланачак». Бу сүзләргә ишеткәч, каганым хәбәргә житкәзәргә кеше жиңәрдәм. «Безгә нишләргә?». Сүзгә әйләнәп
- (34) килде: «Урыныгызда калыгыз! – диелгән. – Ашыкмагыз, каравылны ныгытыгыз, үзегезне көтмәстән басып алудан саклагыз», – диелгән. Бөгә каган⁶ аркылы шуларны житкәргән иде. Апа – тарканга миннән яшерен сүз жиңәргән: «Билгә Төньякук акыллы булса да, бик хәйләкәр, – дигән, –
- (35) Яу белән чыгык дисә, киңәшләргә тотарга ашыкма», – дигән. Бу сүзләргә белгәннән соң, гаскәргә белән яуга китте. Алтун ешлыгын юлсыз уза алдым. Иртыш алгасын да күперсез кичә алдык, төн буга бардык, таң беләнгәндә Болчуга житте.
- (36) «Тел» тотып кайттылар. Сүзгә шул булды: «Ярыш даласында ун мең гаскәр жыелды», – диде. Ул сүзгә ишетеп, бәкләр барысы:
- (37) «Кайтык! Яхшыларга ояты кыйммәт, ә жиңелү – зур оят!» – диделәр. Мин болай дидем: «Мин билгә Төньякук! Алтун ешлыгын узып килә алдык, Иртыш елгасын
- (38) кичеп чыга алдык. Килгәннәр – барысы батырлар! – дидем. – Безнең монда икәнлекне дошман белми. Тәңре, Умай, изге жир-су – барысы безне саклай, безгә жиңү бирә, нигә качарга?
- (39) Алар күп дип нигә куркырга, без аз дип курыкмыйк. Нигә безгә жиңеләргә? Аларга һөжүм итик», – дидем. Яуга ташландык, дошманны таркаттык. Икенче көн тупланып тагы килделәр.

¹ йоклатайын – кабергә күмү

² сүз башы – гаскәр башлыгы

³ Инәл каган – капаган каганның улы (716 елда үлгән)

⁴ тордуш шад – каган ярдәмчесе

⁵ Ярыш – Жидесу өлкәсе

⁶ Бөгә каган – Капаган каганның олы улы (716 елда үлгән)

- (40) уттай кызып килделэр. Сугыштык. Алар бездэн ике канатка күбрэк иде. Тэнре ярлыкаганы өчен алар күп дип
- (41) курыкмадык, сугыштык. Тардуш шад та безнең арада сугышты. Дошман гаскәрен таркаттык, каганын тоттык. Ябгусын¹, шадын
- (42) шунда үтердек. Иллеләп сугышчыларын кулга алдык. Шул ук төнне халыклар саен илчеләр жибәрдек. Ул сүзләрне ишетеп, ун ук бәкләре күпләп
- (43) килделәр, буйсындылар. Килгән бәкләр халкын урнаштырдым, халыкның бер өлеше аерылып китте. Ун ук гаскәре белән сугышка чыктык.
- (44) Без тагын сугыша башладык, дошманнарны кудык, Йәнчү дингезен кичтек. Тинәси² улы яши торган Бәнгигәк³ тавын...
- (45) Тимер Капыгка кадәр яу белән життек. Аларны борылырга мәжбүр иттек. Гарәпләрнең һәм тохарларның каганы Инәл...
- (46) Анда сәгъди башлыгы Сук житәкчелегендә күп халык килде. Ул көн-нәрдә төрки халкы Тимер Капыгка кадәр житте.
- (47) Тинәси углы яшәгән тауга барып життек, хужасы юк иде. Ул жиргә мин, билгә Төньякук килгәнем өчен
- (48) сары алтын, ак көмеш, хатын-кызлар, кыйммәтле ат япмалары, хисапсыз башка байлыklar китерде. Илтериш каган белемемне, көчемне үзенә иш итеп,
- (49) табгачлар белән унжиде тапкыр сугышты, Кытанга каршы жиде, угузларга каршы жиде тапкыр сугышты. Ул сугышларда мин аның киңәшчесе,
- (50) шулай ук гаскәр башы идем. Илтериш каганга, төрки Бөгү каганга, төрки билгә...
- (51) Капаган каганга [хезмәт иттем]. Төн йокламыйча
- (52) көндез утырмыйча, кызыл каным түгеп, кара тиремне йөгертеп, акылымны – көчемне бирдем. Шулай ук ерак яуларга йөрдем.
- (53) Мин Аркуйда сакны көчәйттем. Буйсындырылган дошманнарны алып кайта идек, минем каганым белән яуларга йөрдек. Тәнрем йарлыкасын!
- (54) Төрки халык өстенә коралланган гаскәр йөрттертмәдем, ияrlәнгән атлы гаскәр китертмәдем. Илтериш каган, каганлыкны ныгытмаса,
- (55) аңа ияреп мин үзем каганлыкны ныгытмасам, илем дә, халкым да юкка чыгачак иде. Казануым, тырышлыгым аркасында, ияртә алуым аркасында ирешелгәннәрем, казанган уңышларым өчен

¹ ябгу – хәрби чин

² Тинәси – кытайчадан тәржемә: «Күк улы» – кытай императорының титулы

³ Бәнгигәк – сәгъдиләрнең резиденциясе

- (56) илебез көчле ил булды, халкым көчле халык булды. Үзем картайдым, дәрәжәле булдым. Әгәр берәр жирдәге каганлы халыкның
- (57) ахмак [идарәчеләре] булса, нинди борчуларга дучар булырлар иде.
- (58) Мин үзем, билгә Төһьюкук, Төрки билгә каган иле халкына яздырттым:
- (59) Илтериш каган каганлыкны үз кулына алмаса, юк булса: мин үзем, билгә Төһьюкук, каганлыкка көч салмасам, юк булсам,
- (60) Капаган каган, Төрөк сир халык жирендә тормыш, халык, кеше һәм шулай ук хужа булмас иде.
- (61) Илтериш каган һәм билгә Төһьюкук казанышлары, тырышлыклары өчен Төрки сир халкы исән калды.
- (62) Төрки билгә каган Төрки сир халкын, угыз халкын күтәрде.

*Перевод текстов с древнетюркского на татарский язык
Фанузы Нуриевой*

Памятник честь Кюль-тегина

Малая надпись

- (1) «Небоподобный, неборожденный (собств. «на небе» или «из неба возникший») тюркский каган», я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мною мои младшие родичи и молодежь (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шад и апа, (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказные, (вы) тридцать...
- (2) (вы) начальники и народ «девяти огузов», эту речь мою хорошенько слушайте и крепко (ей) внимайте! Впереди, к солнечному восходу, справа, (в стране) полуденной, назади, к солнечному закату, слева, (в стране) полноточной, – (повсюду) там (т.е. в этих пределах) живущие (букв. находящиеся внутри) народы – все мне подвластны; столь много народов я
- (3) всех устроил. Если в Отюкэнской черни сидит (на престоле) тот тюркский каган, у которого нет теперешней порчи, то (естественно, что) в племенном союзе (тюрков) нет (т.е. не ощущается) (ни в чем) стеснения. Вперед (т.е. на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря; направо (т.е. на юг) я прошел с войском вплоть до «девяти эрсенов», немного не дошел до Тибета; назад (т.е. на запад), переправясь через реку Йенчу (Жемчужную), я прошел с войском вплоть до
- (4) Темир-капыга (Железных ворот), налево (т.е. на север) я прошел с войском вплоть до страны Йир-Байырку, – вплоть до столь (многих) стран я водил (свои войска). (Во время этих походов) в Отюкэнской черни не было хорошего (т.е. настоящего) владыки, но Отюкэнская чернь была (именно) странаю, в которой (можно было) созидать племенной союз. В этой (то) стране, засев (т.е. основавшись), я связал свою жизнь (и жизнь народа) с народом табгач.
- (5) У народа табгач, дающего (нам теперь) без ограничения столько золота, серебра, спирта (или: зерна) и шелка, (всегда) была речь сладкая, а драгоценности «мягкие» (т.е. роскошные, изнеживающие); прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь (т.е. весьма) сильно привлекали к себе далеко (жившие) народы. (Те же) поселясь вплотную, затем усваивали себе там дурное мудрование.
- (6) Хороших и мудрых людей, благородных героев народ табгач и их сторонники не (могли) сдвинуть (с истинного пути). Но если (отдельные лица) из тюрков (и соблазнялись), то целые роды (даже) до свойственников (до брачного родства) не отклонялись. Дав себя

- прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве. Тюркский народ, когда часть твоя говорила: я желаю селиться не только справа (т.е. на юге) в Чугайской черни,
- (7) но и в Тюнской (?) равнине, то тогда там злобные люди так научали часть тюркского народа, говоря: «Кто живет далеко, (тому табгач) дают плохие дары, кто живет близко, (тому) дают хорошие дары», этими словами он так (сильно) научал тебя. И (вот) вы, люди, не обладавшие (истинной) мудростью, послушавшись речи и подойдя вплотную, погибли (там) в большом количестве.
- (8) (Итак), о тюркский народ, когда ты идешь в ту страну, ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Отюкэнской стране, (лишь) посылаешь караваны (за подарками, т.е. за данью), у тебя совсем нет горя, когда ты остаешься в Отюкэнской черни, ты можешь жить, созидавая свой вечный племенной союз, и ты, тюркский народ, сыт, когда же ты тощ и голоден (но тем не менее) ты не понимаешь (состояния) сытости (т.е. истинных причин сытости) и, раз насытившись, ты не понимаешь (состояния) голода. Вследствие того, что ты таков (т.е. нерасчетлив, недальновиден),
- (9) ты, не принимая (т.е. не слушаясь) поднявшего (тебя) ни твоего хана, ни слова его, (стал) бродить по всем странам и там совершенно изнемог и изнурился (т.е. большая часть твоя погибла); вы же, оставшиеся тогда (живыми), по всем странам скитались в совершенно жалком положении (букв. то живя, то умирая). По милости неба и потому что у меня самого было счастье, я сел (на царство) каганом. Став каганом,
- (10) я вполне поднял (собрал?) погибший, неимуший народ, неимуший народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным. Разве есть какая-либо неправда (фальшь) в этой моей речи?! О тюркские начальники и народ, слушайте это! Я вырезал здесь (т.е. на этом камне), как вы (о начальники и народ), собрав тюркский народ, созидали (свой) племенной союз, как вы, погрешая, делились, я все
- (11) здесь вырезал. Все, что я (имел) сказать, я вырезал на вечном камне (т.е. памятнике). Смотря на него, знайте (т.е. учитесь) вы, тюркские теперешние начальники и народ! Покорные престолу начальники (букв. смотрящие на престол), вы, ведь, склонны впасть в ошибку?! (т.е. изменять, не слушаться и т.п.). Я вечный камень... от императора народа табгач привел мастеров и поручил (им) выполнить резьбу. Они не изломали (т.е. не исказили) моей речи, (ибо)

- (12) Табгач прислал мне «внутренних» мастеров своего императора. Им я поручил устроить особое (специальное) здание, внутри и снаружи я велел покрыть (стены) особой (специальной) резьбой и воздвигнуть камень; сердечную речь мою... вы до сыновей «десяти стрел» и до припущенников (татов) включительно (все вы) знайте, смотря на него (т.е. на памятник). Памятник
- (13) я поставил... если до настоящего времени он есть в месте дорожной остановки, то на (этом) месте дорожной остановки (именно) я и воздвиг (этот памятник), (знайте) сделал (на нем) надпись! Смотря на него, так знайте: тот камень я... Эту надпись писавший (есть) внук его Йолыг-Т(егин)».

Большая надпись

- (1) «Когда было сотворено (или возникло) вверх голубое небо (и) внизу темная (букв. бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (или возникли) сыны человеческие (т.е. люди). Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев (на царство), они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа.
- (2) Четыре угла (т.е. народы, жившие вокруг по всем четырем странам света) все были (им) врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам, и принудили их всех к миру. Имеющих головы они заставили склонить (головы), имеющих колени они заставили преклонить колени. Вперед (т.е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т.е. на запад) вплоть до Темир-капыга (до «Железных ворот») они расселили (свой народ). Между (этими) двумя (границами) они так
- (3) обитали (восседали), устраивая «голубых» тюрок, которые были (тогда) без господина и без родовых представителей. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их «приказные» были мудры, были мужественны, и их правители и народ были прямы (т.е. верны кагану). Поэтому-то они столь (долго) держали (в своей власти) племенной союз и, держа его (в своей власти), творили суд. (Затем)
- (4) они скончались. (В качестве) плачущих и стонущих (т.е. для выражения соболезнавания) (пришли) спереди, из (страны) солнечного восхода, народ степи Бёклийской, (а также) табгач, тибетцы, авары и Рим, киргизы, уч-курыканы, отуз-татары, кытай и татабыйцы, столько народов придя, стонали и плакали: столь знаменитые каганы были они. После них стали каганами

- (5) младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами. После того, так как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели (на царство), надо думать, неразумные каганы, надо думать, сели (на царство) трусливые каганы, и их «приказные» были также неразумны, были трусливы.
- (6) Вследствие «непрямоты» (т.е. неверности кагану) правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих (?), (а также) вследствие того, что они (табгач) ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей, – тюркский народ привел в расстройство свой (до того времени) существовавший племенной союз
- (7) и навлек гибель на царствовавшего над ним (до того времени) кагана; народу табгач стали они (тюрки) рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством. Тюркские правители сложили (с себя) свои тюркские имена (т.е. звания и титулы) и, приняв титулы правителей народа табгач, подчинились кагану народа табгач.
- (8) Пятьдесят лет отдавали они (ему свои) труды и силы. Вперед, (в страну) солнечного восхода, они ходили войною вплоть до Бёкли-кагана, назад (т.е. на запад) они ходили войною вплоть до Темир-капыга и отдали кагану народа табгач свой племенной союз и власть (над собою). (Но затем) вся масса тюркского
- (9) народа сказала так: «Я была народом, составлявшим племенной союз, где теперь мой племенной союз? Для кого я добываю (т.е. завоёвываю) (другие) племенные союзы?» – (так) они говорили. «Я была народом, имевшим (своего собственного) кагана, где мой каган? Какому кагану отдаю я (мои) труды и силы?» – (так) они говорили, и, так говоря, стали врагом кагана народа табгач.
- (10) Став врагом и не будучи в состоянии (что-либо) сделать для себя и создать, он (тюркский народ) опять подчинился государству Табгач. При этих обстоятельствах, не думая отдавать государству Табгач свои труды и силы, тюркский народ говорил: лучше погубим (сами себя) и искореним. И они начали идти к гибели. (Но) вверх Небо тюрков и священная Земля и
- (11) Вода тюрков (т.е. Родина) так сказали: «да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет», – так говорили. Небо, руководя со своих (небесных) высот отцом моим Ильтеришем-каганом и

- матерью моей, Ильбильгя-катун, возвысило их (над народом). Мой отец-каган выступил (сначала) с семнадцатью мужами.
- (12) Услышав весть о том, что он бродит вне (т.е. за пределами тогдашнего местожительства тюрок), жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились, и, собравшись, составили (отряд в) семьдесят мужей. Так как Небо даровало (им) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам. Вперед (т.е. на восток), назад (т.е. на запад) двигаясь с войском, он собирал и поднимал (т.е. снабжал средствами восстававших), так что всех их
- (13) стало (уже) семьсот мужей. Когда (их) стало семьсот мужей, то он привел в порядок и обучил народ, утративший свой «эль» (т.е. свое независимое государственное устройство) и своего кагана, народ, сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами (у табгачей), упразднивший (свои) тюркские установления, (этот-то народ) он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков, тогда же он дал устройство народам тѣлис и тардуш
- (14) и назначил тогда ябгу и шада. Справа (т.е. на юге) народ табгач был (ему) врагом, слева (т.е. на севере) народ токуз-огузов (под начальством) Баз-кагана был (ему) врагом, киргизы, курыканы, «тридцать татар», кытай и татабы все были (ему) врагами; мой отец-каган столько...
- (15) сорок семь раз он ходил с войском (в поход) и дал двадцать сражений. По милости Неба он отнял племенные союзы у имевших племенные союзы (т.е. у враждебных ему ханов) и отнял каганов у имевших (своих) каганов (т.е. у враждебных ему народов, элей), врагов он принудил к миру, имевших колени, он заставил преклонить колени, а имевших головы заставил, склонить (головы). Мой отец-каган...
- (16) власть (свою) приобретя, улетел (т.е. умер). В честь моего отца-кагана во главе (вереницы могильных камней) поставили «балбалом» (изображение) Баз-кагана, а на то (т.е. Ильтеришево) царство (букв. над тою властью) сел мой дядя-каган. Мой дядя-каган, сев (на царство), опять устроил и поднял тюркский народ (т.е. поднял его благосостояние, значение), неимущих он сделал богатыми, немногочисленных он сделал многочисленными.
- (17) Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я сам был шадом над народом тардуш. С моим дядею-каганом мы ходили войною вперед (т.е. на восток) вплоть до Шантунгской равнины, (орошаемой) Яшиль-угюзом, назад (т.е. на запад) мы ходили войною вплоть до Темир-капыга, перейдя через Кёгменскую (чернь), мы ходили войною вплоть до страны ки(ргизов).

- (18) Всего мы ходили в поход двадцать пять раз, дали тринадцать сражений, отняли племенные союзы у имевших племенные союзы и отняли каганов у имевших (во главе у себя своих) каганов, имевших колени, заставили преклонить колени, имевших головы, заставили склонить (головы). Тюргешский каган был наш же тюрк, (из) нашего же народа. Так как он не понимал (своего блага)
- (19) и провинился перед нами, то (сам) каган умер (т.е. был убит), его «приказные» и правители были также убиты, народ «десяти стрел» подвергся притеснению. Говоря: пусть не будет без хозяина страна (букв. земля и вода), принадлежавшая нашим предкам, мы, устроив немногочисленный (или азский) народ...
- (20) был Барс-бег; мы в то время (или при тех обстоятельствах) даровали (ему) титул кагана и дали (ему в супружество) мою младшую сестру – княжну. (Но) сам он провинился, (а потому) каган умер (т.е. он сам был убит), а народ его стал рабынями и рабами. Говоря: «пусть не останется без хозяина страна Кёгменская, – мы завели порядок в немногочисленном (т.е. пришедшем тогда в упадок) народе киргизов. Мы пришли, сразились и снова
- (21) дали (страну для управления киргизу?). Вперед (т.е. на восток) за Кадырканской чернью мы поселили таким образом народ и завели в нем порядок; назад (т.е. на запад) вплоть до Кенгу Тармана мы поселили таким образом тюркский народ и завели в нем порядок. В то время (наши) рабы стали рабовладельцами, а (наши) рабыни рабовладелицами; младшие братья не знали своих старших братьев, а сыновья не знали своих отцов.
- (22) Таков был приобретенный нами племенной союз и такова проявлявшаяся нами власть! (О вы) тюркские (и ?) огузские беги и народ, слушайте! Когда Небо вверху не давило (тебя), и Земля внизу не разверзлась (под тобой) (т.е. между тем как ниоткуда не угрожала опасность), о тюркский народ, кто мог погубить твое государство (твой племенной союз и законную власть над тобою)? Тюркский народ,
- (23) покайся! Ты сам провинился и сделал низость (по отношению) к твоему кагану, возвысившему тебя ради твоей же преданности, и (по отношению) к твоему племенному союзу, хорошему по своим качествам и делам. Откуда пришли вооруженные (люди) и рассеяли тебя? Откуда пришли копьеносцы и увлекли тебя? Ты (сам), о народ священной Отюкэнской черни, ушел. То ходил ты вперед (т.е. на восток), то ты
- (24) ходил назад (т.е. на запад), и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего: твоя кровь бежала (там), как вода, твои кости лежали (т.е. нагромождались там), как горы; твое крепкое мужское

- потомство стало рабами, твое чистое женское потомство стало рабынями. Вследствие (твоего) непонимания (своего блага) и вследствие твоей низости мой дядя-каган улетел (т.е. умер).
- (25) (В честь моего дяди-кагана) я поставил во главе (вереницы могильных камней) «балбалом» киргизского кагана. (Тогда) Небо, которое, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа, возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун. Небо, дарующее (ханам) государства, посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа.
- (26) Я отнюдь не сел (на царство) над народом богатым (скотом?), я сел (на царство) над народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи – одежды, (над народом) жалким и низким. Мы переговорили (о делах) с моим младшим братом Кюль-тегином, и, чтобы не пропало имя и слава народа, добытого нашим отцом и дядею,
- (27) я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел (без дела) днем. С моим братом Кюль-тегином и с двумя шадами я приобрел (т.е. принимал завоевания) до полного изнеможения (букв. слабея – погибая). Столь много приобретаю (т.е. завоевав), я не делал огнем и водой присоединившиеся (к нам) народы (т.е. старался ладить с ними мирно), я... по всем странам
- (28) бродивший народ, ослабевая и погибая, пеш и наг, пришел (к нам) обратно. Чтобы поднять (свой) народ, (я предпринял) с большими войсками двенадцать (походов): налево (т.е. на север) против народа огузов, вперед (т.е. на восток) против народа кытай и татабы, направо (т.е. на юг) против табгачей... сразился. После
- (29) того, – да будет (ко мне) Небо благосклонно, – так как на моей стороне было счастье и удача, то я поднял (т.е. призвал) к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ. Там, где верные племенные союзы и верные каганы, я творил добро (т.е. действовал справедливо и милостливо). Живущие по четырем углам (т.е. странам света)
- (30) народы я все принудил к миру и сделал их не враждебными (себе), все они мне подчинились. Мой младший брат, Кюль-тегин, много потрудясь и приобретаю (для нас) столь большую власть, скончался. По смерти моего отца-кагана мой младший брат Кюль-тегин остался семи (?) лет (от роду); в десять лет
- (31) для (т.е. на радость) ее величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюль-тегин, (стал зваться мужем, т.е. богатырем). Шестнадцати лет (от роду) он (уже)

- вот что сделал для расширения государства и власти моего дяди-кагана: мы пошли войною на шесть чубов и согдийцев и разбили их. (Затем) пришло пятитуменное (т.е. пятидесятитысячное) войско табгачского Онг-Тутука; мы сразились,
- (32) Кюль-тегин в пешем строю бросился в атаку, схватил Онг-Тутука с вождями вооруженной рукою и с оружием представил (его) кагану. То войско мы там уничтожили. Когда ему был двадцать один год, мы сразились с Чача-Сенгуном. В самом начале (сражения) он (Кюль-тегин) бросился в атаку, сев на белого коня, (принадлежащего) Тадыкын-Чуре; этот конь там
- (33) пал. Во второй раз (т.е. при второй схватке) он сел верхом на белого коня, (принадлежащего) Ышбара-Ямтару; этот конь там пал; в третий раз он сел на оседланного гнедого коня Йегин-Силиг-бега и произвел атаку; этот конь там пал. В его вооружение и в его плащ, более чем ста стрелами попали; но в начальника его авангарда даже и одна (стрела) не попала.
- (34) Его атаки, о тюркские начальники, вы вполне знаете! То войско мы там уничтожили. После этого великий Иркин племени Йэр Байырку стал (нам) врагом; мы их (его?), рассеяв, разбили при озере Тюрги-Яргун. Великий Иркин бежал с немногими только мужами. Когда Кюль-тегину было (двадцать шесть?)
- (35) лет, мы предприняли поход на киргизов. Проложив дорогу через снег глубиною с копье и поднявшись на Кёгмэнскую чернь, мы разбили киргизский народ, когда он спал; с их каганом мы сразились в черни Сунга. Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку,
- (36) бросился в атаку, одного мужа (т.е. воина) он поразил стрелой, двух мужей заколол (копьем) одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Киргизского кагана мы убили и племенной союз его взяли. В том (же) году мы пошли против тюргешей, поднявшись в Алтунскую чернь и
- (37) переправясь через реку Иртыш. Тюргешский народ мы победили во время сна (и обратили в бегство)... Войско тюргешского кагана пришло при Болчу подобно огню и вину. Мы сразились; Кюль-тегин, сев на серого коня Башгу, произвел атаку. Серый конь Башгу...
- (38) двух из них он сам попустил взять (т.е. потерял?). Затем снова войдя (т.е. ворвавшись в ряды врагов), он схватил собственноручно каганского приказного тюргешей, Тутука азов (!). Их кагана мы там убили, его племенной союз покорили. (Но) масса тюргешского народа вся откочевала в глубь (страны, т.е. подчинилась). Тот народ при Табаре (?) мы поселили. Вернувшись

- (39) с целью устроить согдийский народ, мы, переправясь через реку Йенчу, прошли с войском вплоть до Темир-капыга. После этого масса тургешского народа пошла на ставших (ей) врагами кенгересов. Кони нашего войска были тощи, провианта для них не было; плохие люди...
- (40) мужественные люди (воины) на нас напали. В такое время (т.е. при таких обстоятельствах) мы, раскаявшись (в своем предприятии?), отослали Кюль-тегина в сопровождении немногих мужей. (Как мы после узнали) он дал большое сражение. Сев на белого коня героя Шалчы, он произвел атаку. Убил (многих) из народной массы тюргешей и покорил (оставшихся). Снова (или назад) двинувшись...
- (41) ...он сразился с Кушу-тутуком, его мужей он всех перебил, его дома и имущество без остатка все доставил (себе). Когда Кюль-тегину было двадцать семь лет, народ карлуков вследствие свободы и независимости стал (нам) врагом. Мы сразились при священной вершине Тамаг.
- (42) В этом сражении Кюль-тегин был тридцати лет; сев верхом на своего белого (коня) героя Шалчы, он бросился в атаку, двух мужей он заколол (копьем) одного за другим; мы убили (многих) карлуков и (оставшихся) покорили их. Народ азов стал нам врагом. Мы сразились при Кара-кёле («Черное озеро»); Кюль-тегину шел (тогда) тридцать первый (или был тридцать один?) год. На своего белого коня героя Шалчы
- (43) сев, он бросился в атаку, схватил Эльтебера азов; народ азов тогда погиб. Когда племенной союз моего дяди-кагана стал мятежным и в народе стали появляться зависть и вражда, мы сразились с народом изгилей. Кюль-тегин, сев на своего белого (коня) героя Шалчы,
- (44) бросился в атаку, тот конь там пал. Народ изгилей погиб. Народ токуз-огузов был мой собственный народ; так как небо и земля пришли в смятение (т.е. наступили из ряда вон выходящие смуты), он стал нам врагом. В один год мы сражались пять раз. Самый первый (раз) мы сразились при городе Тогу.
- (45) Кюль-тегин, сев на белого (коня) Азмана, бросился в атаку, шесть мужей он заколол, в свалке он порубил мечом седьмого. Во второй раз мы сразились с эдизами при Кушлагаке. Кюль-тегин, сев на своего бурого азского (коня) и бросившись в атаку, заколол одного мужа;
- (46) девять человек он убил при преследовании (?) (или обернувшись? окружив?); народ эдизов тогда погиб. В третий раз при Бол... мы сразились с огузами. Кюль-тегин, сев на белого (коня) Азмана, произвел атаку и переколол (нескольких врагов); их войско мы переколо-

- ли, их племенной союз покорили. В четвертый раз мы сразились при вершине (горы) Чуш. Тюркский
- (47) народ дал ослабеть (своим) ногам и был готов оробеть. После того как Кюль-тегин отогнал их (т.е. вражеское войско, пришедшее раньше нас на позицию?), мы убили, преследуя (или окружив?), на похоронах Тонга-Тегина, героев из племени Тонгра, десять человек. В пятый раз мы сразились с огузами при Эзгенти Кадазе. Кюль-тегин,
- (48) на бурого азского (коня) сев, произвел атаку, двух мужей он заколол, но на город (?) не пошел (?). То войско тогда погибло. Перезимовав в укреплении Магы (или Амгы) весной, мы вышли с войском против огузов. (Потом) мы отпустили (?) Кюль-тегина, чтобы он начальствовал (распоряжался) дома. Враждебные (нам) огузы напали на орду (т.е. на наше становище). Кюль-тегин,
- (49) сев на белого Огсиза («Безумца», заколол девять мужей (и) не отдал орды! Моя мать-катун и вы, идущие за нею (по знатности) мои сводные матери (т.е. другие жены отца Бильге хана), мои тетки (или вообще старшие родственницы?), мои невестки (или вообще младшие родственницы?), мои княжны, сколько (вас) ни было. все вы были в опасности (или), оставшись в живых, попасть в рабство (или), будучи убитыми, остаться лежать на земле и на дороге!
- (50) Если бы не было Кюль-тегина, все бы вы погибли. Мой младший брат, Кюль-тегин, скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел, (а) сам я заскорбел. Время (т.е. судьбы, сроки) распределяет небо (т.е. бог), (но так или иначе) сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть.
- (51) Так с грустью думал я, в то время как из глаз моих лились слезы, и сильные (?) вопли исходили из (глубины) сердца, я снова и снова скорбел. Я предавался печали, думая: «вот (скоро) испортятся очи и брови обоих шадов и идущих за ними моих младших родичей, моих огланов, моих правителей, моего народа!». В качестве плачущих и стонущих (т.е. для выражения соболезнования) пришли кытай и татабийцы во главе
- (52) с Удар-Сенгуном; от кагана табгачей пришли Исьи и (?) Ликенг и принесли множество (букв. 10000) даров и бесчисленное (количество) золота и серебра; от тибетского кагана пришел белён; сзади (т.е. с запада) от народов, живущих в странах солнечного заката: согд, берчекер (персы?) и бухарские (народы), – пришли Нек-Сенгун и Огул-Тархан.
- (53) От народа «десяти стрел» и от сына моего, кагана тюргешского, пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Биль-

ге; от киргизского хана пришел Чур-Тардуш-Ынанчу. (В качестве соорудителя здания (т.е. храма?) и камня с надписью, украшенного резьбою, пришли чиновники (или каменотесы) кагана табгачей и Чанг-Сенгун.

Кюль-тегин улетел (т.е. умер) в год овцы, в семнадцатый день; в девятый месяц, в двадцать седьмой день мы устроили похороны. (Надгробное) здание резные (фигуры?) и камень с надписью (в честь) его – мы все (это) освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцать седьмой день. Кюль-тегин умирал сорока семи лет. Камень... столь много резчиков привели тойгуны и эльтеберы (?)».

Памятник в честь Тоньюкука

- (1) «Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры народа табгач. (Так как и весь) тюркский народ был в подчинении у государства Табгач.
- (2) Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от государства Табгач, сделался народом, имеющим своего хана; оставив своего хана, снова подчинился государству Табгач. Небо, пожалуй, так сказала: я дало (тебе) хана,
- (3) ты, оставив своего (букв. твоего) хана, подчинился другим. Из-за этого подчинения небо, – можно думать, – (тебя) поразило (умертило). Тюркский народ ослабел (умер), обессилел, сошел на нет. В стране народа тюрков-сиров (?)
- (4) не осталось (государственного) организма. Оставшиеся независимыми (кое-где в оазисах, букв. среди деревьев и камней) соединились, и (их) составилось семьсот (человек). Две части из них были всадниками, а одна часть из них была пехотой. Тот, кто семьсот людей
- (5) заставил (по)следовать, старший из них, был «шад». Он сказал: «Приставай(те ко мне)». Я был к нему приставшим – мудрый Тоньюкук. (Не) каганом ли (мне его) пожелать, говорил я (в сердце своем). Я думал: если (будущий хан) вообще (букв. сзади, вдали) знает, (что у него есть) и тощие быки, и жирные быки, но он не может (не способен, не знает) назвать (в отдельности, который) жирный бык (и который) тощий бык. Говоря, (в сердце своем) я так думал. Затем: так как небо даровало мне знание, то (несмотря на малые способности хана) сам я захотел (его в качестве) хана (захотел его ханом).
- (6) (А хан:) «С мудрым Тоньюкуком, в качестве бойла бага таркана, я, Иль-терес, да буду каганом!». Он много поразили на юге табгачей, на востоке (впереди) – киданей, на севере – огузов. Его товарищем по

знанию и его товарищем по славе был я сам. Мы избрали местожителство Куз Чугая и Кара-кумы («Черные пески»),

- (7) мы жили (там), питаюсь оленями и питаюсь зайцами. Горло народа было сыто. Враги наши были кругом, как хищные птицы, мы были (для них) падалью. Так проживая, от огузов пришел лазутчик (шпион).

᠔ᠶᠠᠨᠨᠤᠨ : ᠬᠣᠶᠢᠳᠤ : ᠰᠠᠶᠢᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠬᠤᠨᠨᠤᠨ : ᠳᠤᠰᠤᠰᠤ : ᠰᠢᠶᠢᠨᠠᠶᠢᠰᠤ (1)
ᠢᠬᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠰᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤ

ᠶ᠋ᠭᠤ : ᠢᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠰᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ (2)
ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ

ᠨᠤᠨ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ (3)
ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ

: ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ (4)
: ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ

ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ (5)
ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ

ᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ (6)
ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ

ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ (7)
ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ : ᠶ᠋ᠭᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤ

Начало надписи памятника в честь Тоньюкука [Малов, 1954, с.56]

- (8) Слова лазутчика таковы: «Над народом токуз-огузов воссел каган, говорит (соглядатай), – он послал к табгачам Куны-Сенгуна, к киданям послал Тонгра Сема. Слово так послал: тюркский народ в большом только количестве
- (9) кочует, (но) каган его – герой, а советник у него – мудрый. Пока существуют эти два человека, то вас (букв. тебя), табгачей, они убьют, – говорю я; на востоке киданей они убьют, – говорю я, – нас (букв. меня), огузов,
- (10) тоже убьют, говорю я. Табгачи – нападайте с юга, кидане – нападайте с востока, я нападу с севера. Да не распоряжается (букв. не ходит)

- в земле тюрков-сиров (какой-то) властитель. Да уничтожим мы, насколько возможно, (этого) властителя, –
- (11) говорю я». Услышав эти слова, ночью не приходил мой сон, а днем я не имел покоя. После этого я обратился с просьбой к кагану. Я так просил: табгачи, огузы, кидани, эти втроем, если соединятся (или если будут воевать против нас),
- (12) то мы (пожалуй) останемся как бы предоставленные самим себе (или мы останемся, как бы держа свою внутренность внешностью своего существа). Тонкое сложить (в кучу) – легкое (дело); слабое разорвать – легкое (дело), но если тонкое сделается толстым, то то, что может собрать (толстое, это) будет герой. Если слабое
- (13) сделается крепким, то то, что может разорвать (крепкое, это) будет герой. Мы должны притти на востоке к киданям, на юге к табгачам, на западе к западным (тюркам, курданами?) и на севере к огузам, с двумя-тремя тысячами нашего войска. Может ли это быть? Так я просил (хана).
- (14) Мой каган соизволил выслушать от меня самого, мудрого Тоньюкука, изложенную просьбу. Он сказал: «Ты по своей воле заставь следовать (войско)». Пройдя реку Кёк Онг, провел (заставил следовать войско) к лесу Отюкэн. По реке Тогле пришли огузы с рогатым, вьючным скотом,
- (15) войска их было шесть (три?) тысяч, нас было две тысячи. Мы сразились. Небо оказало (нам) милость, и мы рассеяли (их): они упали в реку. На пути преследования (многие) еще, возможно, умерли. После этого огузы все вместе пришли (т.е. подчинились нам).
- (16) Услышав, что я привел тюркский народ в землю Отюкэн и что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкэн, пришли (к нам) южные народы, западные, северные и восточные народы.
- (17) Нас было две тысячи; мы были двумя (отрядами) войск. Тюркский народ и тюркский каган для (дальнейшего) обитания (завоевая) не дошел до город(ов) Шантунга и до морской реки. Своего кагана я упросил и двинул войска.
- (18) Я довел (войска) до город(ов) Шантунга и до морской реки. Они разрушили двадцать три города и остались на жительство в земле Усын-бундату. Каган народа табгач был нашим врагом. Каган (народа) «десяти стрел» был нашим врагом.
- (19) Но больше всего был нашим врагом киргизский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: да пойдем мы (походом) на Алтунскую чернь. Так они рассудили и сказали: да отправимся мы в поход

- на восток против тюркского кагана. Если мы не пойдем против него, как бы то ни было, он нас (победит):
- (20) каган его (т.е. тюркского народа) – герой, а советник его – мудрый, как бы то ни было, он, возможно, (окажется) победителем нас (букв. убийцей). Втроем мы объединимся и отправимся в поход и уничтожим его, сказали (они). Тюркешский каган сказал так: «Мой народ там будет», – сказал он,
- (21) а тюркский народ (находится) в смятении, огузы же его, сказал он, находятся в рассеянии. Услышав это его слово, ночью совсем сон мой не приходил, (а днем) я не находил покоя. Тогда я задумал...
- (22) будем воевать (против киргизов?)... сказал я. Когда я услышал, что дорога на Кёгмэн (только) одна и она завалена (снегом), я сказал: не годится, если идти этим путем... Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов.
- (23) – «Моя родная земля – Аз, ее зна... (Там) есть одна остановка, если отправиться по (реке) Аны, то до ночлега там (останется) ход одной лошади» – сказал (он). Я сказал: если ехать той дорогой, то (это) возможно. Я задумался, и моего кагана
- (24) я просил. Я приказал двинуться войску; я сказал: садись на коней! Переправясь через Ак-Тэрмель, я приказал остановиться (тыловым) лагерем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я взошел (с другими) вверх (горы), ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами (на лыжах?). Передние люди
- (25) протоптали (снег), и мы перевалили через вершину с растениями. С большим трудом мы спустились, и в десять ночей мы прошли до склона (горы), обойдя (горный, снежный) завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот. Когда испытывались лишения, каган говорил: «Попытайся быстро отправиться!
- (26) Да отправимся мы по реке Аны!». Мы шли вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать (свое войско), мы приказали остановиться, а лошадей мы привязали к деревьям. И ночью, и днем мы быстро скакали. На киргизов мы напали во время (их) сна.
- (27) ...проложили (путь) копьями. Хан их и войско их собрались. Мы сразились и победили. Хана их мы умертвили. Киргизский народ вошел в подчинение кагану и повиновался (ему). Мы вернулись, мы пришли обратно, обойдя Кёгмэнскую чернь.
- (28) Мы вернулись от киргизов. От тюркешского кагана пришел лазутчик. Слово его таково (?): «Отправимся походом, говорит он, с востока на кагана. Если мы не пойдем походом, то он нас (победит): каган его – герой, а советник его – мудрый, как бы то ни было, –

- (29) он нас возможно погубит», – говорит он. Тюргешский каган отправился в поход, говорил он, народ «десяти стрел» без остатка отправился в поход, говорит, (среди них) есть и войско табгачей (говорит лазутчик). Услышав эти слова, мой каган сказал: «Я отправляюсь домой!
- (30) (Моя) жена умерла, я хочу совершить над ней погребальные церемонии, – сказал он, ты же иди с войском, сказал (каган), и оставайся в Алтунской черни», – сказал. Начальниками войска пусть идут Инэль-каган и тардушский шад, сказал. А мне, мудрому Тоньюкуку, он сказал:
- (31) «веди это войско, – сказал. Назначай наказания по своей воле, что я (еще) тебе скажу!» – сказал. «Если (кто) придет (т.е. присоединится к нам), то увеличится (у нас) число храбрых мужей, если же (никто) не придет, то собирай различные вести (букв. «языки» и слова)», – сказал. Мы находились в Алтунской черни.
- (32) Пришли три лазутчика, слова их одинаковы: «Их каган с войском выступил в поход, войско (народа) «десяти стрел» без остатка выступило в поход», – говорит (лазутчик). «Да соберемся мы в степи Ярышской», – сказал. Услышав эти слова, я послал эти слова кагану. Что делать?! С обратным словом (от хана)
- (33) пришел (посланный): «Сиди, – было сказано, – не торопись ехать, хорошенько держи караул; не позволяй себя раздавить», – сказал он. Так приказал сказать мне Бёгю-каган. А апа-таркану (главнокомандующему) он послал известие: «Мудрый Тоньюкук он хитрый и сам он – понимающий!
- (34) (Если он скажет): «Идем с войском!» ... не соглашайся». Услышав эти слова, я двинул в поход войска. Я без дороги перевалил Алтунскую чернь. Мы переправились без брода через реку Иртыш и, не делая остановки на ночь, рано утром достигли Болчу.
- (35) Привели лазутчика, слово его таково: «В степи Ярышской собралось десять тюменов войска (100 тысяч)», – он говорит. Услышав эти слова, беги все
- (36) сказали: «Вернемся! Стыд чистых хорош!». А я так говорю, я – мудрый Тоньюкук: «Мы пришли, пройдя через Алтунскую чернь. Через реку Иртыш
- (37) мы пришли, переправясь. Было сказано: (враг, который) приходит – герой, но они (о нас) не проведали. Небо, (богиня) Умай, священная Родина (земля – вода) – вот они, надо думать, даровали (нам) победу. Зачем нам бежать,
- (38) говоря: (их) много. К чему нам бояться, говоря: (нас) мало. Зачем нам быть побежденными?! (или подчиним себе!) Нападем!» – ска-

- зал я. Мы напали и прогнали (врага). На второй день они (враги) пришли;
- (39) они пришли, пламенея, как пожар. Мы сразились. Сравнительно с нами их два крыла наполовину были многочисленнее. По милости неба, мы
- (40) не боялись, говоря, что их (т.е. врагов) много. Мы сразились. Тардушский шад принял участие в сражении. Мы прогнали (врагов), их кагана мы схватили, а их ябгу и шада
- (41) там умертвили. Около пятидесяти человек мы пленили. В ту же ночь мы отправили (послов) к каждому народу. Услышав эти слова, начальники и народ «десяти стрел» все
- (42) пришли и подчинились. Когда я устраивал и собирал приходящих начальников и народ, то небольшое число народа убежало. Я повел в поход войско (народа) «десяти стрел».
- (43) Мы еще воевали и гнали их. Переправляясь через реку Жемчужную, гору Бянглияк – местожительства сына Тинэси...
- (44) Мы преследовали (врагов) до Темир-капыг (до Железных ворот). Мы заставили (их) оттуда возвратиться. Инэль – кагану арабов и тохаров...
- (45) Тогда пришел весь согдийский народ во главе с Суком ... (?). В те дни тюркский народ достиг Железных ворот
- (46) и достиг горы – местопребывания сына Тинэси, (где) не было предводителя. Так как я мудрый Тоньюкук, дошел (с войском) до этого народа (букв. до этой земли),
- (47) то он (народ) принес желтое золото, белое серебро, женщин и девиц, драгоценные попоны и (другие) сокровища в большом количестве (букв. без границ). Эльтериш каган, ради своего сообщества со
- (48) знанием и геройством, на табгачей ходил сражаться семнадцать раз, против киданей сражался он семь раз, против огузов сражался пять раз. Тогда советником
- (49) я же был и предводителем был войск. Эльтериш-кагану... тюркскому Бёгю-кагану, тюркскому Бильгя-к(агану)...
- (50) Капаган-каган... я, не спав по ночам,
- (51) не имея покоя днем, проливая красную свою кровь и заставляя течь свой черный пот, я отдавал народу (свои) работу и силу и я же сам направлял длинные (дальние) военные набеги.
- (52) Я возвысил стражу Аркуй, повинующихся врагов я приводил (?), мы предпринимали походы с моим каганом. Пусть будет милостиво небо:
- (53) на этот (свой) тюркский народ я не направлял (хорошо) вооруженных врагов и не приводил снаряженную конницу. Если бы Эльтериш-каган не старался приобрести

- (54) и, следуя (за ним), я сам если бы не старался приобретать, то ни государство, ни народ не были бы существующими. Ради его (т.е. кагана) приобретений и, следуя за ним, ради моих собственных приобретений
- (55) государство стало (настоящим) государством, а народ же стал (настоящим) народом. Сам я состарился и возвысился. Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана,
- (56) оказался бы (какой-либо) бездельник, то что за горе имел бы (этот народ)!
- (57) Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать (это) для народа тюркского Бильгя-кагана.
- (58) Если бы Эльтериш-каган не старался приобретать или если его не было бы и если бы я сам, мудрый Тоньюкук, не старался приобретать или если бы не существовал,
- (59) в земле Капагана-кагана и народа тюрков-сиров не было бы никакой государственной организации, ни народа, ни людей, ни правителя.
- (60) Ради стараний Эльтериш-кагана и мудрого Тоньюкука вот существует Капаган-каган и народ тюрков-сиров.
- (61) Тюркский Бильгя-каган возвышает народ тюрков-сиров и народ огузов».

*Материал подготовил Габдельбар Файзрахманов.
Сверен редакцией с введением некоторых изменений в
примечаниях.*

Взято из: *История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Рухият, 2002. С. 408–439.*

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТЮРКИ

ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРОКИ ИЗ «ДИВАН ЛУГАТ АТ-ТУРК»

36

Талые воды весной растеклись,
в пене потоки с горы понеслись,
яркие звезды на небе зажглись.
Слушай, без смеха внимая словам.

Туча над нами, гремя, пронеслась,
градом на нас и дождем пролилась.
Ветра над тучей невидима власть —
где она будет, неведомо нам.

Первых цветов расстелился ковер
неисчислимых оттенков узор.
Райской землею любитесь взор.
Стужи не знать этим пышным цветам.

Ожили все и резвиться взялись,
самки с самцами любить собрались —
выйдя из нор, по земле разбрелись.
Их не найти по укромным местам.

37

Не обольщайся красою весны,
не опирайся на гребень волны.
Зло и несчастье тебе не нужны
делай добро, верь хорошим словам!

Когда взойдет лучистая звезда,
я просыпаюсь: мне всегда не спится,
когда, свистя, звеня и щебеча,
так сладостно поют ночные птицы.

38

Река Итиль стремительно бежит,
подножье скал разрушить норовит,
там стая рыб вверх из глубин глядит —

и к омутам, и к отмелям спешит.

39

Бог создал мир низин и мир высот,
чтоб там всегда вращался небосвод,
чтоб звезды там вершили свой полет, –
там ночь исправно день сменяет.

Бог небесам цвет бирюзы придал,
нефриты звезд по небу разбросал,
созвездие Весов он нанизал, –
и ночь исправно день сменяет.

Скакун Судьбы над миром проскакал –
огонь он высек, и запылял
мир травяной: стал жарок, дымен, ал...
И пламя до сих пор не затухает.

***Взято из:** Поэзия древних тюрков VI–VII веков. / Переводы А. Преловского; / Стих. реконстр., научн. перев., сост., вступ. статья, комментарии И.В. Стеблевой. – М.: Раритет. 1993. – 176 с. (135–136 с.).*

Махмуд ал-Кāшгарӣ

«ДЙВАН ЛУГАТ АТ-ТУРК» (отрывки)

Слово о группах тюрков и их племенах

По происхождению тюрки делятся на двадцать племен. Все они восходят к Турку, сыну Йāфиса [Яфета], сыну пророка Нұха [Ноя], – да благословит его Аллах! Они относятся к детям Рұма, сына сЙсұ [Исаяи], сына ʾИсхақа [Исаака], сына ʾИбрахйма [Авраама], – да благословит их Аллах! Каждое племя имеет ветви, количество которых знает только Аллах. Я остановлюсь лишь на больших племенах и опущу малые, за исключением ветвей ʾуғұз-туркмāн, я упомяну их ветви и клейма для скота, поскольку люди должны это знать.

Я представлю расположение каждого [тюркского] племени по порядку [с Запада], от предместий Рұма до Машриқа, включая и язычников, и мусульман, начиная с тех, что ближе к Рұму. Это Бажанак, затем Қифжāқ, ʾУғуз, Йамāк, Башғирт, Йасмил¹, Қай, Йабāқұ, Татār, Қирқиз. Последние ближе всех к Сйн. /С. 21/ Все эти племена находятся по эту сторону от Рұма, простираясь на Восток.

Далее – Жикил, Тухсй, Йағмā, ʾУғрақ, Жаруқ, Жумул, ʾУйғур, Таңут, Хитāй, – это Сйн, затем Тавғāж, – это Мāсйн. Эти племена находятся посередине между югом и севером. Каждое из них я изобразил в этом круге. /С. 22/

Слово, характеризующее тюркские наречия

Самыми /С. 24/ красноречивыми и изящными в выражении являются те, кто знает лишь один язык, не смешивается с персами и не перенимает чужие обычаи. У тех, кто говорит на двух языках и смешивается с городским населением, речь становится ломаной, как, например, у Сугдāқ, Канжāк и ʾАрғұ.

[Племена] второго вида, такие как Хутан, Тубут и часть Таңут, являются пришлыми для тюркских земель, я опишу язык каждого из этих племен.

Язык народа Жāбарқā неизвестен из-за его отдаленности и препятствия в виде Великого моря, раскинувшегося между ними и Мāсйн.

У народов Мāсйн и Сйн свой язык, но горожане свободно владеют тюркским. Они пишут нам свои послания на тюркском.

¹ Название племени, известного как Иасмил, во всем тексте пишется как Басмил. Статья (С. 242), соответствующая этому слову, приводится среди слов, которые начинаются на букву б.

Нам также неизвестен язык и Йāжўж и Мāжўж из-за Стены и препятствий в виде гор и моря у Мāсйн.

У Тубут собственный язык, как и у Хутан, имеющих свое письмо и язык. Ни те, ни другие не владеют тюркским свободно.

У °Уйғур чистый тюркский язык, а также другой язык, на котором они говорят между собой. В переписке они используют тюркское письмо, состоящее из двадцати четырех букв, перечисленных мной в начале книги, кроме того, у них есть другое письмо, такое же, как и в Сйн, используемое в их священных книгах и списках, – оно известно лишь их духовенству.

Те, кого я /С. 25/ перечислил, являются оседлыми. Кочевниками являются Жумул, имеющие собственный говор и знающие тюркский язык, а также Қай, Йабāқў, Татār, Йасмил. Все эти группы имеют собственный язык, но вместе с тем хорошо владеют тюркским. Далее Қирқиз, Қифжақ, °Уғуз, Туҳсй, Йағмā, Жикил, °Уғрақ и Жаруқ. У них чистый тюркский, единый язык [*туркиййя маҳда луға ваҳида*]. Близики к нему наречия Йамāк и Башғирт.

Что касается наречия Булғār, Сўвār, Бажанак и далее, до предместий Рўма, – это тюркский с усеченными окончаниями, одного вида.

Самым легким является наречие °Уғуз. Самым правильным – у Йағмā, Туҳсй и жителей долин рек °Йлā, °Артиш, Йамār и °Атил, до земель °Уйғур. Самым красноречивым является наречие правителей Хāқāниййя и тех, кто с ними связан.

Население Балāсāғўна говорит на согдийском и тюркском так же, как и население Тирāза и *Мадйнат ал-Байдā*°. На всех землях °Аргў от °Исбйжаба до Балāсāғўна у людей ломаный язык. В Кāшғаре есть селения, где говорят на наречии Канжак, но во внутренних землях говорят на тюркском Хāқāниййя.

Основная часть тюркских земель от предместий Рўма до Мāсйн занимает пять тысяч фарсахов в длину и три тысячи в ширину, в целом составляя восемь тысяч фарсахов. Я изобразил все в виде круга, форму которого имеет Земля, чтобы сделать это понятным.

Слово о различиях между наречиями

В основном языке различий немного, они проявляются в чередовании или усечении отдельных букв. /С. 26/

Так, Огузы и Кипчаки заменяют все й в начале слова, будь это существительное или глагол, на °алиф [т.е. °] или ж. Например, тюрки называют путешественника йалкин, а они [т.е. Огузы и Кипчаки] говорят °алкин. Тюрки теплую воду называют йилиғ сўв, а они го-

ворят ^²**илиг**, с ^²*алифом* [т.е. ^² вместо *й*]. Тюрки называют жемчужину **йинжӯ**, а у них это **жинжӯ**. Тюрки называют длинную верблюжью шерсть **йугдӯ**, у них же это **жугдӯ**.

Население ^²Арғӯ заменяет все средние и конечные *й* на *н*. Например, тюрки называют барана **қўй**, а они – **қўн**. Тюрки называют бедняка **жиғай**, а они – **жиған**. Тюрки говорят: **қайӯ нāң**, спрашивая: „что?“, они же говорят: **қāнӯ**, с *н*.

Огузы, Кипчаки и Суварини заменяют каждый начальный *м* на *б*. Например, тюрки говорят: **ман бардим** „я пошел“, а в этих племенах говорят: **бан бардум**. Тюрки называют суп **мӯн**, а они – **бӯн**.

Огузы и те, кто им следует, сменяют каждый *т* на *д*. Так, „верблюды“ – это **тавā**, а они называют его **давā**.

Тюрки называют дыру ^²**ўт**, они же говорят ^²**ўд**. В большинстве случаев *д* в языке Огузов соответствует *т* исконных тюрков.

[Но] тюрки называют „кинжал“ **бугдā**, а они – **буктā**. „Рябина“ в тюркском – **йикдā**, а в туркмāн-огузском – **йигтā**. Подобным образом строится и то, что я не упомянул.

Каждый *в*, образующийся между позициями арабского *ф* и исконно тюркского *б*, /С. 27/ у Огузов и тех, кто им следует, заменяется на *в*. Так, тюрки говорят ^²**ав**, имея в виду „дом“, а они – ^²**ав**. Тюрки охоту называют ^²**āv**, а они – ^²**ав**, с *в*. Я указываю исконный вариант слов, ты же [можешь] заменять буквы в соответствии с описанными мной вариантами чередования.

Все Йағмā, Тухсй, Қифжāқ, Йабāқӯ, Татār, Қай, Жумул и Огузы заменяют *з* на *й* Они не произносят *з*. Например, все, кроме этой группы, называют березу **қазин**, а они – **қайин**. [Остальные] называют родню по женской линии **қазин**, а они – **қайин**.

Подобно этому, *з*, присущий речи Жикил и других тюрков, заменяется на *з* у некоторых среди Қифжāқ, Йамāк, Сўвār, Булғār и далее до Рӯс и Рӯм. Тюрки называют ногу ^²**азақ**, а они – ^²**азақ**. Тюрки-Жикил говорят: **қарин тузтй** „желудок насытился“, а они говорят **туздй**, с *з*. Остальные имена и глаголы ты можешь представить себе сам, следуя этому образцу.

В общем, *з* в наречии Жикил соответствует *й* в наречиях Йағмā, Тухсй, Огузов и части ^²Арғӯ, восходя по направлению к Сйн, и *з* в наречиях Қифжāқ и других, нисходя в сторону Рӯма. Мы объясним все подробнее в соответствующих местах.

Народы Хутан и Канжāк заменяют все ^²*алифы* [т.е. ^²] в начале слов на *х*. Потому мы и не относим их к тюркам: они привносят в речь тюрков то, что ей не присуще. Например, тюрки называют отца

ʾатā, а они – хатā. „Мать” – ʾанā, а у них – ханā. Р может чередоваться /С. 28/ с л, об этом будет сказано в соответствующем месте. З может чередоваться с с, и это будет объяснено.

Огузы заменяют ʒ на ʾалиф во всех именах, обозначающих время или место. Так, тюрки говорят: **барғұ ййр** „место, куда кто-либо направляется”, а Огузы меняют это на **барāсй ййр**. Тюрки говорят: **турғұ ʾуғұр** „время подъема”, а Огузы говорят: **турāсй ʾуғұр**¹.

Қ может быть заменен на к, и наоборот, об этом будет сказано в соответствующем месте, если пожелает Аллах Всемогущий и Всевышний. Это все, что касается замены букв.

Что касается усечения, то племена Огузов и Кипчаков соглашались по поводу усечения среднего ʒ в именах и глагольных формах, выражающих повторяемое действие. Примеры с именами: белоногую ворону [тюрки] называют **жумғуқ**, а они [т.е. Огузы и Кипчаки] – **жумуқ**, опуская ʒ. Тюрки называют горло **тамғақ**, а они – **тамақ**. Примеры с глагольными формами: ʾул ʾавкā **барғāн ʾул** „это тот, кто всегда уходит домой” [у тюрков], а Огузы говорят: **барāн ʾул**, с тем же смыслом. Тюрки говорят: ʾул ʾар қулинй **урғāн ʾул** „это человек, который всегда бьет своего раба”, а они говорят: **урāн**. Кроме того, они опускают к в именах ради изящности и к в глаголах, когда он употребляется как ʒ [в приведенных примерах].

Это распространяется на все тюркские наречия, остальное же будет изложено при объяснении правил.

Стремясь к изящности и краткости, я объединил разделы *а, у и и*.

Лишь в Аллахе Всевышнем и Великом могуществе и сила!

[Смыслы отдельных понятий]

280 ʾатил آتِل, ʾатил – „[Волга] название реки на землях Кипчаков, впадающей в море Булғар, один из ее притоков протекает через Рұс”.

ʾатил сувй ʾақā турұр

қайā тубй қақā турұр

балйқ талйм бақā турұр

кұлұң тақй кушарұр

„Воды реки ʾАтил текут, ударяясь о подножия скал. Пруды наполняются рыбой и лягушками после ее разлива”.

1828 барс بارس – „[год Барса] один из двенадцати годов по тюркскому летосчислению”. Тюрки взяли названия двенадцати видов животных и присвоили их двенадцати годам. Даты рождения, военных

¹ На письме эти слова передаются следующим образом: /бар-ғ-ув/ – /бар-а|- сий/, /тур-ғ-ув/ – /тур-а|-сий/.

событий и прочее стали определять по этому летосчислению. Причиной этому послужило то, что одному царю потребовались сведения о битве, происшедшей годами раньше его [правления], но ему ошибочно указали год /С. 174/ этой битвы. Он посоветовался со своим народом по этому поводу и сказал: „Подобно тому, как мы ошиблись с этой датой, люди будут ошибаться и после нас. Поэтому сейчас мы обозначим двенадцать лет по числу месяцев и знаков Зодиака с тем, чтобы летосчисление происходило согласно их обращению и запомнилось навсегда”. И они сказали: „Как тебе угодно”.

Он вышел на охоту и приказал, чтобы в долину ³Йлā, великой реки, была доставлена дичь. Они стали охотиться, загоня животных в воду. Животные двенадцати видов переплыли реку, и по названию каждого из переплывших он обозначил год. Первое из них **сижгāн** „мышь”, – она была первой из приплывших, и он поставил ее в начале летосчисления, – оно используется в соответствии с этими названиями, **сижгāн йили** „год Мыши”.

Далее следует ³ūd **йили** „год Быка”.

Далее **барс йили** „год Барса”.

Затем **тавишгāн йили** „год Зайца”.

Затем **нāк**¹ [приписано **лū**] **йили** „год Крокодила”.

Затем **йилāн йили** „год Змеи”.

Затем **йунд йили** „год Лошади”.

Затем **қўй йили** „год Овцы”.

Затем **бйжин йили** „год Обезьяны”.

Затем „год Курицы”, **тақāгū йили**.

Затем ³ит **йили** „год Собаки”.

Затем „год Свиньи”, **туңуз йили**, когда доходит до Свиньи, исчисление возобновляется с **сижгāн** Мыши.

Год, в который мы писали эту книгу, – Мухаррам четыреста шестьдесят шестого года, – это начало года Змеи, **йилāн йили**. Когда завершится этот год и начнется семидесятый² год, наступит год Лошади, **йунд йили**.

Летосчисление происходит так, как я тебе объяснил, и тюрки каждому году приписывают /С. 175/ определенное качество, видя в этом предопределение. Они говорят: „Если это ³уз **йили**, год Быка, то будет много битв, так как быки бодаются. С наступлением года Курицы приходит изобилие в еде, но людей охватывает хаос, так как куриная пища – это зерно, и куры [в поисках зерна] постоянно соби-

¹ Под словом **нāк**.

² Примечание на полях: правильно „шестьдесят седьмой год”.

рают в кучу отбросы. Когда наступает год Змеи или Крокодила, льют дожди, и урожай бывает обильным, так как [эти животные] обитают в воде. В год Свиньи очень холодно, много снега и смуты". Таким образом каждому году они приписывают какое-либо особое качество.

У тюрков нет названий для семи дней, так как неделя была принята лишь с Исламом. Месяцы в городах называют на арабском языке, а кочевники и неверные язычники называют их согласно четырем временам года: каждые три месяца имеют название, по которому можно определить истечение года. Например, начало весны после *Найрұза* называют **’уғләқ ’ай** „месяц Козленка“, за ним следует **’улуғ ’уғләқ ’ай** „месяц Большого Козленка“, так как во втором месяце он подрастает. Далее следует **’улуғ ’ай** „большой месяц“, так как наступает середина лета с обилием молока и истинным благоденствием во всем, что касается скота и земли. Так же и с остальными [месяцами], но я не буду их упоминать в связи с их ограниченным употреблением, так что разумеи!

1844 **турк** **تُرک** – имя сына Ноя, – да благословит его Аллах! Этим именем Аллах Всевышний называл и потомков Турка, сына Ноя, подобно тому как „человек” [*ал-ʿинсāн*] является именем ʾĀдама, – да будет над ним мир! – в словах Всевышнего: ❀ *хал ʾатā ʾалā л-ʿинсāни х̣й̣нун мин ад-дахр* ❀ „Разве прошел над человеком [над ʾĀдамом?] срок...”, К. 76:1]. В данном случае [общее] имя применяется по отношению к одному человеку. Или в следующих словах Всевышнего: ❀ *лақад халақнā л-ʿинсāна фй ʾаҳсани тақвй̣мин сумама рададнā-ху ʾасфала сāфилй̣н ʿил-лā ллазй̣на ʾāманū ва ʾамилū с-сāлихāt* ❀ „Мы сотворили человека [ʾĀдама?] лучшим сложением, а потом вернем его в нижайшее из низких (состояние), кроме тех, которые уверовали и творили добрые дела...”, К. 95:4–6] – это имя собирательное, так как /С. 177/ единственное число от этой формы образовать невозможно. Подобно этому Турк – имя сына Ноя в единственном числе, но [когда речь идет] о его потомках, это имя собирательное, наподобие слова *ал-башар* „человек; род человеческий, люди”, которое может рассматриваться и как форма единственного числа, и как собирательное. Также и *ар-рӯм* – это имя Рӯма, сына ʾЙсӯ, сына ʾИсхака, – да благословит их Аллах! – его потомков называли так же.

Мы сказали, что *Турк* – это имя, данное Аллахом Всевышним. Об этом нам сообщил преподобный шейх имам ал-Хусейн ибн Халаф ал-Кашгарй, сказавший: „Мне сообщил об этом ʿИбн ал-Ғарқй, сказавший: „Нам об этом поведал шейх ʿАбӯ Бакр ал-Мугйд ал-Жаржаранй, известный как ʿИбн ʿАбй Дунйā, в своей книге „О конце эпохи“

содержащей хадисы, восходящие к Посланнику Аллаха – да благословит его Аллах и приветствует!”

Он сказал: „Аллах Великий и Всемогуший сказал: У меня есть войско, которое я назвал *ат-турк* и расположил на Востоке. Если я разгневаюсь на какой-либо народ, я подчиню его им”.

В этом их преимущество над другими сущими: Великий и Всемогуший сам дал им имя и разместил их на самом возвышенном месте, в самой прекрасной среде на земле и назвал их собственным войском. К тому же им присущи добродетель, красота, изящество, благопристойность и учтивость, уважение к старшим и верность слову, скромность, гордость и бесстрашие, – всего, что достойно похвалы, и не счесть!

Было сказано:

**қажан курсā 'анй турк
бузун 'айға 'аник 'айдажі
муңар такир 'улуглуқ
мундā нарӯ каслинӯр**

Восхваляя человека, говорят:

„Увидев его, в тюркских племенах скажут: в нем есть и слава, и величие, но после него они прервутся”.

Единственное число **турк**, множественное число такое же.

Когда спрашивают: **ким сан** „кто ты?“, отвечают: **турк ман** „я тюрк”. **турк сӯсй 'атландй** „войско тюрков скакало верхом”. /С. 178/

5233 **тўғ** تُوغ – „знамя”. **туқўз тўғлуғ хāн** „царь, **хāқāн**, с девятью знаменами”. У них не бывает более девяти знамен даже при больших владениях и высоких званиях. Они видят доброе предзнаменование в девяти. Эти девять царских знамен изготавливают из парчи или шелка оранжевого цвета, видя в этом добрый знак.

5763 **букā** بَکَا – „большая змея”.

Пословица:

йитй башлиғ йил букā

„Змея о семи головах”.

Этим словом называли воинов. Одного из главных воинов Йа-бāқў звали **букā будраж**. Аллах Всевышний принес ему поражение в день, когда на него напал **'арслāн тикйн** – Завоеватель с сорока тысячами мусульман. Неверных же при Букā Будраже было семьсот тысяч.

Махмūd сказал: „Я спросил у тех, кто видел эту битву: „Как же неверных могло постичь поражение /С. 546/ при такой многочисленности войск!» .

Они мне ответили: „Мы тоже были удивлены этим. Мы спросили неверных: „Как вы потерпели поражение при таком преимуществе?“

И они сказали: „Когда застучали барабаны и затрубили трубы, мы увидели перед собой зеленую гору, закрывающую горизонт. В ней было неисчислимое количество дверей, все они были распакнуты и выпускали огненные молнии в нашу сторону. Мы были этим поражены, и вы победили нас“.

Я сказал: „Это одно из чудес Посланника Аллаха – да благословит его Аллах и да приветствует! – которые пребывают со всеми мусульманами“.

6344 **мунуз** مُنْز – „рог“ любого животного, **мунуз мунуз** – название детской игры. [Дети] встают на колени на берегу реки, засыпают проем между ногами влажным песком и хлопают по нему руками. Один из них [говорит]: **мунуз мунуз**, т.е. „рог, рог!“ Его спрашивают: **нā мунуз**, т.е. „чей рог?“ Он называет одного за другим животных, имеющих рога, а остальные повторяют. Затем после перечисления этих животных он неожиданно называет безрогое животное, например, верблюда или осла. Того, кто повторяет это за ним, бросают в воду.

Пословица:

сускāн ’ўзқā таңрй мунуз бйрмāс

„Бодливому /С. 604/ быку Аллах не дает рогов“.

Так говорят о том, кто хочет сделать что-либо, но не может: если бы это получилось, людям был бы нанесен ущерб.

6418 **таңрй** تَنْجَرِي – „Аллах, Всемогущий Он и Великий!“

Пословица:

туйин табуг сāқтаңрй сафинж сиз /С. 609/

„Неверный [монах] молится Аллаху Всевышнему, но Аллах, – хвала Ему и слава! – недоволен этим“.

Так говорят о тех, кто ради других совершает поступки, способные, по их мнению, вызвать расположение, но на самом деле они вызывают отвращение.

Было сказано:

тун кун табун таңрйкā буйнамағил

қурқуб ’аңар ’айманӯ ’уйнамағил

„Днем и ночью молись Аллаху Всевышнему, не заносясь.

Будь робок и боязлив перед Ним, но в скромности и боязливости не играй перед Ним“.

Неверные – да погубит их Аллах Всевышний! – называют словом **таңрй** небо. Также словом **таңрй** они называют все, что им представляется великим, например, высокую гору или большое дерево.

Поэтому они поклоняются подобным вещам. Отсюда ученого они называют **тангриикан**. Упаси нас Аллах от заблуждений!

6428 **қаңлй** قنلي – имя великого человека среди Кипчаков.

6584 **туркмән** ترکمان – это Огузы. Есть история, связанная с обречением ими этого названия.

Зұ-л-Қарнайн, пройдя Самарқанд, направился в страну тюрок, /С. 625/ В те времена царем тюрок был молодой человек по имени Шұ. У него было большое войско. Это он начал строительство крепости Шу¹ возле Баласағұна. Каждый день для воевод его войска в крепости Шұ звучал барабанный бой в триста шестьдесят ударов.

Ему сказали о приближении этого человека, т.е. Зұ-л-Қарнайна. „Будем воевать с ним? Что ты нам прикажешь?”

Шұ отправил на берег реки Хужанде сорок воевод в качестве передового отряда, который должен был сообщить о его [Зұ-л-Қарнайна] переправе. Этот отряд ушел так, что никто из войска этого царя об этом не знал. Царь с нетерпением ждал [вестей] от этого отряда. Его спросили: „Будем воевать?” – а у него было серебряное корыто, которое он брал с собой в дорогу, – его наполняли водой и пускали в него гусей и уток, – он им ответил: „Смотрите, эти гуси и утки ныряют в нем!”. Люди пришли в беспокойство, подумав, что он не подготовился ни к борьбе, ни к отступлению.

Зұ-л-Қарнайн перешел реку, и передовой отряд явился ночью, чтобы сообщить [Шұ] о его переправе. Он [Шұ] ударил ночью в барабан и отправился на восток. Людей охватила паника от того, что их царь отправился в путь, не подготовив их к путешествию. Все, кто мог найти верховое животное, садились верхом и отправлялись вслед за царем. Этот хватал лошадь того, тот – лошадь другого. Когда наступило утро, на месте лагеря было уже пустое место. В это время города и деревни, такие, как Тирәз, ³Исбйжаб, Баласағұн и другие, еще не были построены. Их построили позже. А тогда люди были кочевниками и жили в шатрах.

После того, как царь с войском ушел, осталось двадцать два человека с семьями, – ночью им не удалось сесть верхом и отправиться в путь. Это /С. 624/ были те, которых я упомянул в начале этой книги, перечислив клейма их скота. Среди них были Қиниқ, Салғар и другие. Эти двадцать два раздумывали, отправиться ли им в путь пешком или остаться на месте. Они увидели двух мужчин, которые несли груз на спинах, идя в сопровождении своих семей по следам войска. [Эти двое] устали и вспотели от тяжести, когда им повстрече-

¹ Сұйаб?

чались эти люди. Они разговорились с ними и спросили совета по этому поводу. Тогда те, – я имею в виду те двадцать два человека, – сказали: „Мужчины, этот человек – они имели в виду Зӯ-л-Қарнайна – странствует, не оставаясь на месте. Он уйдет и от нас, а мы останемся на своей земле”. Они сказали им по-тюркски: **қāl ʾаҗ**, т.е.: „Эй вы, постойте, останьтесь, погодите!”.

После их стали называть **ҳалаҗ**. Таковы корни Ҳалаҗийцев, их два племени.

Когда Зӯ-л-Қарнайн пришел и увидел эту группу людей с отличительными знаками и клеймами тюрок, то прежде чем спросить [о них] он сказал [по-персидски]: *туркмāн ʾāнд*, т.е.: „Они похожи на тюрок”. С тех пор до сего дня это имя за ними и сохранилось. Вначале их было двадцать четыре племени, но два Ҳалаҗийских племени отличались от них в некотором отношении, и потому их не считали заодно. Таково происхождение [этого слова].

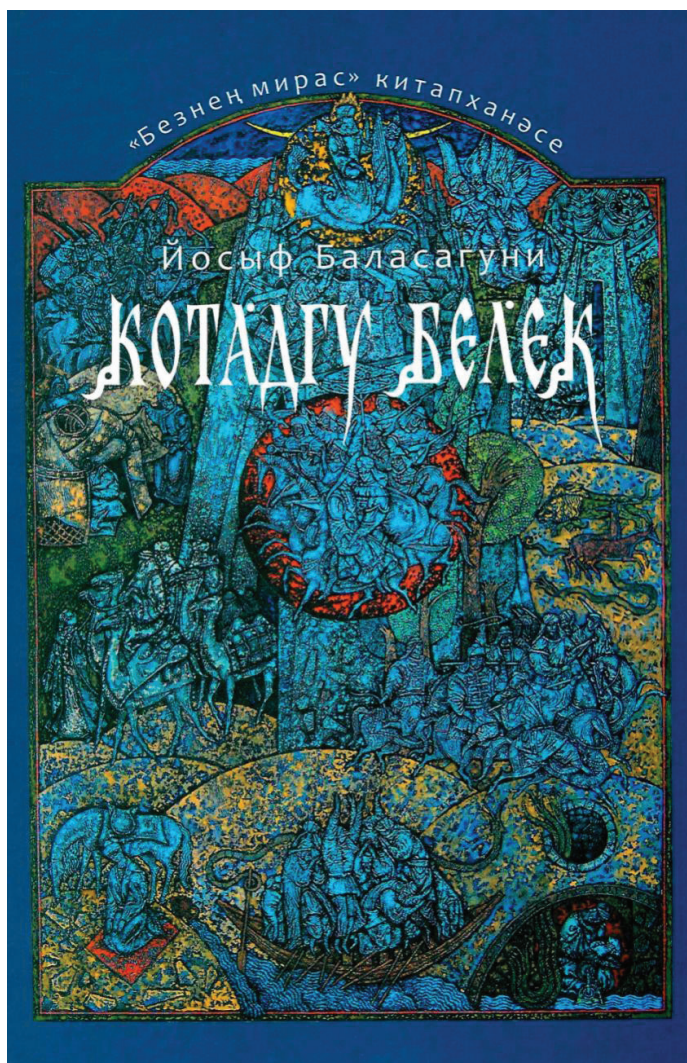
Этот царь [Шӯ] направился в Сйн, а Зӯ-л-Қарнайн пошел вслед за ним. Оказавшись вблизи ʾУйғур, царь выслал на него свой передовой отряд, и Зӯ-л-Қарнайн выслал свой отряд. Они бились [всю] ночь – поражение постигло отряд Зӯ-л-Қарнайна. Битва происходила у **ʾалтӯн қāн** – это название горы, которую сегодня называют **ʾалтӯн хāн**. Затем Зӯ-л-Қарнайн заключил с ним мир, построил город ʾУйғур и осел там на некоторое время.

Этот царь Шӯ шел назад вслед за ним, пока не дошел до Балāсāгӯна. /С. 625/ [Там] он построил тот самый город, который был назван по имени этого царя Шӯ, и приказал изготовить [для него] талисман.

И по сей день аисты долетают лишь до передней границы этого города, но никогда ее не пересекают, это сохранилось с тех пор до наших дней.

6591 **бурслāн** بُرسلان – «тигр», в первоначальном значении. Отсюда: **ʾарслāн бурслāн** „лев и тигр”, **бурслāн** – мужское имя. Можно предположить, что **бурслāн** – звуковое уподобление слову **ʾарслāн**, так как эти два слова всегда употребляются вместе, **бурслāн** не употребляется отдельно. Но правильнее считать, что это „тигр”. Если бы это было [лишь] звуковым уподоблением, им нельзя бы было называть человека. Не говорят же: *хазā шай басан*, но говорят: *ҳасан басан* [„хорошее, прекрасное”].

Взято из: Махмуд ал-Кāшғарй «Дйвāн Луғатъ ат-Турк» / Перев., предис. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой. Индексы сост. Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-пресс, 2005. – 1288 с.

48 нче баб

Сарайдагы хезмәткәрләр белән мөгамәлә хакында

Жавап биреп әйтте Уйгырмыш сүзен:

«Ишеттем барсын да, и үзең изге.

Тагын бер сүз-сорау башыма килде –

Шуны тыңлап, жавап әйтеп бир инде.

Илбик табугына керсәм шәһәргә,

Аның капусына кирәк килергә.

Моның тәртипләре-юлы ничек соң?

Яшәү шуңа баглы булыр ич, дустым.

Ничек ират¹ белән аралашырга?
Һәм башлыкларына яраклашырга?
Хәзер инде шуны миңа син аңлат
Һәм мин белим аслын, уйлыым бер кабат».
Жавапта Үгделмеш әйтте: «Бу, чыннан
Да, кирәкле шәйдер, кадерле туган.
Миңа фарыз моны әйтеп бирергә,
Ниләр белергә һәм ничек йөрергә.
Аларга безнең көн баглы ул, кардәш,
Кайсысын кардәш диң, кайсысын адаш.
Кирәк сәрай әһле белән ярашу,
Сөйләшү, киңәшү һәм аралашу.
Ни, ди, ишет, күптән хезмәт кылучы –
Сәрайда низам һәм тәртип куючы:
«Якынлык теләсәң үзең бий белән,
Капу башы белән якынлык телә.
Табым дисәң, иплем, хөрмәт вә гыйззәт,
Ират белән булган араны төзәт.
Ничек якын күрсә дә сине бийләр,
Кәперәймә ират алдында бер дә.
Төгәл өч төркемдер капү әһеле
(Боларга баглыдыр эшнең асылы):
Беренчесе була синнән олуглар,
Хөрмәт ит – алар да сине олуглар.
Олыны олы бел – сүзен хөрмәтлә,
Сине, әдәпсез бер утын, димәсләр.
Ни яхшы әйткән бер белдекле белкә
(Белкәләрнең сүзен атма чүплеккә):
«Кечегә олылык олыдан кала,
Олыга яраган кече кот ала.
Олы сүзен тыңла – йөгәр йомышка,
Теләгенә кече шулай житәлә».
Олылар бәхет ул – бәхет теләсәң,
Олыга хезмәт ит – бәхет киләчәк.
Икенче бер төркем, туган, ул – тиң-туш².
Ерагайтсаң – дошман, якын күрсәң – дус.

¹ Ират (ир-ат) – хан сараендагы каравыл әһелләре: рәсми алар ханның хезмәтчеләре булсалар да, еш кына хан үзе аларга баглы булган һәм алар ханнарны алмаштыра алганнар.

² Тиң-туш – оригиналда шулай, татар сөйләшләрәндә дә бар.

Аралашыр кешең – дустаның һәм ишең,
Әжер-бүләк алсын синнән дус кешең.
Тағын үзгә төркем – синнән кечеләр,
Шулар арасында – әче-төчеләр.
Хезмәт итсә – әжер, зыян итсә – ор,
Игътибарсыз куйма, хәлен белеп тор.
Басылдырма, текә тот үз-үзеңне,
Телеңне уйнатма – аз әйт сүзеңне.
Адаш, кулдаш, иптәш күп булсын шактый,
Аларның күплеген мәкаль дә мактый.
Таныш түгелләргә дошман кылма тиз,
Дошман күплегеннән файда булмас ич.
Дошман аз булса да, зыяны күптер,
Дошман айдалы, дип расламый фикер.
Ни, ди, ишет, энә, күңле уяулар
(Дошманлыкка дучар булганнар шулар):
«Дошман бер булса да, зарары мең-мең,
Дустаның мең булса да, бер генәгә тиң.
Дошманыннан кеше күрмәс игелек,
Ә игелек күрсәң – хәйлә дип велик.
Танышың булса ни мөнәсәбәттә,
Шулай ук бул – ул шат булсын, әлбәттә.
Үзең тиндәшне ал дус-иш итеп,
Тик тиндәшләр белән ул чын дус-ишлек.
Исәргә иш итмә, кач һәм ерак тор,
Исәр – юлдан язган яман юлдаштыр.
Үзең изгә атлы булаем дисәң,
Кырыс бул, катылма исәр-иссезгә.
Күрәм – барча затлар үз өерендә,
Кеше, кош-корт, жанвар өерен белерләр.
Ишет, нәрсә сөйли илчеләр башы
(Яхшы-яманны күп кичергән, яшьле):
«Сыерчыкны күрдем: чыр-чыр кычкыра,
Карасам – ише бар, ул да кап-кара.
Аккошка кушылмый, күр, һичбер үрдәк,
Каракош һәм шоңкар йөреми бергә.
Очар кошлар оча иштәш өердә,
Сайлаган иптәшең булсын фикердәш».
Кеше якынлыгы ике төрледер,
Ике төрле кеше дус булып йөрер:

Берсе – тэнредэш һәм уйдаш, фикирдэш –
Мондый дуслык азат була мәкердән.
Икенче төр дуслык – эш кирәгенчә,
Бу дуслык ныгымас, кирәге бетсә.
Әгәр тэнредэш дус белән эш итсәң,
Йөген күтәреш һәм сукранма һич тә.
Бу дуслыктан максат итмә бер файда:
Файдасын күрерсең теге дөньяда.
Әгәр дуслык булса тик эш хақына,
Ул дус әхвәленә бик үк катылма.
Ни, ди, дуслары күп булган бер ирән
(Дусларның төрлөсөн ул сынап күргән):
«Дусны айдада һәм зыянда сына,
Тик үзеңнең тезең нык булсын шунда».
Дустыңның күңелен белмәкче булсаң,
Ачы сүзләр әйт һәм, гүя, ачулан.
Сөярәң-сөймәсәң белим дисәң, син
Кадрлар әйбәрәң сора – белерсәң.
Тузынмаса ике очрагында да,
Кадрлар ул ирне, якин күр жанга.
Гайбәтче сүзәң бер дә кушылма –
Күмер көйри аның теле очында.
Низаглар дөньяда гайбәттән куба,
Гайбәтче башын кис, и катгый туган!
Тәмгычының булса тәмгысы әгәр,
Сина ул «агам» йә «энекәш» дияр.
Тәмгысы булмаса йөзәң чөөрер,
Күрмәгәндәй булыр, дәмшичә йөрер.
Һәр тиндәшнә дус тот, булса тәмгысыз:
Алар белән яшәп була кайгысыз.
Дус-иш шатлык яки кайгы көнөндә
Уртаклашып, ярдәм итеп килерләр.
Яраткан иптәш-дус күп булсын дисәң,
Ачык йөз, икмәк-тоз кызганма һич тә.
Бу ике кылыктан жылыныр кеше,
Яхшы-яман көндә булыр дус-ишәң.
Бу хакта тәғлимат болайрак сөйли
(Бу сүзгә эшкә тот, холкы сөеклем):
«Тоз-икмәк жийдер син елмаеп-көлеп,
Йөзәңгә якты тот, сөчөк сүз белеп.

Инсанны кол итэ торган шэй шулар,
Бүтәнне мин белмим, тап үзең берүк».
Ике төрле тагы, күр, дошман-ягы
(Корылган буладыр аның тозагы):
«Бере – мәжүсидер, дошман ул төптән.
Кяфер дә диелер. Дошманлык – күптән.
Янә бер дошманлык – файда, зарардан,
Бу дошманлык була бары тик үчтән».
Кяферләргә каршы кирәк каты жән,
Фида булсын шунда мал вә тән, вә жан.
Әгәр юк-бар өчен булса дошманлык,
Юк өчен булашма, кыл миһербанлык.
Дошманга файда кыл – ул якыная,
Явызлык кылам дип, ул кыла файда.
Ничек тә дошманны якын ит – яраш,
Котыл дошманлыктан – исән булыр баш.
Жәнжалдан файда юк – ачык бел шуны
Һәм файдасыз эшкә тидермә кулны.
Дошманың артмасын, хезмәтең артсын,
Дошманлы кешегә бар дөнья каршы.
Кешенең яхшысын, иплесен дус күр,
Ярамас дуслардан кеше үкенер.
Яхшы дус өстәсәң якынлашырга,
Ике төрледән син эзлә – бул бергә:
Бере – изге, батыр, чыннан асылзат,
Шундый белән дуслаш, әгәр табылса.
Икенчесе – тирән динле, фикерле
Кеше ул, кешелек шундыйдан килер.
Якынлык тот ошбу ике зат белән,
Болардан тиячәк игелек гелән.
Яманлыгы мәшһүр кешедән син кач,
Бу төрле кешегә кара эчлек хас.
Корымга кагылма – карасы йогар,
Яманга ягылма – яласы йогар.
Менә нәрсә дигән белемле белкә
(Укымышлы моны бәяли белә):
«Яманга катылма, и иге кеше,
Сиңа ягылачак аның кылмышы».
Яманга ягылма, белеп тор, туган,
Яманатың чыгар илара шуннан.

Яраксыз кешегә барма якин да,
Яраксыз килер дә тотар якаңнан.
Күп тапкыр күрдем ки: иге бер кеше
Исәргә катылгач, бозылды эше.
Күрдем изгеләрне: яман дус өчен
Югалтты халыкта абруйлы исмен.
Бийләр өен шулай атыйлар – карши,
Монда кеше берсе-берсенә каршы.
Хөсет байтак булыр карши эчендә,
Хөсет кайда булса, шунда жән-жәдәл.
Кем олырак синнән, ул сине типсәр¹,
Сине утка этәр, көйсен, дип эстәр.
Сине типсәячәк күп тиндәшләрәң,
Хөсетлектән көнең төнгә әйләнер.
Шуңа күрә карши – карший диелә,
Ике як карышса, берсе жиңелә.
Син инде түзем бул, күңлем кояшы,
Һичкем дә типмәсә, йөрә тын басып.
Хөсет – чир ул, аны дөвалау озак,
Хөсетле үз-үзен гел ашаячак.
Ни бар яхшы, яман – Аллаһ хөкеме,
Хөсетле һичкайчан куймас хөсетен.
Ни булыр кешегә типсәү – хөсеттән?
Хөсетчеләр чирләр, бозылыр эчтән.
Көчеңчә игелек кыл син һәркемгә,
Күрермен дип уйла нәтижәсен дә.
Берәүгә сөенеч килгәнгә сөен,
Берәүгә көенеч килгәнгә көен.
Атың изге булыр, сине сөярләр,
Сиңа якынлашыр өчен юл эзләрләр.
Дошман арттырма син үзеңә, туган,
Ә дус-ишләр һич тә артык күп булмас.
Әгәр дошман килеп чыкса бер тагын,
Аңар әзер булсын шундук тозагың.
Ни, ди, ишет, күп яу күргән батыр ир,
Дошманнардан өстен булган асыл ир:
«Гафил булып торма дошман янында,
Үзен алдат – тырыш тозак салырга.

¹ Типсәү – хурлау, кимсетү; себер татарларында бик билгеле сүз.

Зәгыйфь, димә, көчле, зур, диген, дошман,
Таяклы дошманга тот тимер капкан».
Күтәр дус-иш йөген, сындырма күңлен,
Онытма мәгънәсен ошбу сүземнең:
Дустың дошман булса, хәтәр дошман ул,
Хәвеф астындадыр жаның һәм малың.
Белә андый дошман эчең-тышыңны,
Шуңа ансат эшләр явыз эшен ул.
Теләсә, малыңа кулын тидерер,
Теләсә, муйныңа элмәк кидерер.
Бел дусны үзеңне белгән кадәрле,
Югыйсә күп дуслык булыр хәтәрле.
Дустым, дию ансат, дус булу кыен,
Дошманлашу ансат, килешү кыен.
Дошманың «дус» булса, жаныңны сакла:
Котылулар кыен булыр ул чакта.
Ике төрле затка каршы киртә кор;
Якынлашсаң, афәт чыгар – көт тә тор:
Бере әләкләшә һәм яла яга,
Икенчесе – икейөзле ялагай.
Эчкечене дә син дуска санама:
Вафасыз ул һәм тоз салыр яраңа.
Риялы дуска да син бирмә күнел,
Тизүк дошман була ул, аннан түңел.
Ризалатым дисәң дусны тиз генә,
Сәмән бирмә, эш ит яхшы сүз белән.
Булайым дисәң тыныч-имин тормышта,
Явыз булма, тик бул кайчак кырыс та.
Үземә кол итим дисәң ятларны,
Алтын тоттыр һәм тот ятның сакалын.
Ә читләтим дисәң кайбер якынны,
Эре сөйләш, кыйбат куй үз хақыңны.
Озын гомер яшим дисәң дөньяда,
Юмарт бул, сак бул һәм көймә юкка да.
Сөйкемле күрсәтим дисәң үзеңне,
Чагылдырсын сүзең ихлас күнелне.
Кадер-хөрмәт күрим дисәң һәрдаим,
Бүтәнгә дә хөрмәт күрсәт көн саен.
Ия булайым дисәң анык байлыкка,
Жыярсың мал, жилкенмәсәң артыкка.

Мактасыннар дисәң сине кешеләр,
Намуслы бул сүздә һәм дә эшендә.
Менә шундый була инде чын кеше,
Кешелеклелек – чын инсан билгесе.
Кешенең кемлеген белмәкче булсаң,
Сүзенә колак сал, эшенә күз сал.
Ни яхшы әйткән бер бәйтче-чәчән
(Сүзенә мәгънәне төгәл үлчәгән):
Кеше аслын белмәк булсаң, шул чара:
Кыланышын, күңлен һәм сүзен кара.
Кыланышы юньле, теле ягымлы,
Асылзат икәне шуннан танулы.
Наданга сүз катма, и ару затлы,
Йөз суыңны түгеп, сине пычратыр».
Ни, дигән, тормышны белгән бер кеше –
Җаһиллектән үзен йолган ир кеше:
«Тупаска катылма, юньле-ипле бул,
Талаш уты чыга утыннан¹, угыл.
Җаһил белән дә һич якын булма син,
Ачудан танышлык хакын бозмасын.
Күңел серләреңне ачма һәркемгә,
Ачтың исә сүзең-үзеңә имгәк.
Булсын дисәң, егет, дуслык дәвамчан,
Эчкерсез бер дус бул, баш тарт тәмгыдан.
Өгәр үтсен дисәң һәрвакыт сүзең,
Һәр сорауга туры сөйлә дәресең.
Өгәр йөзең якты балкысын дисәң,
Туры юлдан качма, булырсың исән.
Үзең гомерле һәм сүзең үтемле
Булсын дисәң, кыскарт кул һәм телеңне.
Абруемны саклайым дисәң, һичкайчан
Сүзеңдә ялгыш та сөйләмә яман.
Кайчан кайсы көчле дәүләт йөз бирсә,
Шуңа яраш, дуслык, һич шикләнмичә.
Үчләшмә дәүләткә – бел ярашуны,
Юкса дәүләт агу итәр ашыңны.
Нигезсез сүз әйтмә, сөйләмә арттан,
Өлөкләшмә һәм дә яман сүз катма.

¹ «Котадгу белек» телендә утын һәрвакыт «тупас, надан кеше» мәгънәсендә килә.

Яман сүз – ачы жил, ул бөрештерә,
Шуннан сине ятлар юньсез дип күрә.
 Үзеңнән олыга телен озайтма,
 Жавап биргән чакта эре сүз атма.
Олыны агала, абруен сакла,
Үзең дә житәрсен шундый бер чакка.
 Үз тиңнәрең белән булсын йөрешен,
 Аралашуың һәм алыш-бирешен.
Кадерләгәннәрне син дә кадерлә,
Кадерсезләгәнгә якын да йөрмә.
 Ул ничек кыланса, син дә шулай бул,
 Сөчөк сүз сөйләсә, син дә елмай-көл.
Изгелекле бул һәр юньле кешегә,
Усал булсаң, бул тик ишәк ишегә.
 Ни шәп әйткән әдәп белгән бер кеше –
 Илтәзәр кануннар биргән ир кеше¹...
Шулай була, күр, чын ират сөхбәте,
Дөрес сөйләшүнең шулдыр хикмәте.
 Әйтеп бирдем инде, ишеттең үзең,
 Күңеленә беркет, озайтма сүзне.
Сиңа, сез, дисәләр, син дә, сез, диген,
Кызганма яхшы сүз: яхшы сүз тиген.
 Син, дигәнгә син дә, әй син, дия бел,
 Жавабыңда яңгы² биргән кыя бул».

Текстны борыңгы төрки телдән хәзерге татар теленә тәрҗемә итүче, кереш мәкалә, искәrmә һәм аңлатмаларны әзерләүче – филология фәннәре докторы Рифкатъ Әхмәтҗанов.

Алынды: Баласагуни Й. Котадгу белек (Котайткыч белем яки Бәхет-ле булу гыйлеме). – Казан: «Безнең мирас» («Безнең мирас» китапханәсе сериясе), 2022. Баб. 48.

¹ Ул ир кешенен нәрсәне шәп әйткәне төшеп калган.

² Яңгы – эхо, кайтаваз, яңгыравык (шуннан – яңгырау).

ОГУЗ-NAME
(Уйгурский вариант)

- IV. После тоя Огуз-
- V. каган для беков и народа
- VI. издал приказ и говорил: «Я стал
- VII. вашим каганом, возьмем-ка луки и
- VIII. щиты, тамгою пусть будет нам
- IX. «благодать», «сивый волк» пусть будет ураном; будь железными
копьями
 - I. лес; в заповедных местах пусть бродят куланы,
 - II. [текут] моря и реки; будь знаменем [нашим] солнце, небо –
 - III. шатром». Вслед за тем
 - IV. разослал Огуз-каган приказы во все четыре стороны.
 - V. Послание написал, передал послам.
 - VI. В этом послании было написано:
 - VII. «Я уйгурский каган,
 - VIII. которому суждено быть правителем
 - IX. четырех частей света. От вас подчинения
- I. хочу. Того, кто мне
- II. повинуется, принеся дары,
- III. за друга приму, – молвил, – а кто
- IV. не подчинится, того, излив гнев,
- V. собрав войско, недругом посчитаю;
- VI. мгновенно разбив, прикажу повесить,
- VII. сделаю, так, чтобы сгинул». Был тогда
- VIII. в правой стороне правитель по имени
- IX. Алтун-каган. Этот Алтун-
 - I. каган направил к Огуз-кагану посла.
 - II. Собрав много золота и серебра, взяв несметное количество
 - III. редких драгоценных камней, очень много сокровищ,
 - IV. отослал ему, по любви подарил
 - V. Огуз-кагану, подчинился. Подружился [Огуз]
 - VI. со славным рыцарем, полюбил его.
 - VII. В левой стороне находился каган по имени Урум.
 - VIII. Много-много было у этого кагана
 - IX. войск, много было городов.
- I. Не посчитался Урум-каган приказом
- II. Огуз-кагана, не пошел присоединяться.
- III. Говорил: «[Эти] слова

- IV. не принимаю», и не подчинился требованию.
V. Огуз-каган, гнев
VI. излив, [сам] пожелал идти на него. С войском,
VII. оседлав коней, распустив знамена, двинулся. Через сорок
VIII. дней пришел он к подножию горы,
IX. называемой Ледяной горой.
I. Разбил лагерь, остановился, уснул. Когда забрезжил рассвет,
II. в шатер Огуз-кагана
III. проник луч, подобный солнечному.
IV. Из того луча появился сивовласый,
V. сивогривый большой
VI. волк. Этот волк
VII. молвил Огуз-кагану,
VIII. говорил: «О Огуз! Ты
IX. собираешься двинуться на Урума.
I. О Огуз! Я пойду с тобой
II. впереди». И вот
III. после этого Огуз-каган
IV. свернул свой шатер, пошел дальше и увидел,
V. что перед войском
VI. движется огромный сивогривый,
VII. сивовласый волк.
VIII. Сзади, следуя за тем волком,
IX. двигались [все].
I. Через несколько дней сивовласый,
II. сивогривый, огромный
III. волк остановился. Остановился с войсками и Огуз.
IV. Здесь простирались воды реки, называемой Итилем.
V. У берега Итиля,
VI. около черной горы,
VII. началась битва. Сражались стрелами,
VIII. копьями и мечами. Между войсками
IX. произошло много сражений
I. В сердцах людей
II. стало много печали; Схватки, сраженья
III. были такими жестокими, что воды Итиль-реки
IV. стали красными-красными, подобно киновари.
V. Огуз-каган победил, Урум-каган
VI. бежал. Забрал Огуз-каган
VII. каганат Урум-кагана,

- VIII. захватил людей. Его орде много
 IX. мертвой и много живой
 I. добычи выпало. Был у Урум-кагана
 II. брат по имени Урус-бек.
 III. Послал Урус-бек своего сына
 IV. к хорошо укрепленному городу, расположенному
 V. на возвышенности, посередине глубокой (?) реки.
 VI. Говорил: «Защитить надо город.
 VII. Ты, сохранив мне город, после битвы
 VIII. возвращайся», – молвил. Огуз-
 IX. каган направился к этому городу.
 I. Сын Урус-бека послал ему много
 II. серебра и золота. Говорил: «О ты, мой
 III. каган! Мне отец мой этот
 IV. город передал. Наказывал он¹:
 V. «Уберечь надо город. Ты
 VI. после сражения, сохранив для меня город, возвращайся».
 VII. Если отец мой разгневается,
 VIII. быть ли [тогда] моей воле².
 IX. Власть, богатство и мудрость мне ведомы от тебя.

Взято из: Щербак А.И. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. – 171 с.

¹ Отец.

² Власти.

Фазлаллах Рашид ад-Дин

ОГУЗ-НАМЕ

[ПРЕДИСЛОВИЕ]

(л. 5906)

ВО ИМЯ АЛЛАХА МИЛОСТИВОГО, МИЛОСЕРДНОГО!

Тюркские историки и велеречивые передатчики сообщают: когда пророк Ной (Нух) – да будет мир над ним – делил обитаемую часть земли между своими сыновьями то старшему сыну, которого звали Иафет (Иафес), он отдал восточные страны вместе с Туркестаном и тамошними краями. Иафет, согласно тюркскому выражению, получил *лакаб* Олджай-хана¹. Он был жителем степей (кочевником). Его летовка (*яйлак*) и зимовка (*кышлак*) находились в землях Туркестана; весенние месяцы он проводил в Уртаке и в Куртаке², находящиеся поблизости от Инанч-шахра³, а зимовал он в тех же краях, в местности Барсук, что в Каракуме⁴, [известном под названием Каракурум]. В этой местности ыбло два города: один – Талас, а другой Кары Сайрам, причем последний имел сорок больших и золотых ворот. [В настоящее время там живут тюрки – *муслимы*. Это находится поблизости от владений Кунчи и в зависимости от Кайду]. Столица Олджай-хана находилась в этой местности.

У него родился сын, которого звали Диб Йавку-хан. *Диб* – означает престол, местоположение, а *Йавку* – предводитель народа. Он был великим и известным владыкой. У него было четыре уважаемых и прославленных сына: Кара-хан, Ор-хан, Кюр-хан и Кюз-хан. Кара-хан, будучи наследником престола, занял место отца и стал падишахом. У него родился весьма счастливый и с августейшими признаками сын. Три дня и три ночи он не брал грудь матери. Мать потеряла надежду на его жизнь и была печальна и грустна. Однажды ночью она увидела во сне, как сын говорит ей: «Если ты желаешь, чтобы я сосал твою грудь, то уверуй в единого творца, признай его и считай его власть над собой обязательной».

¹ Имя Олджай (Улджай) в «Сборнике летописей» (с. 80, 81, 153) фиксируется как Булджа (Абулджа), у *Абу-л-Гази* (с. 39) – Амулджа. Ср. совр. имя собственное Улджатай.

² Уртак и Куртак. Оба пункта находятся северо-западнее оз. Балхаш между озерами Темиз и Кара-Сор, по линии Акмолинск – Каркаралинск, в междуречье Сары-су, Чапан-су и Манака.

³ Инандж-шахр (Яфендж) находился или близ города Аягуз, или на его месте, на р. Аягуз, Семипалатинской обл. Казахстана.

⁴ Местность (пески) Барсук (Большой и Малый) расположена к юго-востоку Мугоджарского горного массива и доходит до берегов Арала.

Женщина видела этот сон в течение трех ночей. Но так как это племя было неверным (*кафир*), то женщина не осмелилась рассказать им о случившемся и втайне от мужа уверовала во всевышнего господа. Воздев руки к небесам она взмолилась и сказала: «Господи! Помоги мне, несчастной, сделай мое молоко для этого дитяти сладким!». И Огуз сразу же прижался к материнской груди и стал сосать.

Через год отец заметил в нем признаки зрелости и благородства. Он поразился его непорочности и красоте и сказал: «В нашем племени и в роду прекраснее его ребенка не рождалось!».

Через год ребенок, подобно пророку Исе (Иисусу) раскрыл уста и промолвил: «Я родился в царственном шатре (*баргах*), поэтому меня должны назвать Огузом!».

И в младенчестве, и когда он рос и мужал, и до самого совершеннолетия, Огуз постоянно чтит господа и благодарил его. При каждом случае – спал ли он или бодрствовал – он обязательно вспоминал создателя-творца. На него снизошла благодать господня. Он обрел всемирную известность в самых разнообразных знаниях и умении: в стрельбе из лука, метании копья, фехтовании саблей и учености.

Отец обручил Огуза с дочерью его дяди Кюз-хана. Огуз привел жену домой. Он призвал ее уверовать в господа. Девушка не приняла его условий, и тогда Огуз отказал ей в близости.

Когда отец заметил, что сын перестал оказывать ей внимание, он посватал за него дочь другого брата Кюр-хана. Огуз потребовал от нее то же самое. Девушка уклонилась от этого и сказала: «Если ты будешь, заставляя меня сделать это, то я расскажу обо всем твоему отцу и он тебя убьет!». Огуз прервал отношения и с ней.

Как только Кара-хан понял, что Огуз питает отвращение к обеим девушкам, он посватал за него дочь Ор-хана.

Однажды эта девушка со своими рабынями гуляла па берегу [реки?] и созерцала [окрестности]. Рабыни стирали в воде белье. Огуз же в это время возвращался с охоты, и, разговорившись он объявил ей о своем намерении: «Если ты согласишься с моими словами и примешь их, то я приму тебя в жены. Иначе я буду избегать тебя, отдаюсь от тебя и разлучусь с тобой так же, как и с другими невестами».

Девушка ответила так: «Я – твоя частица и что бы ты ни приказал мне – я подчиняюсь и буду повиноваться. *Стих:*

Где бы не находилась твоя серьга – там мое ухо,
где бы не был обруч для волос (*чембер*) – там моя голова».

Огуз привел эту девушку домой и сблизился с ней. Любил он ее беспрельдно. Женщина, в свою очередь, тоже выказывала ему свою при-

вязанность и любовь. В то же время Огуз продолжал отворачиваться от первых двух невест.

Однажды Огуз со всеми близкими и друзьями отправился на охоту. Его отец, неверный (*кафир*) Кара-хан, в это время устроил пир. Он поднял чашу в честь всех трех своих невесток – жен Огуза и во время пиршества спросил: «Хотя те первые невестки более хороши, более красивы и более совершенны, чем последняя, в чем, все-таки, причина, что Огуз любит больше ее?».

Обе первые невестки словно ждали такого случая, чтобы излить свои души, и сейчас для них был самый подходящий момент. С ненавистью и враждебностью они сказали: «Огуз призвал нас поверить в единого господина и поклоняться ему. Но мы сказали ему, что такого господина мы не знаем и он рассердился и отдалился от нас. А эта невестка послушалась его приказа, и поэтому он стал проявлять к ней нежность и любовь. И теперь эти муж и жена держатся новой религии, отрицая веру своих предков и отказываясь от нее».

Кара-хан спросил у той невестки, но девушка все отрицала. Кара-хан разгневался и переполнился злобой. Тогда же он созвал своих братьев и родственников и сказал им: «Мой сын Огуз в детстве был счастливым (л. 591а), удачливым и достойным стать государем. Теперь же я услышал, что он отказался от своей веры и выбрал для себя другого господина. Как же мы можем примириться с тем, что какой-то ребенок изменил и нам, и нашему идолу (*мабуд*) и стал его презирать!».

Сговорившись (*кенгеш етмек*), они приняли решение убить Огуза. Они собрали воинов и силу, чтобы уничтожить его.

Когда об этом узнала младшая жена Огуза, которая была преисполнена любовью и милосердием к нему, она послала одну из соседок к Огузу, чтобы сообщить ему обо всем.

И Огуз подготовился к войне.

СРАЖЕНИЕ ОГУЗА С ОТЦОМ, ДЯДЬЯМИ, РОДСТВЕННИКАМИ И БЛИЗКИМИ И ПОБЕДА ОГУЗА НАД ЕГО ВРАГАМИ

Не успел возвращавшийся с охоты Огуз подойти к дому, как его отец и дяди вместе со своими близкими уже были готовы к сражению. Огуз с своими слугами сразился с ними и во время этого сражения были убиты его отец Кара-хан и дяди Кюр-хан и Кюз-хан. Огуз укрепился на своем месте и в течение 75 лет постоянно сражался с племенами своих дядей. В конце концов он одолел их и уничтожил. Он подчинил себе их *вилайеты* и *улусы* до самых дальних окраин Караку-

рума¹. В конце концов те, что уцелели (не погибли от меча), подчинились его власти. Они сказали: «Мы из твоего же рода и племени. Мы ветви от одного корня и его же плоды. Зачем ты прилагаешь столько сил для того, чтобы извести нас?».

Огуз сказал: «Если вы признаете господина и его единство, то тогда ваши души получают пощаду (*аман*) и я определяю вас для проживания в Туркестане».

Однако они этого не приняли, и Огуз преследовал их до Каракурума. И они были принуждены переселиться в степи и долины вдоль берегов реки Тугла² и жить там в нищете. Они превратили эти места в свои летовки (*ййлак*) и зимовки (*кышлак*). От бедности, нищеты, бессилия и недомоганий они пребывали в постоянной печали и грусти. Огуз стал называть их *мовал*³, что означало: «Будьте всегда опечаленными, стесненными и несчастными. Носите собачьи шкуры, ешьте только дичь и никогда после этого в Туркестане не появляйтесь!».

[Поэтому, согласно вере туркмен, монголы происходили из рода Кюр-хара, Кюз-хана и Ор-хана и являются владыками восточных краев. Однако их действительное происхождение неизвестно. Также неизвестна судьба тех двух девиц – приняли ли они веру в единого господина и принял ли их к себе Огуз].

Когда после этих сражений Огуз сошел с коня, он приказал возвести золотой шатер, в котором закатил пир (*той*) вместе со своими сподвижниками и друзьями.

Племен, которое примкнуло к нему, чтобы оказать ему помощь, он дал имя *уйгур*. На тюркском языке это [слово] означает «идущий вслед, присоединившийся».

Другое же племя разбило врагов и удачно захватило трофеи (*олджай*), но выюнные животные, которые должны были перевозить их, не подоспели и они соорудили повозки (*канглы*). До этого колес не было и [повозку] впервые изобрели они. Погрузив на них необходимый груз и захваченное, они повезли все это, по этой причине Огуз дал им имя Канглы, т.е. «обладатели повозок».

Воины Таласа, Сайрама и тех краев проявили непокорность в землях Огуза. Огуз выступил против них и одержал над ними победу. Он

1 Город Каракурум был возведен Огедей-ханом близ древней столицы уйгуров Кара-бал-госун. Само же название местности Каракурум (в верховьях правого притока р. Селенги, р. Орхон в районе хребта Хангай) существовало раньше. Курум означает «черная скала и крепость».

2 Река Тугла – это Тола, берущая начало в горах Кентей и впадающая в Селенгу.

3 Название фиксируется как (мовал). У *Абу-л-Гази* имя деда Огуза передается в виде Могул как пишет А.Н. Кононов, (с. 82).

захватил земли, начиная от Таласа и Сайрама до Мавераннахра, Бухары и Хорезма и стал ими управлять. Он возобновил свой договор со своими близкими, живущими во всех концах страны, чтобы они не нападали на его жилище и на близких, и он мог бы с уверенностью приступить к завоеванию вселенной.

ПОХОД ОГУЗА ДЛЯ ЗАВОЕВАНИЯ ВСЕЛЕННОЙ И ОТПРАВЛЕНИЕ ИМ ПОСЛОВ В РАЗЛИЧНЫЕ СТРАНЫ

После того, как Огуз уладил споры, существовавшие между ними и его близкими, он отправил послов в Индию (Хинд) и призвал тех к подчинению, чтобы они стали илем и потребовали от них дань. Народ Индии и его вельможи (*а'йан*) дали резкий и грубый ответ. И послы возвратились.

Недовольство и дерзость народа Хиндустана продолжались. Огуз выступил походом на Индию и начал завоевывать эту страну с ее восточных окраин. Вначале он прибыл в *вилайет* Улутак и оставался так некоторое время. Оттуда он направился в Икариййу. Это была гора, расположенная между большой рекой и большими мощными крепостями. Реку эту на судах пересечь было невозможно. Огуз приказал изготовить плот на бурдюках, с его помощью они переправились через реку и захватили Икариййу.

На восточной стороне Индии находилась еще одна большая страна. Когда ее *падишах* Сынами [Тинеси] Огул Йагма-хан¹ узнал, что Огуз вторгся в Индийскую страну (страну Хинд) и захватил ее, он выразил желание стать илем, покориться и обязался платить дань. Однако не успел Огуз возвратиться из его страны, он выказал враждебность, противопоставил себя [Огузу] и восстал.

Возвратившись назад, Огуз схватил его, убил и страну его захватил. Выступив из этой страны, он по пути присоединил все местности, через которые проходил. Таким образом, он захватил весь Китай, Мачин, Нанкийас. Захватив там очень много добра и добычу, он возвратился на свою родину Туркестан и остановился в Ортаке и Алатаке. Находящиеся близ Алмалыка Туркунлутак и Турканлутак – очень высокие и головокружительные горы. *Туркан* и *Туркун* – две различные травы, которые растут на этих горах и горы именуются по названию этих трав.

После того, как Огуз прибыл сюда, он пробыл здесь 14 дней. Падишах этой страны Инал-хан собрал войска чтобы сразиться с Огузом. И оба войска встретились в битве. Сражение продлилось восемь дней, и с обеих сторон было перебито множество воинов. Наконец, на восьмой

¹ Сынами (Тунджи) Огул Йагма-хан – это владетель Кашмира Тинеси оглу Йадигма в надписях Гёк-тюрок. Вероятно, Тинеси происходит от китайского Ти'ен-изи – «господа сын». Видимо, ко времени похода Огуза в Кашмир здесь жило мощное племя йагма.

день [люди Огуза] привязали верблюдов и мулов одного к другому и, выстроив в одну линию, поставили их перед воинами. Из шатров, юрт и вещей соорудили баррикаду и из-за нее они забросали их стрелами.

Так Огуз одержал победу, убил Инал-хана и захватил его страну. Отсюда он направился на свою родину (*юрт*) Уртак и Куртак. Он хотел откормить здесь своих лошадей, ибо решил завоевать северные страны. В пути он стал советоваться со своими беками и были приняты некоторые решения относительно судьбы индийских земель. Так, сначала было решено переправиться через приток Аму [дарьи] реку Пяндж-аб.

Огуз отправил послов в Гур, Гарчистан и в тамошние края, чтобы (их владетели) стали *илем*, подчинились и платили дань. (л. 591б). И если они примут [эти условия], – то прекрасно, если же нет – то будет война.

В первую очередь армия двинулась в сторону Гарчистана и туда отправили послов. Владетель Гура принял послов весьма почтительно и с уважением. Он опоясался ремнем покорности и повиновения. Сам он обязался ежегодно приезжать к Огузу и привозить дань. Он сказал [Огузу]: «Поблизости от нашей страны (*вилайет*) и вокруг нас есть много врагов».

Прежде всего Огуз отправил в ту страну сотню отборных всадников вместе с владетелем Гура. Он сказал им: «Если они станут *илем* и покорятся, то – прекрасно, а если нет, то сразитесь с ними!».

Во исполнение повеления Огуза, [его люди] обратили в *иль* и захватили страну Гур и Гарчистан вплоть до пределов Газны, Забила и Кабила (Забула и Кабула). На них была наложена подать, которую они каждый год должны присылать в казну. [Войска] победоносно и с триумфом возвратились и присоединились к Огузу. После этого они все вместе переселились в области северных стран и направились в сторону *К.р.л.* и Башгурда¹. Сначала они добрались до высокой крепости под названием Улу Багур. Здешнего правителя звали Кара-шит Ягы. Огуз одержал верх над его войсками и подчинил тамошние края.

За то, что Огуз ко всякому проявлял милосердие и любовь, и взрослые, и старшие дали ему имя «Огуз ака»².

Когда начинался поход против *К.р.л.* и Башгурдов, то к Огузу собрались люди из девяносто тысяч юртов и поэтому их стали называть *Он тогуз Огуз*. В пути Огуз обнародовал приказ о том, что «всякий, кто отстанет в пути, должен быть наказан по закону (*яса*), чтобы не отставал». Но среди них была группа весьма престарелых лиц, которые из-за старо-

1 Может быть здесь имеются в виду келары, которые в источниках проходят совместно с башкурдами.

2 Получается, что имя, полученное Огузом, содержит в себе понятие «Милосердный».

сти не были в состоянии исполнить подобные приказы Огуза. Их участие в сражениях тоже было невозможным. И, они дали знать Огузу о своей немощи и слабости. Тогда Огуз приказал: «В таком случае вы все оставайтесь здесь».

Эта местность, расположенная близ Алмалыка, называлась Ак-кая [Ак-кая, по-персидски означает «проход белой (*сефид*) горы»].

Среди этих стариков был один весьма дальновидный, умный, бывалый, постигший все житейские премудрости, которого звали Йуши Ходжа, [что на тюркском языке означает «пожилой человек», а на монгольском языке Калсан-ку. На тюркском языке пожилых называют ходжа, ибо слово ходжа в действительности тюркское, но не персидское или арабское].

У него (старика) был сын по имени Кара-Сюлюк. И сказал отец сыну: «Вы вступаете на неизвестный путь, а среди вас нет ни одного умудренного жизнью человека. Что же вы станете делать, если встретитесь с затруднениями? Не лучше ли будет, если вы возьмете меня с собой, и я когда-нибудь вам пригожусь?».

Сын ответил: «Послушай отец, как я могу противоречить повелению Огуза?». Однако, в конце концов, они прекрасно устроили его в сундуке, погрузили на верблюда и прихватили с собой.

Что касается жителей страны *К.р.л.* и Башгурд, то они были весьма необузданными и коварными. Из-за своей гордости и надменности они не склоняли свои головы ни перед одним владыкой. Огуз захватил их *падишаха* по имени Кара-шит. *К.р.л.* и Башгурды стали *илем* и обязались выплачивать дань.

После того, как они выступили оттуда, перед ними оказалась безводная пустыня, да такая, что за каплю розового масла никто не дал бы и капли воды.

Кара-Сюлюк рассказал отцу о том, что люди остались без воды, и Йуши Ходжа сказал: «Свяжите несколько коров вместе и гоняйте их до тех пор, пока они не будут падать от жажды. Затем отпустите их и когда эти коровы своими копытами начнут ковырять в каком-то месте, то это знак тому, что здесь есть вода».

Кара-Сюлюк попробовал проделать это в одном месте, появилась вода и люди утолили жажду. А когда Огуз увидел такое дело, то он одалжил Кара-Сюлюка множеством подарков и назначил его *юртчи* всего *улуса* (племени).

Отсюда они добрались до местности Ак Урук Кара Кул, расположенной на реке Атил (Итил). Здесь жители услышав о приходе Огуза, решили, что им пришел конец («мы погибли!») и бежали, бросив бесчисленное количество скота и имущества.

Когда воины [Огуза] подошли к берегу реки и стали смотреть в воду, то увидели на дне реки золотые и серебряные предметы, чаши, кувшины и котлы. Они решили нырнуть в воду и извлечь [все это], не окунувшись в воду, они ничего из виденного ими не обнаружили, и их охватили смещение и ужас.

Кара-Сюлюк рассказал об этом отцу, и тот спросил его: «Нет ли поблизости от воды какого-либо высокого места?». Кара-Сюлюк сказал: «Да, около воды растет одно старое дерево». Отец сказал: «В таком случае, все то, что виделось в воде, является отражением предметов, спрятанных на дереве».

Кара-Сюлюк отправился к берегу, внимательно осмотрел дерево и, найдя на нем спрятанные золотые и серебряные предметы, сложил их перед Огузом. По этому случаю Огуз еще раз наградил Кара-Сюлюка многочисленными подарками и оказал ему множество милостей.

Огуз думал: «Ради завоевания мира мы обойдем всю вселенную, а наш *юрт* – Талас и Сайрам остался позади. Если враги, воспользовавшись нашим отсутствием, захватят эти места, то для нас это будет позор, а для врагов – слава. Нельзя тратить капитал в надежде на хорошие проценты». И он возложил на племена уйгуров обязанность по защите этих мест. Эти племена вернулись в область Таласа и Алмалыка и расселились там для защиты этих юртов.

Взято из: Фазлаллах Рашидад-Дин. Огуз-наме. – Баку: Элм, 1987. – 128 с.

ДӘЛИ ДОМРУЛ ДАСТАНЫ

*(«Китабы дәдем Коркуд галә лисаны таифәи огузан». Бишенче
Угызнамә)*

Угыз илендә дәли Домрул диярләр, бер батыр ир бар иде. Бер сусыз корыган елга аркылы күпер салмыш иде. Күпердән кичкән һәркемнән утыз өч акча (көмеш) алып иде. Кичмәгәннән исә кыйнап кырык акча алып иде. Ни өчен болай итүен сораганның дияр иде: шуның өчен ки, дөньяда миннән батыр, миннән көчле каһарман бармыдыр, чыксын минем белән алышырга. Минем дан-шөһрәтем Рум иленә, Шам өлкәсенә, бөтен дөньяга жәелсен әйдә.

Көннәрдән бер көнне аның күпере янында бер авыл бүлгеге килеп утырды. Бу авылда бер күрекле углан хасталанып үлдә. Кайсы угыл диеп, кайсы кардәш диеп еглады. Аның хакында зур елаш купты. Дәли Домрул бу елаган тавышларны ишетеп, атын чаптырып килеп житте, диде:

– Әйя, ни булды? Минем күперем янында бу нинди ыгы-зыгы? Нигә елашасыз?

Диделәр:

– Әй, каһарман, безнең бер яхшы егетебез бар иде, үлдә. Шуңа күрә елашабыз.

Дәли Домрул диде:

– Әйя, егетегезне кем үтерде?

Дәли Домрул болай дигәндә, адәмнәр бер-беренең йөзенә бакты. Ул заманнар инсаннар белә иделәр ки, бересе үлсә, аның жанын Алланың боерыгы илә Газраил дигән бер мәләк алып. Шуңа күрә дә диделәр:

– Валлаң егет, Алла тәгаләдән боерык булды, Газраил килеп аның жанын алды.

Дәли Домрул тауларда, чүлләрдә яшәгән садә бер каһарман, гомерендә бу турыда һич ни ишеткәнә юк иде. Шуңа күрә дә хиресләнеп сорашты:

– Әйя, ул Газраил дигәнегез нинди кемсә ул, адәмнең жанын алырлык?

Йа Кадыйр Алла, берлеген, барлыгың хакы өчен ул Газраилне минем күземә күрсәт! Сугышып, чәкешеп яхшы егетнең жанын коткарыйм, – диеп күккә йөзләнде. Шулай диеп дүнде, дәли Домрул өенә кайтты. Хак Тәгаләгә Домрулның сүзе хуш килмәде.

– Бак-бак, бу дәли азгын шөкер кылмаенча. Минем олы дәрҗәһымда мин-минлек итә, – дип, Газраилгә боерык әйләде:

– Йа Газраил, бар, ул дәлинең күзенә күрен, йөзен саргайт, хырлатып жанын ал, – диде.

Дәли Домрул кырык егете белән ашап-эчеп утырганда нагяб (көтмәгәндә) Газраил пәйда булды. Аның килгәннен һичкем күрмәде дә, тоймады

да. Дәли Домрулның күрер күзе күрмәс булды, тотар куллары тотмас булды, якты көн караңгы булды. Газраил диде:

– Әйя, дәли ахмак, Газраил минем кулыма төшсә иде, үтереп яхшы егетнең жанын аның кулыннан коткара идем дип мактандың. Инде килдем, синең жаныңны алам, бирәсеңме? Әллә минем белән сугышасыңмы?

Дәли Домрул моны ишетүгә урныннан чәчрәп торды.

– Әйя, Газраил синмесең?

Газраил:

– Әлбәттә, минмен, – диде.

Дәли Домрул:

– Бу яхшы егетләрнең жанын синме аласың?

– Әйе, мин алам.

Дәли Домрул кычкырды:

– Сакчылар, тиз ишекне бикләгез. Әйя Газраил, мин сине киң жирдә табармын дисәм, тар жирдә кулыма төштең, инде мин сине үтерермен, яхшы егетләрнең жанын коткарырмын! – диде.

Кара кылычын суырып кулына алды, Газраилга чапмакчы булды. Газраил бер күгәрченгә әверелде, тәрәздән очты китте. Дәли Домрул кулын кулга шапылдатып ха-ха-хайлап көлде. Диде:

– Егетләрем, Газраилне шундый куркыттым ки, киң ишектән түгел, тар тишектән (төйнектән) качты. Әмма ул күгәрчен булып качып жанын минем кулымнан коткара алмас. Мин аны шоңкар кошым белән алдырмыйча туктамам. Торып атына менде, шоңкар кошын кулының өстенә алды. Газраилне эзәрлекләп китте. Юлда бер-ике күгәрченне күреп үтерде. Кирегә дүнөп кайтып барганда Газраил аның атының күзенә күренде. Ат өректә, дәли Домрулны күтәрде, жиргә екты. Газраил жайлы форсатны ычкындырмыйча аның күкрәгенә менеп атланды.

Дәли Домрул ялварып диде:

– Әйя, Газраил эман Тәңренең берлегенә юктыр гөман. Сине болай булырсың дип белмәдем. Төз жирдә кара-каршы килмәдең. Анда күрер идең кем-кемне жиңгәнән.

Биек-биек безнең тауларыбыз бар.

Ул тауларыбызда багларыбыз бар.

Ул багларның кара тәлгәшле йөземе бар.

Ул йөземне сыгарлар, ал шәрабы булыр.

Ул шәрабны эчкән исерек булыр.

Шәраб эчтем, тоймадым.

Ни сөйләдем, белмәдем.

Егетлектән туймадым.

Жанымны алма, Газраил, мәдәд!

Газраил диде:

– Әйя, дәли ахмак. Ни дип миңа ялварасың? Минем кулымнан ни килә? Алла тәгаләгә ялвар. Сүзең булса, аңа диген.

Дәли Домрул диде:

– Әйя, бәс жан биргән, жан алган Алла тәгаләмә?

Газраил диде:

– Әйе, улдыр.

Дәли Домрул Газраилгә:

– Син арадан чык, Алла тәгалә белән мин үзем хәбәрләшәем, – диде.

Күрәек, Дәли Домрул ни сөйләмеш:

– Бөекләрдән бөексең

Кемсә белмәс ничексең.

Бар галәмдә Әхәдсең,

Син бөек тәңре Аллаһы самәдсең.

Минем жанымны алыр булсаң, син үзең ал!

Газраилдән алдырма.

Тәңре Газраилгә белдерде, ки:

– Әйя, Газраил куй, дәли минем берлегемне белде, берлегемә шөкер кылды, үз жаны урнына башка бер жан тапсын. Аның жаны үлемнән азат булсын.

Газраил диде:

– Әйя, дәли, Тәңренең эмере болай булды ки, дәли Домрул жаны урнына жан тапсын да үз жаны үлемнән азат булсын.

Дәли Домрул диде:

– Мин ничек жан табыйм? Жаныннан кем бизсен? Мәгәр, бер карт атам, бер карчык анам бар, барып күрәек, бәлки икесенең берсе жанын биреп, минем жанымны коткарыр.

Дәли Домрул сөрдә, атасының янына килде. Атасының кулын үбеп күр, ни сөйләмеш:

– Ак сакаллы газиз, атам!

Белерсеңме ниләр булды?

Көфер сүз сөйләдем

Хак Тәгаләгә хуш килмәде.

Газраилгә эмер әйләде, очып килде

Хырылдатып татлы жаным алыр булды.

Атам синнән жан сорыймын, бирерсеңме?

Юкса угыл, дәли Домрул диеп еларсыңмы?

Атасы диде:

– Угыл, угыл, һай угыл

Жаным парәсе, угыл.

Син тугач та тугыз корбан
Бирдем сиңа, инан уғыл.
Өйләремнең терәге, син
Кыз-киленемнең бизәге, син.
Каршы яткан кара тавым кирәксә
Каршылык юк, Газраилгә жәйләү булсын.
Салкын сулы болакларым, кирәк булса,
Куй, һәммәсе Газраилгә бүләк булсын.
Көтү-көтү шаһбаз атым кирәк булса,
Менсен китсен, барчасы да аңа булсын.
Көтү-көтү дөяләрем кирәк булса,
Ни йөкләсә дә йөкләсен, аңа булсын.
Көтү-көтү куй-сарыклар кирәк булса,
Алып китсен корбанлыкка, аңа булсын.
Алтын-көмеш, мал кирәксә,
Бирәм, аңа насыйп булсын!

Из издания «Книга моего деда Коркута». 2007 г.

Әмма уғыл, дөнья рәхәт, жан газиз
Аны кыя алмыймын мин.

Сине миннән артык сөйгән анаң бар
Аннан сора, синең өчен ул фидадыр
Риза булып үз жанын, бәлки, бирер.

Дәли Домрул атасыннан терәк тапмыйча, сөрде атын, анасының яны-
на килде.

– Газиз анам, белерсеңме ниләр булды?

Хата сүзем Тәңрегә ярамады.

Әмер әйләде Газраилгә, килеп жаным алыр булды.

Ялварайдым, ахыр сонра жан урнына жан сорады.

Киттем, атам жан бирмәде, кыймам диде.

Анам, синнән жан сорыймын, миңа фида итәрсеңме?

Юкса «углым Домрул» диеп чәчләреңне йолкарсыңмы?

Елый-елый ачы яшьләр түгәрсеңме?

Анасы күрәк ни сөйләмеш:

– Уғыл, уғыл, һәй уғыл

Тугыз ай тар карнымда күтәрдегем, уғыл

Бишәкләрдә биләдегем, хан уғыл.

Татлы, баллы ак сөтемне имгән уғыл

Инде сиңа ни дияргә белмим, уғыл.

Дошманнарға әсир төшеп китсә идең, уғыл, инан

Алтын-көмеш көче белән коткарыр идем сине аннан

Әмма дөнья татлы, жан газиз

Жанымны кыя алмыймын hiç.

Анасы да жанын бирмәде.

Болай булгач дәли Домрул диде:

– Әйа, Газраил, әман Тәңренең берлегенә юктыр гөман. Сабыр ит.

– Әйа, дәли ахмак, тагы ни телисең? Ак сакаллы атаң янына бардың, ул жанын бирмәде. Син дип өзелгән анаң янына бардың, ул жанын бирмәде. Тагы кем сиңа жан бирсен?

Дәли Домрул диде:

– Хәсрәтем бардыр, Газраил, хушлашып китәем.

Газраил диде:

– Дәли, хәсрәтең кемдер?

Дияр:

– Хәлялем (никяхлы хатыным) бар. Аннан минем ике углым, амәнәтем бар, китеп тапшырыйм. Алар белән күрешеп хушлашыйм, аннан соңра минем жанымны алырсың. Дәли Домрул хатыны янына килде, диде:

– Белерсеңме ниләр булды, сөекле хәлялем минем?

Тәңре илә сүзгә килдем, кыйты булды хәлем минем

Газраилгә әмер әйләде, килеп жаным алыр булды.

Ялварайдым, ахыр чиктә, жан урнына жан сорады.

Киттем, атам жан бирмәде,

Киттем, анам жан бирмәде.

Һәр икесе болай диде:

– Дөнъя татлыдыр, жан газиз

Жанны кыя алмыйбыз без.

Инде килдем хушлашаек,

Угланчыкларым сау булсын.

Бу тауларым, жәйләүләрем,

Салкын сулы болакларым

Сиңа насыйп жәйләү булсын.

Көтү-көтү дөяләрем

Калсын сиңа кәрван булсын.

Көтү-көтү куй, малларым

Калсын сиңа корбан булсын.

Күзең кемгә төшәр исә

Күңлең кемне сөяр исә

Кит, хакың бар инан, хатын!

Әмма ике угланчыгым

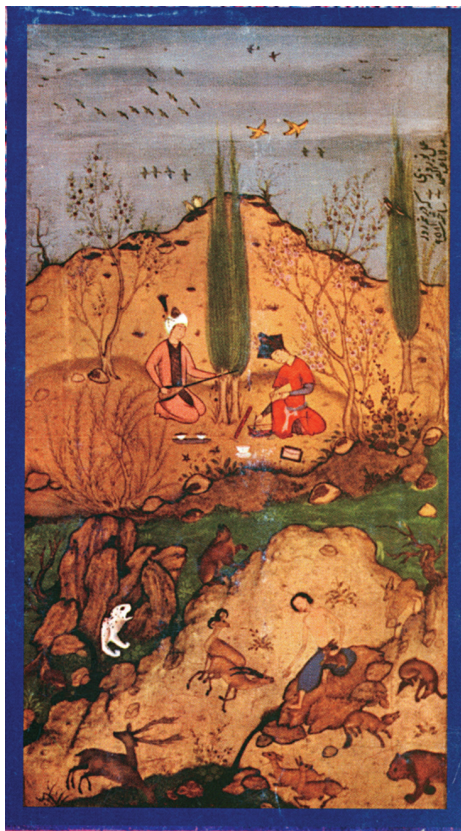
Ятим итмә, әман, хатын!

Хатыны моны ишеткәч, жаны көеп күр, ни диде:

– Ни сүзең бу, ни дисең?
 Ahh! Син ниләр сөйлесең?
 Күзем ачып күргәнем,
 Күнел биреп сөйгәнем.
 Мәрд жегетем, мәрд ирем
 Ихтыярым, сәрвәрем.
 Каршы яткан тауларны
 Син булмасаң, нишләтим?!
 Жәйләсәм, гүрем булсын
 Суык болак суларын.
 Синнән соңра нишләтим
 Эчәйсәм агу булсын.
 Жилдән житез атларны
 Синнән соңра нишләтим?
 Менсәм табутым булсын
 Синең ул атаң-анаң.
 Бер жанда ни бар, аны
 Ah, сиңа кыймаганнар.
 Бу кадәр яшәгәннәр
 Дөньядан туймаганнар.
 Жир шәһит булсын, Домрул
 Күк шәһит булсын, Домрул
 Ни диярсең, ни, Домрул?!
 Минем бу газиз жаным
 Корбандыр сиңа, Домрул!

Разый булды. Газраил хатынның жанын алмага килде. Жегетләр солтаны булган дәли Домрул чыдап тора алмады. Йөзен күккә төбәп ялварды:

– Бөекләрдән бөексең,
 Кемсә белмәс ничексең,
 Бөек Тәңре ишет син!
 Олы юллар чатында
 Каралтылар төзәмен.
 Елгаларга күпер сугып
 Озын юллар сүтәмен.
 Ачны күрсәм туйдырам,
 Якыймын юксылларны.
 Ялаңачка киём биреп
 Шатландырам анларны.
 Алырсаң, икебезнең жанын бергә ал!
 Калдырсаң, икебезнең жанын бергә калдыр!

*Из издания «Книга моего деда
 Коркута». 2007 г.*

Хак Тәгалә Газраилгә әмер әйләде:

– Дәли Домрулның атасының, анасының жанын ал. Бер-беренә бу кадәр сәдакатыле бу ике хәләлгә йөз кырык ел гомер бирдем. Алар белән эшен булмасын, күпме теләсәләр, яшәсеннәр.

Дәли Домрул үз сәдакатыле хатыны белән йөз кырык ел гомер сөрдә, бәхетле яшәде. Аларның бу бәхете һәммә кешене сөендерде, жылышып мәжлес кордылар, алкышлап котладылар.

– Ил жырчысы дәдә Коркут килде.

Кубыз чалды (тамдырада уйнады).

Алкыш әйтте, үгет бирде, дастан төзде, диде:

Бу риваять, әфсанәдер

Әмма төшен, мәгънә нидер?

Кеше рәхәт гомер сөрсә,

Кыска гомер озын булып.

Яхшы дусның сәдакате

Үлемнән дә кувәтледер.

Сәдакатыле көч берләшсә,

Үлемнән дә дәһшәтледер.

Бу дастанны төзеп куштык

Дәли Домрулның атына.

Алкыш аның мәрдлегенә,

Алкыш аның хатынына!

Бу дастанны язганга

Шигырь итеп төзгәнгә

Ишеткәнгә, белгәнгә

Саннан чыкмый килгәнгә

Әбәди алкыш булсын!

Хәятыгыз хуш булсын!

Габдерәшид Туктаров тәрҗемәсе.

РОДОСЛОВНАЯ ТУРКМЕН

Об Адаме, да будет мир над ним!

...После этого пророк Нух каждого из своих трех сыновей послал в разные земли. Сына своего по имени Хам|он послал в землю Хиндустанскую, сына своего по имени Сам послал в страну Иранскую, сына своего по имени Яфес (Яфет) послал в сторону северного полюса. И сказал он всем им троим: «Из чад адамовых, кроме вас троих, никого не осталось. Теперь вы трое селитесь в [этих] трех юртах, а когда у вас станет много сыновей, детей, – превратите эти земли в [свой] юрт|и живите [там]».

О Яфесе некоторые говорят, что он был пророком, а некоторые говорят, что он не был пророком. Яфес, по воле своего отца, покинул гору Джуди и отправился к берегам Итиля и Яика. Он прожил там двести пятьдесят лет, потом скончался.

У него было восемь сыновей; потомство от них было весьма многочисленное. Имена [его] сыновей|следующие: Тюрк, Хазар, Саклаб, Рус, Минг, Чин, Кемери, Тарых. Яфес, умирая, посадил на свое место своего старшего сына Тюрка, а другим сыновьям своим сказал: «Тюрка считайте своим государем, из повиновения ему не выходите!».

Тюрку дали прозвище «Детище Яфеса». Это был человек весьма благонравный и мудрый. После [смерти] своего отца|он ходил по разным местам и высматривал [удобные для поселения места], а потом, облюбовав одно место, поселился там. В настоящее время эта местность называется Иссык-куль.¹ [Тюрк] ввел [в обиход] кибитку (*хараъһ ѳј*). Некоторые обычаи, которые бытуют среди тюрок, пошли от него. У Тюрка было четыре сына: первый – Тутек, второй – Джекель, третий – Берседжар, четвертый – Эмлак. Когда Тюрк собрался умирать, он вместо себя сделал государем Тутека, а [сам] отправился в дальний поход.

Тутек был мудрым, могущественным|[и] добрым государем. Он установил многие обычаи, [бытующие] среди тюрок. Он был современником первого иранского ('адж'ам) падишаха Кеюмерса.² Однажды он отправился на охоту и убил дикую козу. Приготовив кебаб, он принялся есть. Кусок мяса упал из его рук на землю. И когда, подняв его, он стал есть, оно ему очень пришлось по вкусу: [это] потому, что земля там была по-

¹ По мнению В.В.Бартольда, это легендарное известие о Иссык-Куле – местопребывании мифического Тюрка – можно рассматривать как известное напоминание о пребывании огузов в Семиречье.

² Легендарный царь Ирана.

крыта солью. Он ввел [обычай] класть соль в пищу;| этот обычай солить [пищу] пошел от него. Прожив двести сорок лет и посадив на свое место сына своего Амулджа-хана, он отправился в страну, называемую «пойдешь – не вернешься». И Амулджа-хан царствовал много лет; съев свою еду и прожив свои годы, он отправился вслед за своим отцом. Умирая, он посадил на свое место сына своего Бакуй-Диб-хана.

| Значение [слова] Диб – место трона, значение [слова] Бакуй – старейшина иля (*il улубу*). Он тоже царствовал много лет, радуясь, когда видел веселие друзей и плач врагов. Затем, умирая, он посадил на свой престол сына своего Кёк-хана и скончался.

Он [Кёк-хан] тоже царствовал много лет и не сходил с пути своего отца. | Став немощным, он посадил на свое место сына своего Алынджа-хана и отправился в дальний поход.

Он [Алынджа-хан] тоже царствовал много лет. Страны (*eilâjamlar*) и народы (*il улуслар*), [которые ему достались] от предков, умножились в числе. У него были сыновья-близнецы: имя одного из них – Татар, имя другого – Могол. Когда их отец стал стар, он разделил свой юрт пополам и, отдав [его] двум своим сыновьям, скончался. После смерти Алынджа-хана| Татар и Могол царствовали, каждый в своем месте.

У Могол-хана было четыре сына: имя старшего – Кара-хан, второй – Гүр-хан, третий – Кыр-хан, четвертый – Ур-хан. Могол-хан, передав свой юрт своему старшему сыну Кара-хану, отправился в страну, куда пойдут все. Кара-хан летовал в горах Ур-таг и Кёр-таг; их теперь называют Улуг-таг и Кичик-таг. Когда наступала зима, он зимовал в устье реки Сыр, | в Кара-кумах и в Бурсуке.

О появлении на свет Огуз-хана¹

У Кара-хана от старшей жены родился сын, краше месяца и солнца. Три ночи и три дня он не сосал [грудь] своей матери. Каждую ночь этот

¹ Легенда об Огуз-хане известна в двух версиях: версия мусульманская и версия уйгурская. Легенда об Огуз-хане была широко распространена среди тюрок; устные предания о родоначальнике огузов попали в письменные источники: Диван Махмуда Кашгарского, Сборник летописей Рашид-ад-дина, Родословные Абу-л-Гази. Абу-л-Гази при изложении сказания об Огузе и его сыновьях и потомках следует Рашид-ад-дину. По вопросу о составе слова *огуз* высказано несколько мнений. П. Пеллио, вслед за И.Н. Березиным, транскрибирует это слово в форме *убуз* и сопоставляет его со словом *убуз* ‘молозиво’. В. Банг считает необходимым сохранить чтение *огуз*. Л. Лигети, предлагает следующее интересное разъяснение состава этого слова: *огуз* < *о5(к)* ‘стрела’ + *-уз* – аффикс множественного числа. Эту точку зрения разделяет и Ю. Немец. Против этого предположения выдвигалось то возражение, «что в языке орхонских надписей согласные между гласными не озвончаются, что, следовательно, *оq* и *из* дало бы *оqиз*, а не *оуиз*». И. Маркварт слово *огуз* возводит к *ok+уз*; но как уже было замечено, слово *уз* не имеет значения ‘человек’, оно значит ‘мастер’, ‘специалист’. Будберг термин *огуз* возводит к алтайскому слову **buğur ~ *huğur ~ uğur* ‘рог’.

мальчик являлся во сне своей матери и говорил: «О матушка, стань мусульманкой! А если не станешь, если [даже] я умру, [пускай] умру, но не буду сосать твою грудь».

| Родная мать не могла погубить свое дитя и уверовала в единство бога. И после этого тот мальчик стал сосать ее грудь. Его мать утаила, никому не сказала о сне, который видела, и о том, что стала мусульманкой. Это потому, что тюркский народ от Яфеса вплоть до времени Алынджа-хана был правоверным. А после того как Алынджа-хан сделался государем, у народа стало много добра и скота; он опьянел от богатства и | забыл бога; все стали неверными. Во времена Кара-хана неверие стало столь сильным, что сын, услышав о том, что его отец стал мусульманином, убивал [его]. И отец, услышав, что сын его стал мусульманином, убивал [его].

В те времена у моголов был такой обычай: пока ребенок не достигнет года, ему имени не давали.

Когда мальчику минул год, Кара-хан созвал иль | и устроил великий *той*. В день *той* Кара-хан велел принести ребенка к пирующим и, обратившись к своим бекам, сказал: «Этому сыну нашему исполнился год,

Подавляющее большинство писавших о слове *огуз* видят в нем этноним тотемного происхождения (*ökjüz* ‘бык’). А.Н. Бернштам считает, что *обуз* и *обул* не два, «а один термин в двух его исторических формах». Сам термин *обуз* возводится к слову *ökjüz* ‘бык’. Эту же точку зрения на происхождение термина *обуз* (< *ökjüz* ‘бык’) разделяет и Д. Синор и Л. Базэн. С.П. Толстов этническое имя *огуз* возводит к имени массагетского племени *аугассиев* ~ *аугалов*. Сопоставляя слово *огуз* со словом *ögzüz, ökjüz* – (омоним) ‘река’, ‘бык’, С.П. Толстов приходит к выводу, что «в основе имени *аугассиев* (-*обуз* *ов*, – *А.К.*) надо видеть массагетское слово со значением ‘река’, может быть ‘море’, *гесп.* ‘речные’, может быть ‘приморское’. По мнению Г. Рамштедта термин *огуз* является тюркским вариантом этнонима *oġrad* ‘ойрот’. – Предположение Л. Лигети представляется наиболее убедительным и обоснованным с историко-филологической точки зрения. Исходной основой собирательного этнического имени *обуз* является *об* (*ok*) ‘род’, ‘племя’ (а не ‘стрела’, как у Лигети), которое, в свою очередь, находится в прямой связи со старотюркским словом *ög* ‘мать’; к этой же основе восходят слова *обул* ‘потомство’, ‘сын’ и *обуш* ‘сородич’. Слово со значением ‘стрела’ звучало и звучит *ok*; возражение о том, что слово *ok* в сочетании с аффиксом -*уз* должно было бы дать *окуз*, а не *обуз*, не может быть принято во внимание, так как слово *ok* ‘стрела’ могло сохранять глухой согласный, как например в современном турецком языке: *ok-у* ‘его стрела’, но слово *ok* (*ob*) ‘племя’ < *ög* ‘мать’ давало озвончение; ср.: *ук* ‘род’. Таким образом, слово *обуз* первоначально могло значить просто ‘племена’, ‘объединение племен’, которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением, получившим в известных случаях определение как необходимый детерминатив: *токуз обуз* ‘девять [разных] племен’, *уч обуз* ‘три [разных] племени’. Легенда об Огуз-кагане, известная по рукописи (около 1300 г.) Национальной библиотеки в Париже, сложилась, по всей вероятности, в ту пору, когда уже было забыто истинное значение этого слова-термина (*обуз* ‘племена’). Племенной термин-этноним превращается в собственное имя легендарного предка, родоначальника племени; этому имени подыскивается подходящее по звучанию и приписываемому значению слово, которое указывает на необычность происхождения носителей этого термина – племенной аристократии, т.е. произошла персонификации этнонима.

какое же имя вы дадите ему?». Но прежде чем беки дали ответ, ребенок сказал: «Мое имя – Огуз». Стих (*bājmt*):

Этот годовалый ребенок там сразу
Обрел дар речи и сказал: «Знайте, ясно!
Мое имя Огуз – знаменитый царь!
Верно [это], знайте|все [вы], мужи доблести!».

Стар и млад, пришедшие на пир, все были поражены словами ребенка и сказали: «Этот ребенок сам назвал свое имя; найдется ли имя лучше этого?!». Ему дали имя Огуз; и еще сказали: «Никогда и никто не слыхивал и не видывал, чтобы годовалое дитя такие речи говорило». Принялись гадать, и вышло ему: |жизнь долгая, великое благополучие, обширные границы, [далеко] раскинувшиеся края [его юрта]. Когда Огуз научился говорить, он непрестанно твердил: «Аллах, Аллах!». Всякий, кто это слышал, говорил: «Он – дитя; не владея речью, не понимает, что говорит». Это потому, что «Аллах» – слово арабское, а ни один отец из моголов |не слыхивал арабского языка. Всевышний бог еще во чреве матери сделал Огуза своим любимцем (*vāli*), а потому и вложил в его сердце и уста свое имя.

Когда Огуз стал джигитом, Кара-хан дал [ему в жены] дочь своего младшего брата Гүр-хана. Когда никого не было, Огуз сказал девушке: «Есть тот, кто сотворил мир, тебя и меня. Имя его – Аллах. Знай, что он существует, знай, что он – един и |не поступай иначе, как по его повелению». Девушка не согласилась с этим. Он тотчас [ее] оставил и стал спать отдельно от девушки. Ночью он спал отдельно, а днем не разговаривал [с нею]. Спустя некоторое время, Кара-хану сказали: «Ваш сын не любит свою жену и из-за неприязни к ней с того самого дня, когда взял [ее в жены], не спит вместе [с нею]». Кара-хан, выслушав эти речи, |дал [Огузу в жены] дочь своего [другого] младшего брата Кыр-хана. И ей [Огуз] сказал: «Прими [праведную] веру». И эта девушка не согласилась, и с нею [Огуз] вместе не спал.

Спустя несколько лет после этого случая Огуз-хан отправился на охоту. Возвращаясь, он увидел, что несколько женщин на берегу речки стирают белье. Среди них была дочь Ур-хана, [третьего] младшего брата его отца. Опасаясь, что его тайна будет открыта, |он послал к девушке человека, чтобы тот поговорил с нею. Затем [Огуз] отвел девушку в сторону и, когда она дала клятву [сохранить тайну], сказал: «Мой отец дал [мне в жены] двух девушек; причина того, что я не люблю их, в том, что я мусульманин, а они – неверные. И сколько раз я ни говорил им: «Станьте мусульманками», они не соглашались. Если бы ты стала мусульманкой, я взял бы тебя [в жены]». Когда он так сказал, девушка ответила: «На каком пути ты нахо-

дишься, на том пути и я буду находиться». | Затем Огуз-хан сказал [об этом] своему отцу. Отец его устроил великий той и отдал дочь Ур-хана [в жены] Огузу. Эта девушка стала мусульманкой, и Огуз очень любил ее.

После этого прошло много лет. Однажды Огуз отправился на охоту в отдаленное место. Кара-хан, созвав всех своих жен и невесток, устроил угощение. И когда они сидели и вели беседу, [Кара-хан] спросил у своей жены: «Какая причина тому, что Огуз любит последнюю взятую им|жену и совсем не ходит к двум ранее взятым женам?». Жена его ответила: «Я не знаю. Невестки лучше знают». Когда хан спросил у невесток, старшая невестка сказала: «Ваш сын – мусульманин и говорил нам обоим: «Станьте мусульманками», а мы не согласились. Ваша младшая невестка стала мусульманкой, вот почему ваш сын ее [так] сильно любит». | Выслушав эти слова, Кара-хан созвал своих беков; стали держать совет. И порешили так: «Захватить Огуза на охоте и убить». Кара-хан послал человека к илю и [приказал] сказать: «Пусть скорее придут, я отправляюсь на охоту».

Младшая жена Огуз-хана, услышав эти речи, отправила к Огуз-хану человека, рассказав все о совете, который состоялся у Кара-хана. | Огуз-хан, услышав эти слова, тоже послал людей к илю сказать: «Отец мой, собрав войско, идет, чтобы убить меня. Те, которые за меня, идите ко мне, те, которые за моего отца, – ступайте к моему отцу».

Большая часть иля пошла к Кара-хану, меньшая часть пошла к Огуз-хану. У младших братьев Кара-хана было много детей; | никому и в голову не приходило, что они отложатся от Кара-хана. Все они пришли к Огуз-хану. Огуз-хан дал им имя уйгуры.¹ Уйгур – тюркское слово, значение его всем известно; оно значит: прилепившийся (*jaпышбур*). [Так] говорят: «Молоко свернулось» (*сүт ујуды*); когда оно было [свежим] молоком, [частицы] были отделены одна от другой, но после того как молоко прокисло, [частицы] соединились (*jaпыша туур*). | А еще говорят [так]: «Я последовал примеру имама» (*имамба ујудым*), [а это значит]: сидеть, когда имам сидит, стоять, когда [имам] стоит. А разве [это не значит] прилепившийся (*jaпышкан*)? Когда они [дети младших братьев Кара-хана] пришли и крепко обеими руками ухватились (прилепились) за полы

¹ Этимология слова уйгур, равно как и объяснения самоназваний всех других народов и племен, о которых здесь пойдет речь, были широко распространены в народе в виде сказов-легенд, откуда они попали в письменные источники. Эти народные этимологии создались уже в те времена, когда истинное значение каждого такого имени было забыто, а так как тюркские народы, равно как и другие, сохраняющие родо-племенную организацию, удерживали в коллективной памяти рода-племени свою, как правило фантастическую, родословную, то совершенно естественно, что объяснение самоназвания являлось главной составной частью такой родословной.

[одежды] Огуз-хана, хан назвал их *уйгурами*, что значит: прилепившиеся. Оба, Кара-хан и Огуз-хан, построив войска, сразились. Всевышний бог сделал победителем Огуз-хана. | Кара-хан бежал. Во время битвы в голову Кара-хана попала стрела, кто ее пустил – не известно. Кара-хан умер от этой раны. Огуз-хан воссел на престоле своего отца.¹

О царствовании Огуз-хана

Огуз-хан призвал весь иль стать мусульманами. Тех, кто стали мусульманами, он осыпал милостями, тех, кто не стал, – преследовал; их самих убивал, | [а] детей их обращал в рабов.

В те времена, кроме илей, связанных с Кара-ханом, было [еще] много других илей. Каждый большой иль имел своего особого государя; малые или присоединялись к ним. Или Кара-хана, принявшие ислам, присоединились к Огуз-хану. Огуз-хан каждый год воевал с илями, обитавшими в могольском юрте, и [всегда] выходил победителем. В конце концов | он подчинил себе всех их. Те, которые спаслись бегством, отправились к татарскому хану и укрылись [у него]. Татарский народ в те времена обитал вблизи Джурджута.² Джурджут – большая страна (*юрт*); в ней много городов и селений; находится она к северу от Хатая. Индийцы и таджики ее называют Чин-Мачин.

Огуз-хан пошел и напал на татар. Татарский хан с многочисленным войском выступил [против него]; они сразились. | Огуз-хан внезапно напал и разбил его [татарского хана] войско. В руки Огуз-ханова войска попало много добычи; для [ее] погрузки не хватило вьючного скота. Был [там] один хороший искусный человек; поразмыслив, он построил арбу. Глядя на него, все построили арбы и, погрузив [на них] добычу, возвратились [домой]. Арбу называли *канк*. До этого не было ни ее самой [т.е. арбы], ни ее названия; ее называли канк потому, что во время движения | она производит звук канк. Человека, построившего ее, прозвали *Канклы*. Весь иль Канклы – потомки того человека.

Огуз-хан в продолжение семидесяти двух лет воевал с моголами и татарами, [хотя] они одной с ним кости. На семьдесят третьем году он подчинил их всех себе и обратил в ислам. А потом пошел и взял Хатай, и Джурджут взял, и еще Тангут взял. | Таджики Тангут называют Тибетом. Затем пошел и взял Кара-Хатай. Это тоже большая страна, лица у ее жителей, как у индийцев, – черные. Она находится на берегу моря-океана,

¹ Предание о том, что Огуз в ранней молодости принял ислам и что это послужило поводом к вражде, а затем и к войне между ним и его отцом, Кара-ханом, долго сохранялось среди тюркских племен.

² Этот термин находится в связи с названием народа (джурджани), захватившего в XII в. весь северный Китай и основавшего северо-китайскую империю Цзинь.

между Хиндустаном и Хатаем. Зимой она находится к востоку от Тангута, а летом к югу [от него].

По ту сторону Хатая, на берегу моря в неприступных горах|было много илей. Государя их звали Ит-Барак-хан. [Огуз-хан] пошел на него войною. Они сразились; Ит-Барак-хан вышел победителем. Огуз-хан бежал. По эту сторону от места, где произошла битва, протекали две большие реки. [Огуз-хан], пробыв несколько дней между этими двумя реками, собрал остатки своего разбежавшегося войска.

У великих государей [тех времен] был обычай:|выступая в дальний поход, брать с собою жен; некоторые из нукеров также брали [жен]. Один из беков Огуз-хана выступил [в поход], взяв [с собой] жену. Сам он погиб в битве; жена его спаслась и нагнала хана между [теми] двумя реками. Она была беременна; у нее начались родовые схватки; день был холодный, а жилья, в котором можно было бы укрыться, не оказалось;|она родила ребенка в гнилом [дуплистом] дереве.

Когда дали знать об этом хану, хан сказал: «Его отец погиб на моих глазах; у него нет заступника», – и усыновил его; он дал ему имя Кыпчак. На древнем тюркском языке дуплистое дерево называли *кыпчак*; так как тот ребенок родился в дупле, ему дали имя Кыпчак. В настоящее время дуплистое дерево называют *кыпчак*.|Простой народ, по причине неправильности языка, «каф» произносит, [как] «чим»; так «кыпчак» произносят «чыпчак».

Хан вырастил этого ребенка на своих руках. После того как он стал джигитом, Урусы, Олаки, Маджары и Башкурды возмутились [против Огуз-хана]. Дав Кыпчаку много илей и нукеров, [хан] послал [его] в те края, на берега Тина и Итиля. Триста|лет царствовал Кыпчак в тех местах. Все кыпчаки – его потомки. Со времен Огуз-хана и вплоть до времен Чингиз-хана на Тине, Итиле и Яике, на берегах этих трех рек, других илей, кроме кыпчакского, не было. Они жили в тех местах в течение четырех тысяч лет. Поэтому те места и называют *Дешт-и кыпчак* – Кыпчакская степь.

|Когда Чингиз-хан пошел [войною] на Иран и Туран, государем этих стран был Султан Мухаммед-хорезмшах. Столицей его был Ургенч. Не будучи в состоянии сразиться с Чингиз-ханом, он бежал и направился в Мазандеран. Чингиз-хан, захватив Бухару, Самарканд и Ташкент, послал на Ирак, Гилян, Мазандеран, Азербайджан и Гюрджистан (Грузия)|тридцать тысяч человек во главе с двумя своими беками по имени Джебе-ной-он и Субеэтай-бахадур. Своего младшего сына Тули-хана он послал на Хорасан с пятьюдесятью тысячами человек. Своего старшего сына Джучи-хана, своего второго сына Чагатай-хана, своего третьего сына Угедей-хана, всех троих с восьмьюдесятью тысячами человек он послал на

Ургенч, потому что он был столицей Султана Мухаммеда-хорезмшаха и местом, где жили нукеры и [хранилась] казна. |[В то время] в Ургенче хорезмшаха не было. *Султаны* (сыновья хорезмшаха), укрывшись в городе, из-за мирских благ и ради своей веры, восемь месяцев сражались [с моголами]. На девятый месяц сыновья Чингиз-хана взяли город и предали жителей поголовному избиению.

Чагатай и Угедей повернули и направились к своему отцу в Термез, а Джучи с приданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. |Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших, [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштыкам. Большая часть иштыков теперь является потомками тех кыпчаков. Кыпчаки, обитавшие между Итилем и Тином, рассеялись на [все] четыре стороны. Большинство из них ушло в юрт Черкесов и Туманов.

Джучи-хан, взяв в плен [всю] кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. |Из могольской [страны] он переселил сюда свою семью (*öj*) и все или, которые дал [ему] отец. Из каждого *уруга* узбеков были переселенцы в кыпчакский юрт.

Затем Джучи-хан умер; [его] юрт достался его сыну Саин-хану. Двадцать четыре человека из потомков Джучи-хана царствовали в этом юрте. В его [Саин-хана] время этот юрт называли Саин-хановым юртом.

|Потом этот юрт достался Мангытам. Первым из них был Идуки-бий, из рода Ак-Мангыт, сын Кутлы-Кайалы. После этого [юрт этот] называли Мангытовым юртом.

В 1040 г. (= 1630–1631 г.н.э.) с *северной стороны*, из иля калмыков, прибыло десять тысяч кибиток (*öjlik*) – имя их государя Örlök – и поселились в юрте мангытов. В настоящее время, в 1071 г. (= 1660–1661 г.н.э.), в год мыши, |этот юрт называется Калмыкским юртом.

Подлинно, этот мир похож на караван-сарай, [а] чада адамовы похожи на караван: одни кочуют, другие останавливаются на стоянку.

Огуз-хан, спустя семнадцать лет после того как он был побежден Ит-Барак-ханом, снова предпринял поход и сразился с Ит-Барак-ханом; победив, он убил Ит-Барак-хана и захватил его юрт. Он не тронул тех, кто стали мусульманами; тех, кто не уверовали в бога, |он убивал, а детей их обращал в рабов. [Затем Огуз-хан] возвратился в свой дом.

О походе Огуз-хана на Туран и Хиндустан

Огуз-хан, собрав воинов всех могольских и татарских илей, пошел на Талаш и Сайрам. Государи Ташкента, Самарканда и Бухары, не будучи в состоянии сражаться, построив войско [в открытом поле], заперлись в больших городах и в сильных крепостях. Огуз-хан сам занялся

осадой Сайрама и Ташкента, | своих сыновей послал на Туркестан и Андижан. За шесть месяцев они взяли Туркестан и Андижан и вернулись к отцу. Огуз-хан, назначив во все названные вилайеты правителей – *даруга*, пошел на Самарканд. Взяв Самарканд и назначив даругу, он пошел на Бухару. Взяв Бухару и назначив даругу, пошел на Балх. Взяв Балх и назначив даругу, двинулся на вилайет Гур. Была зима, дни стояли очень холодные, в горах Гура | выпало много снега, и войнам трудно было передвигаться. Хан приказал: «Пусть никто не отстает от меня», пошел и взял Гур.

Подул [теплый] ветер, настала весна. [Огуз-хан] произвел поверку войска и не досчитался нескольких человек; [хан] спросил о них, но никто [ничего] не знал. Спустя несколько дней эти люди пришли к хану. Когда хан спросил у них о том, что случилось, они рассказали: «Мы, несколько человек, шли позади войска. | Однажды ночью в горах выпал глубокий снег, а потому мы не могли идти и остановились там. Все наши лошади и верблюды пали. Когда же настала весна, мы пришли [сюда] пешком». Хан приказал: «Пусть этих людей называют *карлыками*.» Весь карлыкский иль – потомки этих людей.

После этого он завоевал Кабул и Газнин; затем пошел на Кашмир. В ту пору государем Кашмира | был Йагма. В Кашмире много неприступных гор и больших рек; полагаясь на это, Йагма не [пожелал] подчиниться Огуз-хану. Бились целый год; с обеих сторон погибло много людей. В конце концов Огуз-хан взял Кашмир, Йагму убил, а войско его предал поголовному истреблению. Пробыв там некоторое время, он пустился [в обратный путь]; через Бадахшан он пришел в Самарканд, [а] оттуда направился в Моголистан и прибыл к себе домой.

О возвращении Огуз-хана в свой юрт и о тое

«Я вместе с детьми моими и народом моим здрав и невредим пришел [в свой юрт]», – сказал [Огуз-хан] и велел приготовить все необходимое для великого тоя, и еще приказал построить большую палатку (*харагâh*), все деревянные части которой были покрыты золотом и украшены рубинами, яхонтами, | изумрудами, бирюзой и жемчугом. Для восхваления той кибитки (*öj*) были сложены эти стихи:

Воздвиг из золота кибитку тот властелин,
Кибитка эта затмила небесный свод.

[Огуз-хан] велел зарезать десять тысяч баранов и девятьсот лошадей. Он приказал сделать из юфти девяносто девять *хаузов*, девять из них велел наполнить *араккой*, а девяносто – *кумысом*. | Созвал всех своих нукеров. Своим шести сыновьям преподал много добрых советов, а бекам,

сделав внушение, пожаловал страны (*jurm*), города (*шаһар*), или и подар-
ки. Для его восхваления были сложены эти стихи:

На том тое Огуз [всем] удовольствие доставил:
Наградил (этих) своих шестерых сыновей, [ибо]
Они проявили [много] мужества
И вместе с отцом много мудрости.
Отцу они были соратниками:
В дни битв|все они были [с ним].

Затем он одарил всех своих нукеров по их заслугам в сражениях, на-
бегах и делах – городами, пограничной службой (*сәрхадлар*), селениями
(*кәнд*) и подарками. А своим сыновьям сказал: «Вы, трое старших, [ко-
торые] нашли и принесли золотой лук и, сломав, разделили его между
собой, будете называться *Бузук*. Потомство, которое будет у вас, пусть|до
самого судного дня также называется бузук. Трое младших сыновей, ко-
торые принесли три стрелы, и те, кто произойдет от них, от сего дня и
до скончания мира пусть называются *Учук*. Лук и стрелы, которые вы на-
шли и принесли, были не от людей, а были от бога. Люди, которые жили
прежде нас, лук считали государем, а стрелы – послом. Это потому, что в
какую сторону лук направит стрелу, стрела|туда и полетит.

«Теперь, после моей смерти, на мой трон пусть сядет Күн-хан. А по-
сле него народ пусть сделает государем того, кто окажется [наиболее]
способным из потомства бузуков; пусть до окончания мира государями
будут лучшие из бузуков. Прочие из них пусть садятся направо, а учу-
ки – налево. Пусть они садятся на левую сторону кибитки и|пусть до
скончания мира довольствуются положением нукеров».

[Огуз-хан] царствовал сто шестнадцать лет, [а затем] отправился
[туда, где] милосердие божие.

О царствовании Күн-хана, старшего сына Огуз-хана

У старейшины и аксакала племени (*джамā'at*), которому Огуз-
хан дал имя уйгуры, был сын по имени Эркиль-ходжа. Пока Огуз-хан
сидел на троне своего отца,|у него везиром до самой смерти был этот
[Эркиль-ходжа]. Это был человек умный, сведущий и многознающий.
И Күн-хан сделал его [своим] везиром и до самой своей смерти поступал
по его словам. Эркиль-ходжа обрел долгую жизнь.

В один из дней, когда хан был один, [Эркиль-ходжа] сказал ему: «Твой
отец в течение ста шестнадцати лет в летнюю жару не сидел в тени, а в
зимние холода не садился в кибитку.|Он мечом завоевал много стран и,
оставив их вам, шестерым, ушел. Если вы шестеро и те, которые прои-

зойдут от вас, все будете единогодушны, то долгие годы и многие дни эти страны не уйдут из ваших рук. Но если вы не будете единогодушны, то и завоеванные вами страны (*олджа журт*) уйдут [от вас], и ваши родовые юрты (*бајыры журт*) уйдут, и добро и жизнь ваша уйдут». Кўн-хан|сказал: «Вы давали советы моему отцу, теперь вы мне вместо отца, вы – мой отец, и я буду делать то, что вы одобрите». Эркиль-ходжа сказал: «От Огуз-хана осталось много стран, городов, илей, добра живого и неживого. У каждого из вас, шестерых сыновей, по четыре сына, всего двадцать четыре царевича (*надішаһзада*),|кроме вас шестерых; я [вот] чего боюсь: вы из-за мирских благ утратите единогодушие».

Кўн-хан внял словам Эркиль-ходжи и устроил великий курултай. Когда весь народ, хорошие и плохие, [все] собрались, он роздал оставшиеся после Огуз-хана вилайеты, или, все добро неживое и живое тем названным тридцати царевичам, [давая] старшим большую долю, младшим –|меньшую. Эти двадцать четыре сына были от законных жен; кроме них, было много еще сыновей от наложниц (*кома*). И им, по их положению, дали кое-что.

Затем он велел поставить золотую кибитку, которую приказал сделать [еще] Огуз-хан. По правую сторону приказал поставить шесть белых палаток (*јргә*) и по левую сторону шесть белых палаток. И еще, по правую сторону велел установить|шесть в сорок *кулачей*, на вершине которого приказал укрепить золотую курицу [шар]. И еще, по левую сторону велел установить шесть в сорок кулачей, на вершине которого приказал укрепить серебряную курицу [шар]. По приказу хана, мчась на конях, бузуки со своими нукерами стреляли в золотую курицу, [а] учуки со своими нукерами стреляли в серебряную курицу. Тех, кто попал в курицу, он щедро одарил. Кўн-хан, поступая так, как делал его отец, велел зарезать девятьсот лошадей и девять тысяч баранов; девять|хаузов из юфти приказал наполнить аракой, а в девяносто хаузов из юфти велел налить кумысу. Они пировали сорок дней и [сорок] ночей.

Об именах сыновей и внуков Огуз-хана

Пусть они пьют и едят теперь, а мы поведем речь об именах потомков, происходящих из рода (*әтәк*) Огуз-хана. О них мы уже говорили, хоть это и так,|мы [все же] считаем нужным сказать в одном месте о его детях, о его внуках, обо всех их вместе.

Имя старшего сына Огуз-хана – Кўн-хан; имя того, кто младше [Кўн-хана], – Ай-хан; имя того, кто младше [Ай-хана], – Йулдуз-хан; имя того, кто младше [Йулдуз-хана], – Көк-хан; имя того, кто младше [Көк-хана], – Таг-хан; имя того, кто младше [Таг-хана], – Тенгиз-хан. У каждого из этих шести было по четыре сына от законных жен.

| Имя старшего сына Күн-хана – Кайы, второй [сын] – Байат, третий – Алка-ойли, четвертый – Кара-ойли.

Имя старшего сына Ай-хана – Йазыр, второй сын – Йасыр, третий – Дудурга, четвертый – Дукер.

Имя старшего сына Йулдуз-хана – Авшар, второй [сын] – Кызык, третий – Бекдели, четвертый – | Каркын.

Имя старшего сына Кёк-хана – Байындыр, второй [сын] – Бечене, третий – Чавулдур, четвертый – Чепни.

Имя старшего сына Таг-хана – Салор, второй [сын] – Имир, третий – Ала-йонтлы, четвертый – Урегир.

Имя старшего сына Тенгиз-хана – Игдир, второй [сын] – Бүкдүз, третий – Ава, четвертый – Кынык.

| [Теперь] назовем имена сыновей, родившихся у этих шести сыновей Огуз-хана от наложниц. Однако какой из них от [какого] из сыновей [Огуз-хана] – неизвестно. [Вот их имена]: Кене, Күне, Турбатлы, Гирейли, Султанлы, Оклы, Кёкли, Сучлы, Хорасанлы, Йуртчы, Джамчи, Турумчи, Кумы, Соркы, – его [потомков] теперь называют сорхы, – Курджык, Сураджык, Караджык, Казыкурт, | Кыргыз, Тикин, Лала, Мурдашуй, Сайыр.

Теперь назовем несколько илей, которым Огуз-хан дал имя, но которые не происходят из его рода (*näcl*); однако они были на том тое и по этой причине их имена записаны в книге. Имена их следующие: Канклы, Кыпчак, Карлык, Калач.

О распределении Күн-ханом |мест между своими младшими братьями и сыновьями

Теперь расскажем о тех, кто сидел в двенадцати палатках (*үргä*), кто какую часть (*үлүш*) [барана] получил, кто резал эту часть на куски и кто оставался у палаток держать лошадей.

В золотой палатке на почетном месте (*mör*) воссел Күн-хан. Лучшие люди иля с общего согласия, взяв баранью голову, спину, заднюю | филейную часть и бок и положив их на спинные кости и ребра барана, поднесли Күн-хану и сказали: «Пусть эти части [барана] будут того, кто станет ханом». У внутренних дверей палатки сидел Эркиль-ходжа. Перед ним положили переднюю часть и сказали: «Пусть эта часть будет того, кто станет везиром».

По правую руку в первой палатке посадили Кайы, старшего сына Күн-хана; | [ему] дали правую голень задней ноги, Байат резал ее; Соркы держал лошадей; теперь его [потомков] называют сорхы.

Во второй палатке посадили Алка-ойли; [ему] дали голень правой передней ноги; Кара-ойли резал ее; Лала держал лошадей.

В третьей палатке посадили Йазыра, старшего сына Ай-хана; [ему] дали правый бок; Йасыр|резал его; Кумы держал лошадей.

В четвертой палатке посадили Дудургу; [ему] дали правый окорок; Дукер резал его; Мурдашуй держал лошадей.

В пятой палатке посадили Авшара, старшего сына Йулдуз-хана; [ему] дали правое бедро; Кызык резал его; Турумчи держал лошадей.

В шестой палатке посадили Бекдели; [ему] дали правую лопатку; Каркын резал ее; Караджык держал лошадей.

По левую сторону в первой палатке посадили Байындыра, старшего сына Кёк-хана; [ему] дали левое бедро; Бечене резал его; Казыкурт держал лошадей.

Во второй палатке посадили Чавулдура; [ему] дали левый бок; Чепни резал его; Канклы держал лошадей.

В третьей палатке посадили Салора, старшего сына Таг-хана; [ему] дали голень задней левой ноги; Имир резал ее; Калач держал лошадей.

В четвертой палатке посадили Ала-йонтлы; [ему] дали левый окорок; Урегир резал его; Тикин держал лошадей.

В пятой палатке посадили Игдира, старшего сына Тенгиз-хана; [ему] дали голень передней левой ноги; Бүкдүз|резал ее; Карлык держал лошадей.

В шестой палатке посадили Ава; [ему] дали левую лопатку; Кынык резал ее; Кыпчак держал лошадей.

О значении двенадцати йузликов и двадцати четырех аймаков

О, внимающие старцы и разумеющие юноши, обратите сердца ваши к этим словам, внимайте им, вникните в эти слова!

| Минувших дней *бахши* и знатные люди из туркмен, проводившие жизнь в битвах, рассказывают следующее.

У Огуз-хана было двадцать четыре внука, которые родились у его шести сыновей от законных жен. Күн-хан посадил их по двое в отдельные палатки; они составили двенадцать *бөлүков*. Потомство, народившееся от этих двенадцати [бөлүков], называли *йузлик*, Это потому, что лицевая (*jüz*) часть всякой вещи|лучше ее оборотной стороны, и, следовательно, йузлики это те, кто обращается к лицу (*jüz*) иля и народа (*халк*).

И тех, кому Огуз-хан нарек имена, равно как и внуков, рожденных от наложниц, тоже было двадцать четыре человека. Имена всех их, одно за одним, мы уже называли выше. Все они заняли места у кибиток (*öj*); двенадцать из них держали лошадей и двенадцать сидели у дверей.

| Родившихся от этих двадцати четырех называли *аймак*, корень [этого слова] есть *омак*. Обычно все простолюдины (*кара улус*) не могут произнести слово полностью, а произносят [только] половину

его. Даже в настоящее время, когда человек спрашивает человека, он спрашивает так: «Ты из омака какого иля?». Омак – слово монгольское. В настоящее время калмыки тоже говорят омак. Значение [слова] омак – *уруг*.|Вот, что значат у туркмен двенадцать йузликов и двадцать четыре аймака.

О значении имен внуков Огуз-хана, об их тамгах и онгонах (куш)

Все мудрые старцы из туркмен, которые знают историю, так рассказывают о значении имен двадцати четырех внуков Огуз-хана, сидевших в двенадцати палатках (*ýrgä*), и о том, какие у них тамги, и о названии птиц, ставших у них онгонами.

Значение [имени] *Кайы* – | крепкий, знак его тамги – , онгон его – кречет. Значение *Байат* – богатый, знак его тамги – , онгон его – сова. Значение *Алка-ойли* – соответствующий, знак его тамги – , онгон его – мышелов. Значение *Кара-ойли* – где бы ни остановился, [всюду] в палатке живет, знак его тамги вроде нагайки – , онгон его – коршун [?].|Значение *Йазыр* – старший в иле, знак его тамги – | , онгон его – копчик. Значение *Йасыр* – все, что ни окажется перед ним, он опрокидывает, знак его тамги – , онгон его – перепелятник. Значение *Дудурга* – тот, кто умеет завоевывать страны и удерживать их за собой, знак его тамги – , онгон его – красный ястреб. Значение *Дукер* – круг, знак его тамги | – , онгон его – коршун. Значение *Авишар* – проворный в работе, знак его тамги – , онгон его – белый сокол [самец]. Значение *Кызык* – герой, знак его тамги – , онгон его – сарыч. Значение *Бекдели* – его речь уважаема, знак его тамги – , онгон его – ворон [?]. Значение *Каркын* – хлебосольный, знак его тамги – //, онгон его – беркут [?]. Значение *Байындыр* – обладающий мирскими благами, знак его тамги – , онгон его – белый сокол. Значение *Бечене* – делающий, знак его тамги – , онгон его – пестрый сокол. *Чавулдур* – честный, знак его тамги – , онгон его – хумай [?]. Значение *Чепни* – богатырь, знак его тамги – , онгон его – хумай.¹ Значение *Салор* – вооруженный саблей,|знак его тамги – , онгон его – беркут. Значение *Имир* – богатейший, знак его тамги , онгон его – [?]. Значение *Ала-йонтлы* – имеющий пегую лошадь, знак его тамги вроде колыбели – , онгон его – копчик [?]. Значение *Урегир* – добродетельный, знак его тамги – , онгон его – ястреб. |Значение *Игдир* – великий, знак его тамги – , онгон его – ястреб. Значение *Бүкдүз* – услужливый, знак его тамги – , онгон его – балобан. Значение *Ава* – высокостепенный, знак его тамги – , онгон его – белый сокол. Значение *Кынык* – почтенный, знак его тамги – , онгон его – ястреб [самец].

¹ Хумай – мифическая птица (Л. Будагов. Ср. словарь, Т. II, с. 315).

[О Сельджук-бае]

После этого много илей во главе с Сельджук-баем, [происходящим] из царствующего уруга Кынык огузского иля, кочуя, |пришли к городу Ходженту, что на берегу Сыра; там они обитали много лет, [а потом] отправились в вилайет Нур; пробыв там сто лет, откочевали и направились к Ургенчу. Не имея возможности осесть в Ургенче, они откочевали и направились в Хорасан и расселились от Мерва до Балхан. В те времена Хорасан был в руках внуков султана Махмуда Газневи. |[Это] было в то время, о котором говаривали: «Наполнилась чаша их державы и перелилась через край».

Сельджуки взяли город Мерв-и Шахиджан и сделали государем Тогрул-бека. Алп-Арслан, султан Меликшах и Санджар-Мази, |[все] они из этого племени (*джама'ат*).

Нет нужды нам передавать повествования об этих государях, [ибо] наши предшественники, чтобы поведать о происхождении этих государей, сочинили столько книг, |что им счет знает точно [один] всевышний бог. Сельджуки, заявляя: «Мы туркмены, мы [ваши] братья», не принесли пользы ни илю, ни народу. До того как стали государями, они говорили: «Мы – из туркменского уруга Кынык». А после того как стали государями, говорили: «Сын Афрасиаба бежал от Кейхосрова и прибыл к туркменскому уругу Кынык, там он вырос и [навсегда] остался. Мы его потомки, |мы из рода (*nāsl*) Афрасиаба». Считая своих предков, они в тридцать пятом поколении доводят [их] до Афрасиаба.

После Кукем-Бакуя и Серенка огузский иль уже не мог самостоятельно поднимать и сажать [на престол] государей. Те из огузского иля, которые обосновались на Мангышлаке и Балхане, подчинялись тому, кто был государем в Ургенче. Те, кто обитали в Хорасане, подчинялись тому, кто был государем в Хорасане. Те, кто жили |в Мавераннахре и других юртах, были в таком же положении.

О предках, младших братьях и потомках Салор-Öğürджик-алпа

Когда [произошел] разгром Шахмелика, иль салоров во главе с Дингли-беком отправился в Ирак; после того как они прожили там много лет, в их среде появился благородный джигит по имени Öğürджик.

Люди из туркмен, сведущие в истории, доводят |Öğürджик-алпа в шестнадцатом поколении до Огуз-хана. А считают они так: отец Öğürджик-алпа – Кара-Гази-бек, его отец Карадж, его отец Бенам-Гази, его отец Бурыджы-Гази, его отец Кылал-Гази, его отец Инал-Гази, его отец Сулейман-Гази, его отец Хайдар-Гази, его отец Öткүзли Урус, |его отец Казан-алп, его отец Энкеш, его отец Эндер, его отец Ата, его отец Тимур, его отец Салор, его отец Таг-хан, его отец Огуз-хан.

Эти слова есть чистейшая ошибка, так как со времен Огуз-хана до сего времени прошло пять тысяч лет. Со времен Öğürджика до сего времени прошло пятьсот, шестьсот лет. |Между Огузом и Öğürджиком – четыре тысячи четыреста лет. Шестнадцать поколений проходят за четыреста, самое большое, за четыреста пятьдесят лет. Так, где же имена предков Огурджика, которые жили в течение четырех тысяч лет? То, что записанные выше шестнадцать человек являются потомками Огуза, – верно; то, что они являются предками Öğürджика, – тоже верно. Однако в запись вносили [только] того человека, который в иле |приобретал известность, неизвестных людей не записывали. [Один] бог знает имена [тех] пятнадцати-двадцати людей, которые остались незаписанными между каждым из тех людей, которые оказались записанными. Вот поэтому-то я и говорю, что между Огузом и Öğürджиком прошло четыре тысячи четыреста лет.

Если в каждое тысячелетие, по-видимому, проходит сорок поколений, [значит] |должно было пройти двести поколений. А как быть с теми, кто ошибается?! [Один бог] может не дать забыть коловращения и [состояния] дел этой небесной сферы; при нем [при его помощи] это – легко. Ошибочность этих слов заключается еще и в том, что Салор-Казана через шесть поколений на седьмом они доводят до Огуз-хана. А теперь, читающие и внимающие этим словам, поразмыслите хорошенько: Огуз-хан |жил за четыре тысячи лет до нашего пророка, а Казан-алп триста лет спустя после нашего пророка. На старости лет он отправился в Мекку и, став хаджи, вернулся. Итак, каким же образом в шестом поколении Салор-Казан может дойти до Огуз-хана?! И еще, Салор-Казан жил в одно время с Коркут-ата [из иля] Кайы. Вот *тартым*, в котором Коркут-ата восхваляет Салор-Казан-алпа:

|Они перекачивали камни, [лежавшие] в ущелье через горы Казыкурт;
Пойдя навстречу, Салор-Казан схватил [их].

Его увидели Ит-бечене и лишились рассудка от [страха].

Видел ли кто [таких] богатырей, беков, как Казан?!

Положил он в один котел мясо сорока одной лошади,

Взял он тот котел в левую руку;

Правой рукой оделял он [мясом] иль.

Видел ли кто [таких] богатырей, беков, как Казан?!

С синего неба спустился живой змий,

Стал пожирать каждого, [кого] увидит.

|Салор-Казан, не давая пощады, отрубил ему голову,

Видел ли кто [таких] богатырей, беков, как Казан?!

С тридцатью-сорока тысячами воинов Казан выступил [в поход];

Разбил он или Ит-бечене и вернулся [домой].

[Лишь] некоторые из них спаслись, испросив пощады.
 Видел ли кто [таких] богатырей, беков, как Казан?!
 Райятам из тюрок и туркмен, арабов [и] персов,
 [Всем] мусульманам Казан оказывал покровительство;
 Во многих случаях побивал он неверных.
 Видел ли кто [таких] богатырей, беков, как Казан?!
 | У него переняли [военное] искусство все великие,
 Некоторым [из них] он дал место по правую и по левую руку;
 Нам он выделил [самое] достойное место из всего иля.
 Видел ли кто [таких] богатырей, беков, как Казан?!
 Странник Коркут, знай, теперь ты скоро умрешь;
 Сотвори молитву за счастье Казана!
 Караван ушел, ты сильно запоздал, отправляйся в путь!
 Видел ли кто [таких] богатырей, беков, как Казан?!

Теперь поведем повествование об Öгүрджике. В то время в Ираке был кочевой | народ – байындырский иль. Öгүрджик-алп послушался повеления байындырского бека. Байындырский бек озлобился против Öгүрджика. У Öгүрджика не было силы сражаться с байындырами. Со своим илем в тысячу кибиток он бежал из Ирака и пришел в Шемаху; девятьсот кибиток было салорских, сто кибиток – каркынских. | Он хотел поселиться там, [но], боясь байындыров, пошел в Крым. Откочевав оттуда, он перешел реку Итиль и пришел к реке Яик. В те времена в местностях, называемых Ала-Кенк и Кара-Каш, обитал народ Канклы. Хана [этого народа] звали Көк-Тонлы. Прибыв к нему, [Öгүрджик] прожил [там] несколько лет. В конце концов, поссорившись и с ним, он бежал [от него]. Көк-Тонлы | настиг его и захватил у него семьсот кибиток. [Öгүрджик] с тремястами кибиток бежал и пошел в Мангышлак; три года он пробыл в местности, называемой Карахан. Көк-Тонлы не знал, куда ушел Öгүрджик. Спустя три года, прослышав [об Öгүрджике], он выступил в поход. Öгүрджик, прослышав, что он выступил в поход, вместе со своим илем спасся бегством и пошел к Балханским горам.

| Вот *тартым*, который пропел тогда Öгүрджик:

Бежав от хана канклов, я отправился к югу,
 Пройдя поля и степи, обошел я с востока [то] место,
 Я приказал выступить в путь тем, кто знает поля и земли;
 Я сделал удобной дорогой две обвеваемые ветрами
 и покрытые снегом вершины (?)

Мехами, мехами устал я... поля.

Тыл обратив к противнику, я подтянул мои силы;
 На своей пегой лошади проехал я по горной дороге.

Я основал юрт от Кабаклы до Алета (Алта),
| Когда, подняв шум, вслед за мною подошли враги;
С головой, [полной] забот, я приказал тугому луку взяться за дело.
За кровь и гной – победа! На стрелы я пролил кровь,
На острый булат, [который], если ударит, – разит,
я приказал привязать знамя.
Обнажив свой меч, я нагибался, – и выкапывал колодец.
Прозимовав в долине, пролетовав в степи, я перевалил цепи гор.
Когда он натянул свой лук, я прибыл к черной горе (?).
Какая бы кучка людей не устраивала той, я присутствовал там.
Так как они принесли златоглазого зайца (?).
Я [в качестве] всех различных тамг дам ножку гуся(?).

| У Кара-Гази-бека было четыре сына: первый – Öгүрджик-алп, второй – Суварджик, третий – Дудык, четвертый – Кабаджык. О потомках этих четырех, о каждом в отдельности, если будет угодно богу, мы [еще] расскажем.

У Öгүрджика было шесть сыновей; каждые двое из них были близнецами: они трижды, друг за другом рождались двойнями. Имена их таковы: Берди и Бука – одна двойня, Авсар и | Кусар – одна двойня, Йаджы и Дингли – одна двойня.

У Берди было двое сыновей: одного звали Кулмы, другого – Кул-хаджи. Потомки Кулмы – или Йомут и Калтак.

И у Йомута было двое сыновей: одного звали Öзли-Тимур, другого – Кутлу-Тимур. А у Öзли-Тимура было три сына; имена их следующие: | Иса, Муса и Бахрамшах. И у Кутлу-Тимура было три сына; имена их следующие: Джуны, Ширан и Куджык.

У Арсари-бая, сына Кул-хаджи, было три сына: Инал-Гази, Зейнал-Гази и Мустафа-Гази. У Инал-Гази было двое сыновей: одного из них звали Тура, другого – Сокман. Лайна и Джаршанкы – | потомки этих двух [сыновей Инал-Гази]. Потомки Зейнал-Гази – Кара и Бакаул. Потомки Мустафа-Гази – *Улуг-түпнә* и Гүнеш. Потомки Бука – *Ички-салоры* – внутренние салоры.

А еще в одном сочинении (*намә*) так сказано. В салорском иле был человек по имени Энкеш. Жену его звали Джаджаклы. Имя их сына было Казан-Салор, | прозываемый также Казан-алпом.

В то время у иля Бечене был государь по имени Тоймадук. Он пришел, напал на жилище Энкеша, взял в плен Джаджаклы и увез [с собой]. Спустя три года Энкеш, отдав за [нее много] добра, сумел вернуть ее. Через шесть месяцев после возвращения Джаджаклы домой она родила младенца – мальчика. «Откуда ты взяла этого мальчика?», – сказал | Казан-алп сво-

ей матери, ударил [ее] палкой и поранил ей голову. Джаджаклы сказала: «Пришел враг; когда стемнело, ты убежал, побледнев [от страха]; сев на верблюда, я хотела было ехать вслед за тобой. Приложив все усилия, ит-бечене по моим следам настиг [меня], схватил за голову моего верблюда. Внутри его [ит-бечене] закипело, сам он покраснел, сел на меня, позабавился, отнял у меня волю; от него я понесла этого мальчика». | Так как этот мальчик происходил из иля Ит-бечене ему дали имя Ирек. Среди тюрок существует такой обычай: собакам дают имя Ирек [или] Серек.

У Ирека был сын по имени Арыклы. Говорят, что ички-салоры потомки Арыклы. Нас в те времена не было; правду и неправду [только] бог толком | знает. Если [это] неправда, грех за это [пусть падет] на шею тех, кто рассказывал [об этом] раньше нас.

Потомки Авсара – Таракима-салоры. Потомки Дингли – народ Джабы. Потомки Йаджы в настоящее время живут на берегу реки Аму, близ Кара-Куля; еще и теперь их называют йайджы. Мы рассказали о потомстве пяти сыновей Ögürджика. | Однако потомство, оставшееся от его сына по имени Кусар, неизвестно.

Теперь расскажем о потомках младших братьев Ögürджика. У Суварджика был сын по имени Хуршид. Иль Олам-ургенчли – потомки Хуршида. Уруг Азлар – потомки Дудыка. Иль Сакар – потомки Кабаджика. [Вот] мы и сказали о потомстве младших братьев Ögürджика и о потомстве сыновей их.

| Теперь скажем о других илях. Или Агар и Аймаклы [происходят от] уйгура Эркиль-ходжи, который был везиром у Кўн-хана, сына Огуз-хана; они его потомки.

Происхождение народа иля Йемир таково. На Мангышлаке один ички-салор убил другого ички-салора, и, бежав, появился среди салорского иля, обитавшего в Дуруне. | И даже взял у них девушку [в жены] и обосновался [там], как на родине. Народ всего иля Йемир – потомки того человека.

Буркас. В салорском иле был [человек], прозывавшийся Тимур-Тоглы-хан; и был еще один человек по имени Исик (бедняк)-Исмаил, [родом] из салоров. Он ехал откуда-то; видит, кибитка (*öj*) Тимур-Тоглы-хана перекочевывает. | Он не торопясь спешил. Когда кочевье прошло, он, думая, что [на месте кибитки], возможно, что-нибудь осталось, пошел [к месту, где стояло] жилище (*jurt*) и увидел, что [на том месте, где был] очаг, лежит младенец – мальчик. У этого человека мужского потомства не было, он усыновил [мальчика] и оставил у себя. Он дал ему имя Буркас. Весь буркацкий иль – его потомки.

Теке и Сарык. | В салорском иле был человек [по имени] Той-Тутмаз. Или Теке и Сарык – его потомки. Конец.

**Об илях, ставших туркменами и присоединившихся к
туркменам**

Эски. В те времена Ургенч, Балхан и Мангышлак принадлежали справедливому Джаныбек-хану, сыну Узбек-хана. Джаныбек-хан послал к туркменам уйгура, | по имени Санклы-Син, с тем, чтобы он взыскивал с тех, кто провинился и совершил преступление. Он прибыл в иль и прожил [там] целый год. И всюду, где оказывались преступники и провинившиеся, – взыскивал. У него было много нукеров и рабов. Был у него раб по имени Айаз; по годам службы он был в пять [раз] старше всех [других] рабов. Провинившиеся туркмены, которые говорили: «[Все равно] | я лишусь и головы своей, и добра своего», все собрались и, подарив Айазу множество подарков, сказали: «Если ты убьешь своего бека, то скот, который взимается с каждого иля, и то число воинов, которое надлежит выставить с [каждого] дома, – все отдадим тебе. А когда Джаныбек-хан пошлет кого-нибудь и станет требовать тебя, – мы [всем] народом будем | за тебя сражаться и воевать; мы поддержим тебя, не выдадим».

Айаз, соблазнившись обилием добра и [подавшись] на их сладкие речи, однажды ночью убил беспечно спавшего Санклы-Сина. Айазу из добра его хозяина не досталось даже и козленка. Тот, кто был ближе к добру, тот его и | забрал. Нукеры Санклы-Сина возвратились к Джаныбек-хану. Айаз из-за страха [за жизнь] не мог уйти и остался среди туркмен, обитавших в горах Балхана. В том же году Джаныбек-хан в городе Сарае, что на берегу р. Итиль, отошел [туда, где] милосердие божие. Весь народ Эски – потомки того Айаза.

Хыз(д)ыр-или (Хыз/др ili). | На Балхане был [человек] из салорского иля по имени Арсари-бай. Это был человек, обретший долгую жизнь, богач и ревнитель мусульманства. Подтверждением этих наших слов является следующее. В те времена в Ургенче был один муж праведной жизни ('азиз) по имени Шереф. Он восседал на престоле шейхства и был также муллой. Арсари-бай отправился, | подарил названному шейху сорок верблюдов, принес покаяние и обратился [к нему] с просьбой: «Мы тюрки, [и нам] очень трудно читать арабские книги, постигать их смысл и поступать [по ним]. Если вы сообразовали бы перевести на тюркский язык арабские [вероятительные] вопросы, вы стали бы участником награды за [это] доброе дело». И шейх | Шереф-ходжа перевел все религиозные вопросы и составил книгу под названием «Му'ин ал-мүрид» – «Пособник мюридам» – и вручил ее Арсари-баю. С того времени и по сей день все туркмены руководствуются правилами этой книги.

В те времена падишах Ирана отдал Хорасан некоему человеку по имени Кома-бек. По прибытии в Хорасан он услышал, что на Балха-

не, | у Арсари-бая есть красавица дочь по имени Мама. Он послал человека и наказал посватать [ее]: «Я дам много добра [за твою дочь]». Бай не отдал [дочь]. Кома-бек, узнав, что он не отдает [дочь], выступил с большим войском в поход и на Балхане, у колодца Дукер, убил Арсари-бая, иль его разгромил, а Мама-бике взял [в плен]. Вернувшись [домой], он женился на ней и много | лет держал ее [при себе]. От Мама-бике детей не было. По этой причине он послал человека к сыновьям Арсари-бая сказать, чтобы они взяли свою сестру. Они послали Култак-Караджа-Мергена. Кома-бек, щедро одарив Мама-бике, передал ее Караджа-Мергену. Он дал [ей] также женатого раба. У того раба было четыре | сына и две дочери. Его старшего сына звали Хыз(д)ыр, второго – Али, третьего – Игбек, четвертого – Кашга. Мама-бике, состарившись, отдала все свое имущество на богоугодные дела. Данные ей Кома-беком раб и его жена умерли, а четырех их сыновей и двух | дочерей она отпустила на волю. Все четверо обзавелись домами и стали обладателями многочисленного добра; каждый из них жил в своем месте. Хыз(д)ыр-чора в местности, именуемой Куртыш, что на берегу реки Аму, занялся земледелием, а также скотоводством и стал большим богачом.

В те времена узбеков называли моголами. Четыре могола пришли и, поступив в батраки (*jätim*) к Хыз(д)ыр-чора, присматривали за его скотом. | Затем пришли шесть салоров и поступили в батраки. Все они разбогатели. Со всех сторон и окрестностей приходили голодные, истощенные, разоренные и ограбленные, – присоединялись к ним и селились [здесь]; [так] образовался многочисленный иль.

Верхним пределом их юрта был Тон-Кыры, а основанием – Кары-Кечит. И всякому, кто их спрашивал: «Что вы за народ?», они отвечали: | «Мы люди Хыз(д)ыр-бая». Мало-помалу народ их стали называть хыз(д)ыр-или. В хыз(д)ыр-или был один уруг; его называют Кутлар; они потомки Хыз(д)ыр-чора.

Теперь скажем об Али, младшем брате Хыз(д)ыра. Али-чора, как и его старший брат, обосновался на берегу реки Аму, зажил [там] и | разбогател. Бедные и обнищавшие из узбеков и туркмен селились около него. Всех их называли Али-или (*'Ali ili*).¹ В Али-или есть один уруг, называемый Моголчыклар; они потомки Али-чора. Их юрт расположен по обе стороны реки Аму; верхним его пределом является Кары-Кечит, а основанием – Актам.

¹ См.: Г.И. Карпов. К истории туркмен али-эли (ала-эль), с. 145–149. Генеалогическая структура племени Али-или приведена в статье С.П. Толстова: Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, с. 11.

Третий его [Хыз(д)ыра] младший брат | *Игбек* после отпуска на волю не расстался с сыновьями Арсари-бая и не ушел в другое место. Его потомков называют Куллар. Они тоже разделились на два *бёлүка* – отделения; одних называли Куллар, а других – Чагатай-Куллар. А смысл прозвания Чагатай вот каков: когда Хорасан был в руках потомков Тимура, народ Улуг-түпә обитал на Балхане и на берегу | реки Аму. С южной стороны реки Аму на серой лошади приехал человек и закричал: «Переправьте меня [на ту сторону]». Улуг-түпинцы послали барку (*кiмä*) и, переправив [его], спросили: «Ты кто будешь и откуда едешь?». Тот джигит сказал: «Я из Чагатайского [иля], из уруга, | называемого Арлат. Однажды в Хорасане, в вилайете, называемом Дурун, вместе с несколькими джигитами мы сидели и пили вино. Среди нас был один знатный человек. Он подрался со мною. Я его ударил ножом. Он тот час же умер. Была ночь; | прежде чем его родственники узнали о том, что он умер, я бежал и добрался до вашего народа». И много лет он кочевал среди Улуг-түпә. Никто не давал ему дочери [в жены]. Наконец, один из сыновей Игбек-чора выдал за него дочь. [Детей], родившихся у них, и называют Чагатай-Куллар.

Четвертый [из них] *Каиша-чора*; он тоже обосновался на берегу р. Аму, | близ *Аджы-тенгиза*¹ и зажил [там]. Его потомков называют Кара-ойли. Подобно своим старшим братьям, он разбогател, [но] к нему никто не пришел, не присоединился, потому что земля, на которой он сидел, была плохая; места, пригодного для посевов, не было, и травы, на которой можно было бы пасти скот, тоже было мало.

Иль Теведжи. Первым из потомков Саин-хана, который сделался мусульманином, | был Узбек-хан, да будет милосердие [божие] над ним! Он скончался в городе Сарае, что на берегу р. Итиль. Его сын Джаныбек-хан воссел на троне своего отца. Туркмены, обитавшие в Ургенче и от Каргалы-Илик до самого Астрабада, были подвластны Джаныбек-хану. Хану сказали, что Балханские горы – очень хорошее место для разведения верблюдов. По этой причине хан велел | тридцати семьям погонщиков верблюдов (*сәрбән*) откочевать в Балханские горы. Среди них были [люди] из всех уругов. Всем известно, что на службе у государей бывают [люди] из всех племен (*тәйфә*); так было и у них. Один из людей Джаныбек-хана, прибыв к балханским туркменам, взял [то количество] скота, которое брали [с них] каждый год и, передав много верблюдов тем названным тридцати погонщикам верблюдов (*тәвәджі*), | ушел. Они обитали на Балхане вплоть до самой смерти Джаныбек-хана. Их прозвали *Теведжи*.

¹ «Вероятно, Аральское море?» (примечание А.Г.Туманского: Родословная туркмен, с. 71). – Туркмены, киргизы и каракалпаки Аральское море называли денгиз – тенгиз ‘море’ (Л.Берг. Аральское море, стр. 111); аджы ‘горький’.

Джаныбек-хан тоже отправился [туда, где] милосердие божие, а сын его Бердибек стал ханом.

И в его время теvedжи смотрели за ханскими верблюдами. После смерти Бердибек-хана среди узбеков|пошли раздоры. Балханские туркмены, прослышав об этом, совершили набег на теvedжи и захватили ханских верблюдов. После этого теvedжи, решив, по причине голода, заняться рыбной ловлей, пошли и поселились возле кара-ойли, потомков Кашга-чора. Спустя несколько лет теvedжи стали многочисленным народом. Верхним пределом их юрта был Актан, а основанием – | Огурча. Кара-ойли в течение многих поколений жили среди теvedжи. Среди них появился благородный джигит по имени Халиль. В те времена кара-ойли обеднели. По этой причине все они, во главе с Халилем, отправились к онбеги и к знатным людям народа Арсари и сказали: «Мы были вашими слугами. Мы очень изголодались|и отошали. Наша просьба к вам следующая: Если вы отдадите нам птиц и годные для [орошения] посевов источники Больших Балханов и Малых Балханов, то все, что вы потребуете, мы будем ежегодно давать вам». Лучшие люди из арсари собрались, посидели и сказали: «На Больших Балханах, которые путем покупки (*саткун албан*) приобрел наш прадед (*улуб ата*) Арсари-бай,|есть шесть источников проточной воды (*акар чйшмй*), десять гнезд соколов (*лачын*) и восемнадцать гнезд балобанов (*ит албу*), а на Малых Балханах – четыре гнезда соколов и шесть гнезд балобанов. Сколько ни будет получено зерна (*ашлык*) с [помощью этих] источников (*чйшмй*), половину его отдавайте нам. А еще давайте две тысячи [вьюков] камыша для постройки загонов для скота (*аран*). Каждый год доставляйте десять больших соколов, четыре сокола-самца, восемнадцать|больших балобанов и шесть сарычей (*сарыча*)».

Кара-ойли Халиль согласился и еще сказал: «У нас нет того, чем можно ловить и бить птиц, и съестных припасов у нас нет». Онбеги и лучшие люди, собрав с иля [все необходимое] и приказав плести веревки, дали сто *кулачей* веревки [для силков], козу с шестью козлятами, два бурдюка кислого молока|и одного осла.

В течение многих лет они доставляли то, о чем говорилось выше. В настоящее время их называют Таг-сакары; это потому, что они потомки Кашга-чора. Кашга и Сакары имеют один и тот же смысл.

О девушках, которые были беками в огузском иле

Знатные люди и бахши из туркмен, сведущие в истории,|рассказывают: семь девушек, подчинив себе весь огузский иль, много лет были беками. Первая из них – Алтун-Гёзеки, дочь Сундун-бая и жена Салор-Казан-алпа; она была высокого роста. Вторая – |Барчын-Салор, дочь Кармыш-бая и жена Мамыш-бека. Могила ее находится на берегу реки

Сыр и пользуется известностью в народе. Узбеки ее называют Голубое жилище – *Кёк-кесене* (*кашане*) – Барчын; [это] – великолепный *гумбез*, убранный изразцами. Третья – Шабаты, дочь Кайы-бая и жена Чавулдура Бала-алпа. Четвертая – | Кўнин-Көркли, дочь Конды-бая и жена Биякан-алпа. Пятая – тоже Кўнин-Көркли, дочь Йумак-бая и жена Каркына Конак-алпа. Шестая – Керче-Булады, дочь Алп-Арслана и жена Кестан-Кара-алпа. Седьмая – Кугадлы, дочь Кынык-бая и жена Кымача, сына Дудал-бая.

В тысяча|семьдесят первом¹ году в Хорезмской стране написано.

Конец. Книга написана

Пророк, да будет мир над ним, сказал: «Перо – слава на этом свете, а почет – на том свете».

Примечания к тексту по техническим причинам сокращены, полную версию см.: Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази хана Хивинского. М.-Л., 1958. – 190 с.

¹ По переводу А. Туманского (с. 74); «В тысяча семидесятом году», что неверно; ср. с. 19, по его переводу, где сказано: «Теперь. т.е. в 1071 г.» См. еще с. 36.

СЕЛЬДЖУК NAME

Перевод А. Якубовского

Рассказ о причине, побудившей султана (Ала-ад-дин-Кейкобада) к завоеванию кипчацкой степи и к захвату Сугдака рукой Хусам-ад-дин Чупана.

Когда султан Ала-ад-дин Кейкобад из столицы в Кесарию прибыл, к суду явился некий купец, который много путешествовал по торговым делам как по суше, так и по морю. Прослышал он как-то о хороших условиях торговли в странах кипчаков (половцев) и русских и решил отправиться туда с товарами. Когда он достиг переправы Хазарской, на него напали и все товары отняли. Не успел он окончить своей речи, как другой купец начал свое печальное повествование и рассказал, что он из Халеба отправился по направлению к Кесарии. Когда он проходил вилайет Лейфуна (Льва II) на него также напали и все имущество отняли. Рассказал свою печальную повесть и третий купец. Он нагрузил в Анталии свои товары на судно и предпринял морское путешествие. На него напали франки и не только отняли товары, но и самого его забрали в плен. Султан, услышав просьбу о помощи, разгневался, велел вознаградить купцов, приказал снарядить войско, поставил во главе его амира Хусам-ад-дин Чупана, который был главным амиром и полководцем государства и послал в сторону г. Сугдака.

Рассказ о проезде войска султана через Хазарское море под командой Хусам-ад-дин Чупана.

Султан пробыл еще некоторое время в Кейкобадии-Кесарии, где и выжидал известий о победах. Когда войско, идя по направлению к Хазарии, прошло море, жители Сугда (Сугдака) увидели, что плывет большое войско. Они немедленно отправили к Хусам-ад-дину посла, которому поручили сказать следующее. Мы верные слуги и исполнители приказа султана. Неведомо нам, по какой причине послано большое войско. Если в уплате баджа и переправ (пошлины за переправы) обнаружился некоторый недосмотр, то пусть султан штраф наложит; если же султан поход на русских предпринял, то мы согласны дать ему в помощь нашу молодежь, которая будет хорошо сражаться. Одновременно власти Сугдака отправили гонца в степи к кипчацкому хану. Когда флот с войсками турок-сельджуков приблизился к берегу, тотчас же хан кипчацкий отправил посла с уведомлением к князю русскому. В результате из русских и кипчаков

составили войско в 10 000 всадников и поджидали, какой ответ принесет посол сугдиан (жителей Сугдака), отправленный к Хусам-ад-дин Чупану.

Когда вышеупомянутый посол явился к главе амиров, то в речи, обращенной к нему, выразил надежду, что войско турок-сельджуков повернет и возвратится назад, обещав со своей стороны, что жители Сугдака постараются исправить все недосмотры. В конце речи он предложил 50 000 динаров в качестве «сбора на подковку лошадей» войска. Глава амиров Хусам-ад-дин речью этой возмутился и заявил, что он прибыл не для того, чтобы, благодаря золоту, стать недостойным, добавив, что с непокорными он поступит сурово, а подчинившихся – наградит. Таким образом посол ни с чем возвратился домой (в Сугдак). Войско же султана благополучно пристало к берегу, куда и перенесло свое снаряжение. Амир Хусам-ад-дин пир устроил и до полуночи предавался с амирами веселью. Под утро явился с передового поста всадник и заявил, что показались отряды вражеского войска. Хусам-ад-дин приказал бить военный сбор и начать сражение раньше, чем врагам придет помощь со стороны русских и Саксина. Утром произошло сражение, которое не дало однако победы ни той, ни другой стороне. В рядах кипчацкого войска сражались и русские. Прерванное ночью сражение возобновилось с новой силой на следующий день. На этот раз победа окончательно склонилась на сторону сельджукского войска. Кипчаки были на голову разбиты и бежали.

**Рассказ о подаче слезной просьбы князем русских и
попытке его заключить мире главой амиров Хусам-ад-дин
Чупаном, да будет милосерд к нему бог.**

Когда русский князь узнал о гибели кипчацкого войска, то пришел к заключению, что он не в силах сражаться с победоносным сельджукским войском. Поэтому он решил отправить к Хусам-ад-дин Чупану посла мудрого и изворотливого, которому и вручил грамоту следующего содержания: Слышал я, что Хусам-ад-дин пришел с войском. Не знаю, по какой причине явилось оно и кто враги. Если войско кипчацкое от глупости впало в заблуждение, то я остаюсь верным рабом султана Ала-ад-дин (Кейкобада), каковым вы меня всегда и считайте. Просьба моя в том, чтобы Хусам-ад-дин сообщил об этой моей покорности султану. С послом русский князь отправил к Хусам-ад-дин Чупану большие подарки, состоящие из лошадей и русского льна и 20 000 динаров. Когда русский посол к ставке Хусам-ад-дина подошел, то пришел в безмолвное состояние от окружающего великолепия и смог только сказать – о боже! Узнав о прибытии посла, Хусам-ад-дин приказал его с почетом встретить и отвести ему подобающую его положению палатку. На следующий день русско-

му послу был устроен торжественный прием. Когда его к Хусам-ад-дину ввели то он лицо к земле приложил и послание вместе с подарками вручил. Глава амиров подарки принял и тотчас же войску роздал. Посла три дня продержали без ответа. На четвертый Хусам-ад-дин собрал амиров и сказал им следующее: русский посол льстивость проявил и счел обязательным выплату баджа и хараджа. Следует и нам честь нашей власти поддержать и довести об этом до сведения султана. Амиры выслушали мнение Хусам-ад-дина и одобрили его. Он приказал привести русского посла, выразил ему в вежливых выражениях удовлетворение по поводу высказанной русским князем дружбы, одарил его подарками, великолепным халатом и шитой золотом султанской шапкой, вручил ему грамоту, составленную в дружеских выражениях и отправил домой. После этого он отправил большое количество добычи в Синоп и Кастоманию.

Рассказ о завоевании Сугдака Хусам-ад-дин-амир Чупаном в дни царствования султана Ала-ад-дин Кейкобада.

Когда Сугдиане слышали о разгроме кипчацкого войска, то пали духом. Тем не менее принялись за приготовление к защите города. Спустя неделю Хусам-ад-дин расположился со своим войском у ворот города. Рано утром началось сражение, с ожесточением бились с обеих сторон. На другой день сражение возобновилось с новой силой. Осажденным городом были введены в бой пехота и конница; сражались нефтью, черхами, стрелами и камнями. Хусам-ад-дин, согласно военному обычаю мусульман, завлек мнимым поражением войска противника вдаль от города, а потом решительным натиском погнал их к городу и разбил. Когда старики города увидели, что от юношей ничего, кроме имени не осталось, то сказали: если тысяча подобных юношей, хорошо обученных военному делу, твердости в сражении не проявила, то кроме мольбы и покорности другого лекарства у нас нет. Затем они отправили несколько политически опытных человек к главе амиров в качестве послов. Когда последние явились к нему, то землю поцеловали и сказали: хотя преступления и вины наши были очень велики, все же мы надеемся на милость главы амиров. Все, что он прикажет, исполним: уплатим харадж и бадж; путешественников, проходящих через нашу страну, удовлетворим, имущество купцов, погибших в нашей стране, вернем; все, что у нас есть, все в распоряжение его предоставим. Когда глава амиров эту мольбу услышал, то сказал: причина вашего несчастья – вы сами, теперь же я одного из своих приближенных отправлю к султану и попрошу прощения для вас. Когда в Сугдаке о результате посольства узнали, то очень обрадовались и всю ночь собирали имущество – скот, лошадей, материальные

ценности для сдачи победителю. На утро Хусам-ад-дин приказал войску принять парадный вид, сам же, окруженный вождами, сел впереди ставки. Из города к нему потянулись побежденные и назначенную добычу сдали. Потом он приказал снарядить остроносое судно и отправил на нем пятую часть отборной добычи с посланием к султану. Когда посланцы прибыли ко двору султана, то радостную весть о завоевании г. Сугдака, о гибели кипчацкого войска и о мире с русским князем ему сообщили. Султан на радостях приказал освободить из темницы заключенных, а того купца, который перед его судом просил о помощи, отправил с вестниками и письмом к главе амиров. В письме он высказал благодарность, как главе амиров, так и войску. Были посланы также халаты Хусам-ад-дин-амир Чупану и вождам. Кроме того султан разрешил простить жителей Сугдака в их преступлениях и винах, однако с условием, чтобы вместо икон и колоколов, там были михраб, минбар и шарият, установленный пророком, да будет над ним благословление и мир! Отнятое у купцов они должны возвратить. Когда эти важные вести дошли до главы амиров, то он велел опубликовать султанский приказ и отдал распоряжение войску готовиться к возвращению. Войска приняли парадный вид. Был приготовлен богато отделанный минбар, глава амиров возложил на голову священный коран, положенный на золотое блюдо, в руку взял султанский штандарт. Так с торжественностью вошли в город. На высоком месте города муэzzин произнес призыв к молитве; разбили христианский колокол и меньше чем в две недели выстроили прекрасную соборную мечеть. Установили в городе должности муэzzина, хатиба и кади. Из числа наиболее именитых граждан взяли в залог несколько юношей, и одного из вождей с отрядом воинов в городе оставили. Когда суда для отплытия были готовы, отправились к границам своей страны.

***Взято из:** Ибн Биби. Сельджук-намэ. Издательство: «Директ-Медиа» (2010). Текст приводится по изданию: Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак половцев и русских в начале XIII в. / Византийский временник, Т. 25: Пер. А. Якубовского, 1927.*

ТӨРКИЛӘРНЕҢ ЭПИК МИРАСЫННАН

ИЗ ЭПИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ТЮРОК

Алтайские сказания

ОЙРОТ-КААН (Орныктыру)

Озогысын ойгорткон, эртенгисин эзетирткен түүкилик кошондоры-быстын бу тизүүси 70-чи жылдардын учкаары – 80-чи жылдардын башталгасында жуунадылып, түзедилип, жазалган.

1

Эн-Эрчиштин түбинде
Эрескиндү жолыс бар.
Эки аястын үстүнде
Эрке-Шуну кааныс бар.

Кан-Эрчиштин түбинде
Катамалду жолыс бар.
Кайраканнын үстүнде
Кайран Шуну кааныс бар.

2

Экер-чакар үзени
Эрге минсе – теберим.
Эрке-Шуну каанымды
Эбирip келсе – көрөрим.

Акар-чакар үзени
Атка минсем – теберим.
Алтын-Ойрот каанымды
Айланып келсе – көрөрим.

3

Жалбак шалду өдүкти
Жаза кийеek, көөркийлер.
Жараш Токой-Алтайга
Жана береek, көөркийлер!

Буурымайлу өдүкти
Буза кийеek, көөркийлер.
Буурыл-Токой алтайга
Бурылып жанаак, көөркийлер!

4

Ат башынча алтын күүк
Айланып эткен Бай-Терек.
Алтан эки солоны
Ээлип түшкен Бай-Терек.

Кой башынча конгыр күүк
Конуп эткен Бай-Терек.
Төртөн эки солоны
Ээлип түшкен Бай-Терек.

5

Жалбак шалду өдүгим
Будым ойди, кайдайын?
Жараш токой Алтайым
Санаама кирди, кайдайын?

Буурымайлу өдүгим
Будым ойди, кайдайын?
Буурыл-Токой Алтайым
Буурыма кирди, кайдайын?

(Бу кошондорды Карагол-ичинде журттаган кара майман сөөктү, Ак-Билек кесегинен бүткен Унутпас Майчикова ла Шура Анатова 70-чи жылдардын учкаары Б.Я Бедюровко айдып бергендер.)

6

Канадында жамылу
Алтын күүк эдетен.
Кайраканнан топчылу
Калдан-Ойрот келетен.

Төбөсінде жамылу
Күмүш күүк эдетен.
Төрт аястан топчылу
Төрбөн Ойрот келетен.

7

Эртиш башы эки айры,
Эбирип келген эрјинем,
Эртеги кааным келер деп,
Эбелтип берген јарлыкчым.

Оймон башы он айры,
Оны эбирген эрјинем.
Озогы кааным келер деп,
Оны аайлаткан јарлыкчым.

8

Күмүш кайырчак ичинде
Күн билдирлү торко бар.
Күүнзеген кааным келгежин,
Күнде-Айда кеге бар.

Алтын кайырчак ичинде
Ай билдирлү торко бар.
Азыйгы кааным келгежин,
Айда-күнде кеге бар.

9

Сүүри калбан бөрким бар,
Сүрлү Ойрот кааным бар.
Кара калбан бөрким бар,
Кайран Ойрот кааным бар.

Төбө јалаа бөрүк бар,
Төрбөн-Ойрот кааным бар.
Калка јалаа бөрүк бар,
Калдан-Ойрот кааным бар.

10

Карагај башын кајаган
Калтарым кандый ат эди!
Каткыбыла келетен
Калданым кандый ат эди!

Комыргай башын копшогон
Конырым кандый ат эди!
Кошонбыла келетен
Конодой кандый каан эди!

11

Төртөн эки чакырман
Төрибисти курчап келт.
Төрбөн Ойрот кааныбыс
Төрибиске кирип келт.

Алтан эки чакырман
Айлыбысты курчап келт
Алтын Ойрот кааныбыс
Алтайыска кирип келт!

12

Күмүш сулук чайнанып,
Күрөң тай јелген көнү јол.
Күн керели јалтылдап,
Чунуты келген чичке јол.

Алтын сулук чайнанып,
Ак-Боро јелген көнү јол.
Ай керели јалтылдап,
Чунуты келген чичке јол.

13

Табылгы сапту камчызын
Талайып келсе, кайдасын?
Табылбай калган кааныбыс
Табылып келсе, кайдасын?

Ыргай сапту камчызын
Согул келсе, кайдасын?
Ырбай берген кааныбыс
Ойто келсе, кайдасын?

14

Алтын түктү борозын
Минип келген кааныбыс.
Алтын чакар үзенее
Тееп келген кааныбыс.

Күмүш түктү борозын
Минип келген кааныбыс.
Күмүш чакар үзенее
Тееп келген кааныбыс.

15

Күмүш сүме каалгасын
Ачып кирген кааныбыс.
Күн керелдү босого
Алтап кирген кааныбыс.

Алтын сүме каалгасын
Ачып кирген кааныбыс.
Ай керелдү босого
Алтап кирген кааныбыс.

16

Алты толукту аль кескен
Аймалу малта курч эмей.
Алтан аймак башкарган
Алтын Ойрот каан эмей.

Төрт толукту аль кескен
Төбөлү малта курч эмей.
Төртөн аймак башкарган
Төрбөн Ойрот каан эмей.

17

Алты булунду Алтайыс
Анданбаган – кешиги.
Алтын Ойрот кааныбыс
Айланып келген – жыргалы.

Эки булунду Алтайыс
Эңчейбеген – кешиги.
Эртеги Ойрот кааныбыс
Эбирип келген – жыргалы.

(Бу кошондорды XX-чи чактын башында Алтайдын абыстары жуунадып, 1907–1912 жылдардагы «Отчетторында» кепке салган. Алтай тилдин жилик-тамырын жетире билбес тилмештердин жастыра-мыстыра көчүргенин, базылганын түзөдөр үлгерлик-билимдик текиши ишти Б.Я. Бедюров 1982 жылда бүдүргөн.)

18

Алтан койды не баштаар?
Ак чанмакту кой баштаар.
Албатыны кем баштаар?
Алтын-Ойрот каан баштаар.

Төртөн койды не баштаар?
Төнөн сары кой баштаар.
Төрөлүстү кем баштаар?
Төрбөн Ойрот-каан баштаар.

(Оймон ичи Чет-Корумду журт, кара-тодош сөөктү Малчы уулы Желе-Жалбан айдып берген.)

19

Чоокыр тайдын куйругын
Чолтуйта кескен Шунуты.
Чоокур-Таштын жаланга
Ўделеп барган Шунуты.

Сары тайдын куйругын
Тендеп кескен Шунуты.
Сайлу-Кемнин жаланга
Ўделеп барган Шунуты.

(Чырчык Нонукова, кытат-тодош сёёктү, Карагол-ичи, Бичик-тү-Боом журт.)

20

Алтын-Көл дө Алтын-Көл
Соолып калды дешпейлик.

Амыр-Санаа Алтайда
Жоголып калды дешпейлик.

(Мынайып Оймондо озогыда калка укту кам Сүйтүндеб кошондогон эди. Онын кызы Жалбу Корумдуда жаткан. Рыспаева Күндеш, Кергилов Ангыр Ырбакович айдып туратан. 14.11.1981 жылда Ондойдо Тодош Желе-Жалбан айтканыла бичилген.)

21

Алты кулакту күлөрди
Тен көдүрөөк, албаты.
Алтын Ойрот каанысты
Тен уткуйлык, албаты!

Төрт кулакту күлөрди
Тен көдүрөөк, албаты!
Төрөл Ойрот каанысты
Тен уткуйлык, албаты!

(Бу табыскактарды төөлөс сёёктү Табар Чачияков адасы Аныш-жарлыкчынан укканын Алтайчы Санашкинге 1992 жылда айдып берген.)

22

Кула тайдын куйругын
Тендей кескен Шунуты,
Куладынын жалаңын
Өдө салган Шунуты.

Сары-тайдын куйругын
Тендей кескен Шунуты,
Сайлугемнин жалаңын
Өдө салган Шунуты.

23

Кадын-Бийдин талайы
Чайпалар өйи жууктап келт,
Кайран Шуну суруусы
Угулар өйи жууктап келт.

Бий-Кадыннын талайы
Чайпалар өйи жууктап келт,
Бистин Шуну суруусы
Угулар өйи жууктап келт.

24

Бийик-Сурдын бийеси
Угулар өйи једип келт,
Бистин Шуну кубулып,
Бурулар өйи једип келт.

Кара-Сурдын бийеси
Угулар өйи једип келт.
Качангы Шуну айланып,
Јанар өйи једип келт.

(Ш.К. Куйрукова, 1990 жыл. Улалу.)

25

Акар тоннын жакасы
Көрүмжик те көрүмжик.
Алтан кааннын акасы
Шунуты да Шунуты.

Торко тоннын жакасы
Көрүмжик те көрүмжик.
Тогузон кааннын акасы
Шунуты да Шунуты.

(Оймон, Кујурлу-Түңүр. 1986 ж., Эжербей Савдина.)

26

Алтын-Чечек Алтайыс
Ай алды деп Алтайда,
Алтын-Ойрот кааныбыс
Айланып келген үстисте.

Күмүш-Чечек Алтайыс
Күн алды деп Алтайда,
Күмүш-Ойрот кааныбыс
Көрүнип келген үстисте.

27

«Айайым» деп кожомым
Алты үйеге ундылбас.
Азийгы барган кааныбыс
Айланып келсе, танытпас.

«Ойойым» деп кожомым
Он үйеге ундылбас.
Озогы барган Ойрот-каан
Ойто келсе, танытпас.

(Бу «Ойрот-каан» деген түўкилик тизим кошондор «Алтайдын Чолмонында» 03.09.1994 жылда, «Алтын-Сүмер» деген талдама жуунтыда 2007 жылда 288–294-чи бүктөрдө жаралган.)

Источник: Озогы түўкилер / Алтайские легенды и предания ойротской и царской эпох / – Горно-Алтайск: АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2011. С. 68–77.

МООДАЙ-КАРА (Алтайский героический эпос)

- 7580 На вопрос: «А это кто?»
Темно-сивый ответил:
«Когда на лунно-солнечном Алтае
На воле он жил,
Много зверей и птиц убивал.
- 7585 Это – [жадного] охотника наказание», – сказал.
Когда после этого Когюдей-Мерген.
Проезжая среди народа.
По земле Эрлик-бия
Ехал,
- 7590 Люди Эрлик-бия, –
Подобные лягушкам богатыри,
Подобные кабанам пакостники, –
Увидев Когюдей-Мергена,
Все до одного удивились:
- 7595 Если на коня его посмотреть,
На живого коня он похож.
Если на него самого посмотреть,
На живого человека похож.
Когюдей-Мерген, мужественный богатырь,
- 7600 Прямо к каменному дворцу Эрлик-бия
Устремившись, поехал.
Сам знаменитый Эрлик-бий,
Бородою бороздивший землю,
Усами чертивший небо,
- 7605 К топоту темно-сивого прислушиваясь,
Вышел на порог и стоит.
Как увидел его Когюдей-Мерген,
Большим пальцем на дудке заиграл –
Звонкую протяжную песню запел,
- 7610 Указательным пальцем на дудке заиграл –
Красивую протяжную песню запел.
Хлопковогивый темно-сивый его,
Как необъезженный, начал брыкаться.
Сам богатырь Когюдей-Мерген,

- 7615 Пьяным притворившись, кричал.
К Эрлик-бию он подъехал,
Покачиваясь, [как пьяный], с коня сошел.
«Здравствуй, здравствуй, старик, – сказал. –
Зачем ты меня вызывал?
- 7620 Привет, привет, дедушка, – сказал, –
Какая надобность у тебя во мне, молодом человеке?»
Когда Эрлик протянул ему руку:
«Здравствуй, здравствуй, сынок», – отвечая,
Когюдей-Мерген, молодой богатырь,
- 7625 Левой рукой схватил его за руку,
Правой рукой схватил его за бороду,
На черный камень – пуп земли,
Подняв его, положил.
Четыре конечности его распял,
- 7630 К четырем стрелам их привязал,
Медную цепь ему на шею надел,
К чугунному тополю его привязал.
После этого
Прославленный Когюдей-Мерген
- 7635 Небесный свой лук со ста зарубками
До сотой зарубки натянул.
Девяностогранную кровавую стрелу
В подземный мир пустил.
Когюдей-Мергеном выпущенная стрела
- 7640 Весь люд Эрлик-бия –
Лягушкообразных богатырей,
Кровь сосущих алмысов,
Кабаноподобных пакостников,
Змееподобных удалцов –
- 7645 Всех теперь скосила.
А самого знаменитого Эрлик-бия,
Чтобы никогда он не смог подняться,
Сжег теперь и в уголь превратил.
После того как все это сделал,
- 7650 Лунно-солнечного Алтая
Величайший богатырь
Из лунно-солнечного мира
На мучения в подземный мир приведенных
Достойных людей освободил,

- 7655 Недостойных людей оставил.
В течение многих веков
Много горя изведавший,
В подземном мире замученный,
Бессчетный, словно стая ласточек, народ
- 7660 Так прославлял богатыря:
«Потухший огонь наш ты зажег,
Умерших, нас ты воскресил,
Кончилась наша мучительная доля,
Избавились мы от злого Эрлика,
- 7665 Получили теперь свободу.
Пусть славится вечно твое имя, богатырь,
Да не забудет тебя никогда народ!»
Когда подобный стае ласточек бессчетный люд,
На лунно-солнечный Алтай
- 7670 Направившись, возвращаться стал,
Прославленный Когюдей-Мерген
Ста кезерами граненную
Живую стрелу с лука спустил –
На небесном своде прогрохотало,
- 7675 На поверхности земли прогремело,
Стрела, спущенная богатырем,
Все девять слоев земли
Пронзив, насквозь прошла.
Света луны не видевшему народу
- 7680 Свет луны теперь показался,
Света солнца не видевшим людям
На солнечный Алтай путь открылся.
Наш богатырь прямой дорогой,
Встав впереди, народ выводил.
- 7685 После этого, на Алтай устремившись,
Промелькнув, как пуля, он улетел.
Когда на свою землю вернулся, –
Разномастный скот его
Многочисленнее прежнего стал, расплодился,
- 7690 Светлоликий его народ
Многочисленнее прежнего стал, оказывается.
Увидев это, Когюдей-Мерген,
Народ свой собрав,
Такие слова сказал:

- 7695 «Больше прежнего скота имеете,
Многочисленнее прежнего народ имеете,
Одною жизнью теперь живите,
Одной семьей теперь размножайтесь.
Землю всю попиравшего
- 7700 Жадного каана я уничтожил,
В подземном царстве господствовавшего
Эрлик-бия уничтожил.
Теперь к вам с пикой в руке
Враг не придет, не вторгнется,
- 7705 В подземное царство в рабство
Эрлик вас не уведет.
На лунно-солнечном Алтае
Мирно-спокойно живите,
Детей своих растя,
- 7710 Счастливой жизнью живите.
Я же сам на небо поднимусь,
Стану яркой звездой,
За жизнью народа буду смотреть,
Снизу меня будет видно», – говорил.
- 7715 Сказав такие слова,
Прославленный Когюдей-Мерген
И супруга его Алтын-Кюсю,
Ставши звездами, улетели.
В глубине синего неба
- 7720 Есть созвездие Семи Каанов¹ –
Это семь одинаковых Когюдей-Мергенов
На свадьбу едут, говорят.
Есть звезда Золотой Кол² –
Это единственная дочь Ай-Каана
- 7725 Алтын-Кюсю, говорят.
Есть созвездие под названием Три Маралухи³,
А над ним повыше
Есть одинокая красная звезда –
Это брюхо марала прострелившая

¹ Созвездие Семи Каанов – Большая Медведица.

² Звезда Золотой Кол – Полярная Звезда.

³ Созвездие под названием Три Маралухи – созвездие Орион.

7730 Когюдей-Мергена богатыря
Кровавая стрела, говорят.
Когюдей-Мергена
Золото и серебро – его добро –
Под твердой землей, говорят.

7735 Выращенный им скот –
На Алтае, говорят.

Алтайское сказание кончилось,
7738 Слова мои иссякли.

***Взято из:** Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973.*

ИЗ КЫРГЫЗСКОГО ЭПОСА «МАНАС»

Завершение поминок по Кокетею

На день восьмой Бакай собрал
Соратников и рассказал,
Что весть хорошая пришла:
– Тулпар Манаса Ак-Кула
В пути коней всех обогнал.
За Ак-Кулой идет вослед
Скакун Жолоя Ач-Будан.
А столько призовых побед
Враги кыргызам не простят.
И могут Ак-Кулу подсесть,
Из дула выпустив картечь.
Тулпар китайцев Ач-Будан
На Ак-Кулу, как брат, похож.
Прошу, мой храбрый Алманбет,
Надеть китайский свой наряд
И на китайском языке
В поддержку Ак-Кулы орать.
Тогда наш конь живым придет
И приз назначенный возьмет.
Совету Алманбет был рад,
Надел китайский свой халат,
А Саралу, чтоб не узнать,
Попоной вышитой накрыл.
Приняв за своего Алму,
Китайцы кланялись ему.
И видит, у подножья гор
Несется к ним во весь опор
Скакун Манаса Ак-Кула.
За ним вдогонку, как стрела,
Летит китайский Ач-Будан.
Похожи оба скакуна
На двух резвящихся зайчат,
Которых трудно отличать.
Навстречу выехав, Алма
Стал громко «Ач-Будан!» кричать.
В засаде ждавшие враги
Не стали в Ак-Кулу стрелять.

Как только первый конь байги
Примчался к берегам Кеген,
Известно стало сразу всем,
Что на седле его сидит
Таласский молодой жигит,
Под ним кусает удила
Не Ач-Будан, а Ак-Кула.
Манаса боевая рать
Коня помчалась охранять.
Орали не жалея сил –
И конь кыргызов победил!
(Не знал довольный Алманбет,
Что ход обманный с Ак-Кулой
Закончится большой бедой).
Пригнал в долину Бокмурун
На приз двухтысячный табун.
Манас всех призовых коней
Дружинникам своим раздал.
Потом подали бешбармак –
На четверых один тавак.
Лились рекою для гостей
Бозо, кумыс, хмельной арак –
Гремел победный той в горах!
Устав от игр и кутежей,
Уснули гости наповал.
Глубокой ночью в Каркыра
Неугомонный Нескара
Китайских ханов всех собрал.
– Зачем мы прибыли на аш,
Коль в поединке и байге
Никто не победил из нас?
В жамбы никто не мог попасть,
В куреше проиграл Жолой,
И оскорбил его Кошой.
Да и тебя, хан Конурбай,
Копьем свалил с коня Манас.
Как дураков, на скачках нас

Надул коварный Алманбет –
Предателю прощенья нет!
Мы всюду потерпели крах.
Наглеет с каждым днем бурут,
Преграды нет ему в горах.
Кыргызам только волю дай!
Видать, забыли, как они
От нас бежали на Алтай!
Сегодня восстановим здесь
Свою поруганную честь!
Прикрывшись темнотой ночной,
Устроим им кровавый той!
Жигитов накрепко вязать!
Бойцов на месте убивать!
Коней всех в табуны собрать,
Пока не занялась заря,
Немедленно в Китай угнать! –
Так повелел хан Нескара.
Батыр китайский Конурбай,
Глава калмыков хан Жолой,
И вождь солонов Ылама,
А с ними старый Нескара –
Все, пировавшие вчера,

Договорившись меж собой,
Жестокий начали разбой.
И это был крошечный ад!
Как сель бушующий, потоп!
Зола костров, и дым, и чад
Затмили звездный небосвод.
Горели юрты, скот живой.
Громил обиженный Жолой.
А Конурбай – подлец, злодей
Вязал и убивал людей.
Другие гнали лошадей.
Котлы, посуда, тюндюки
По склонам скатывались вниз.
И тут же, на виду мужей,
Насиловали молодиц,
И под рыдания матерей
Вязали молодых девиц.
И всюду крики, стоны, кровь!
Кумыс, айран и молоко
Из полных льется бурдюков.
Такой жестокости врага
Доселе не видал никто!

Детство Манаса

Э-эй!
Струилось время день за днем,
И не по дням, а по часам
В Алтае рос Большой болван.
С тех пор, как он увидел свет,
Промчались быстро восемь лет.
Манас мальчишкой рослым был,
На сверстников не походил:
То носит камни весом в пуд,
То вдруг по силе и борьбе
Турнир устроит сам себе,
То в ледяной ныряет пруд,
Бежит куда-то, как шальной,
То подерется с кем-то вдруг.
Не может Чыйырды понять

Здоров сынок или больной.
Совсем отбился он от рук.
А если он задумал что,
Не может удержать никто.
Такого бай Жакып в роду
Своем не видел отродясь.
Не слушаясь отца и мать,
Из дома стал он убежать,
Чтобы в горах озорничать.
Со всех кочевий и домов
Собрал кыргызских пацанов.
Они с дружиной боевой
В войну играли меж собой.
Расчистив заросли и пни,
В ордо рубились они.

И вот однажды в их краю,
 Чтоб силу показать свою,
 Ватага юных калмыков
 Решила сбить с кыргызов спесь,
 Напомнить, кто хозяин здесь.
 Взяв в руки палки и ремни,
 Пришли к играющим в ордо,
 Манаса взяли за грудки,
 Собрали альчики – мослы,
 Кого ударили в лицо,
 Кому посыпались пинки.
 Кто был у круга на коне,
 Тому досталось по спине.
 – Кыргызы! В бой! – вскричал Манас.
 Калмыку врезал между глаз,
 Другому съездил по башке.
 И тут все сорок кыргызят,
 Как ладный боевой отряд,
 Калмыков окружив кольцом,
 Избили тут же без труда,
 И те бежали кто куда.
 И по горам пошла молва,
 Что байский сын Большой болван
 Избил калмыцких пацанов.
 Боялись, что теперь вражда
 Начнется меж родами вновь.
 И бай Жакып сказал жене:
 – Я вижу, сын наш не умен,
 И против рода своего
 Врагов настраивает он.
 Среди калмыков сколько лет
 Я жизнь от голода спасал,
 Мне дорог северный Алтай –
 Богатый благодатный край.
 И здесь спокон веков живет
 Добрейший трудовой народ.
 А сын Боена хан Чаян

Меня, как друга, уважал
 И дочь родную Бакдолет
 В токолы за меня отдал.
 Боюсь, что наш Большой болван
 С соседями рассорит нас.
 С земли, где мы нашли приют,
 Опять бежать придется нам.
 И все добро, что я нажил,
 Немедля разлетится в прах,
 И скот, что вырастил я здесь,
 Окажется в чужих руках.
 Нам сына надо поскорей
 Убрать подальше от людей.
 Пускай к Ошпуру он пойдет
 И там наш умножает скот.
 Позвал Манаса бай Жакып:
 Отец Манаса бай Жакып
 – Мы всех беднее, видишь ты,
 Не можем встать из нищеты.
 Нет ни коров, ни лошадей,
 Всего лишь несколько овец
 В отаре числятся моей.
 У богача Ошпура, сын,
 Побудь в горах ты пастухом.
 Ты будешь там пасти телят,
 Весною будешь получать,
 По тридцать маленьких ягнят.
 И вскоре сына бай Жакып
 К Ошпуру на джайлоо отвез.
 – Прошу тебя, мой Ошпурбай,
 За сыном нашим присмотри,
 К бездумным шалостям его
 Будь строг и спуску не давай,
 И человеком трудовым,
 Ошпур, мне сына воспитай!
 И бай Жакып, скорбя душой,
 В слезах отправился домой...

Сказ о разорении кыргызов Алооке-ханом

Э-эй!
С древнейших лет кыргызов род
Святой Кызыр оберегал.
Батыр кыргызов Карахан
Потомство ханское создал.
От Карахана – Огузхан,
От Огузхана – Аланча,
От Аланчи был Байгурхан,
От Байгурхана – Бабырхан.
От Бабырхана – хан Тебей,
А сын Тебея – хан Когей.
Сыны его Чыйыр, Шыгай,
А самым младшим был Ногой.
Усен, Орозду, Бай, Жакып –
От Ногой-хана сыновья.
Могучим ханом был Ногой.
За свой народ и край родной
Не раз вступал в кровавый бой.
Китайцам и монголам он
В набегах учинял разгром.
Боялись хана, и молва
Гремела славная о нем.
Когда могучий хан Ногой
Ушел навеки в мир иной,
Глава китайцев и монгол
Коварный, жадный Алооке
Кыргызов ханство разгромил,
Дома и юрты повалил,
Жигитов доблестных убил,
А сколько женщин овдовил!
Забрав в рабыни молодых,
Девиц всех в жены он продал,
Отары, табуны угнал.
Страдания, гнет и нищета
Объяли вольные края.
Пришел к Жакыпу Акбалта
И молвил брату своему:
– Доколе будем мы страдать,
Сидеть, безропотно молчать?

И не пора ли, наконец,
Кангайца злого обуздать?!
Чем в рабстве жить по одному,
Не лучше ль вместе умереть
За честь и родину свою!?
Позвав к себе, кто мог держать
В руках оружие, воевать,
Повел кыргызские войска
На бой кровавый Акбалта.
И чтоб победным был поход,
Благословил его народ.
И здесь был случай богом дан:
Когда кангайские купцы,
Верблюдов загрузив добром,
И золотом, и серебром,
В Китай погнали караван,
Жакып и Акбалта с людьми
Догнали караван в пути,
Лихой устроили разбой,
Добычу унесли с собой.
Узнав об этом, Алооке
Кыргызов окружил кольцом,
Жестокий учинил погром.
Уничтожали всех подряд,
Лежали трупом стар и млад.
И на глазах отцов, детей
Насиловали дочерей.
Кыргызский благодатный край
В кипящий превратился ад.
Жестокая пришла судьба:
Бежал от смерти кто куда.
Одни ушли в Бапанский край,
А там подальше на Алтай.
Другие выбрали Кангай,
В далекий побрели Эрен.
Покинув родину, ушли
В просторы дальние земли.
Связав Усена по рукам,
Погнали в Северный Орхан.

Покинув землю, отчий край,
 В Сибирь бежал, спасаясь, Бай.
 Боясь расправы, Орозду
 С семьей ушел на Енисей.
 Пустил по свету Алооке
 Ногоя младших сыновей.
 Жакыпа, Акбалту связал,
 Охраной строгой окружив,
 В Сибирь студеную погнал.
 С родной земли пошел вразброд
 По миру весь кыргызский род.
 В долинах бурных горных рек
 Простерся северный Алтай –
 Страна калмыков и манжу.
 И в этот незнакомый край
 Пришли кыргызы в сорок юрт.
 Чтоб сохранить в живых свой род,
 В горах пасли калмыкам скот.
 И вот однажды Акбалта,
 Зарезав серого вола,
 Всех родичей к себе собрал
 И мудрые слова сказал:
 – Служа калмыкам и манжу,
 Не одолеем никогда
 Утраты, голод и нужду.
 Лопаты, кетмени возьмем,
 В Алтае вырастим зерно.
 Узнают люди здесь о том,
 Как злак идет на хлеб и корм.
 И будем мы свой урожай
 На скот и золото менять,
 Покончим с горькой нищетой,
 И в каждом доме будет той.
 Поднялся с места брат Жакып,
 Слова старшого поддержал.
 Из младших родичей никто

Старейшинам не возражал.
 И все кыргызы в сорок юрт
 Взялись за благородный труд.
 И, вывернув пласты земли
 Лопатой, кетменем, сохой,
 Зерно посеяли весной.
 А летом каждый колосок
 Водой поили ключевой.
 И осенью Алтайский край
 Им дал богатый урожай.
 Познав вкус хлеба из зерна
 И хмель напитка из пшена,
 Калмыки, горные манжу,
 Кыргызов стали умолять
 Пшеницы горсть и горсть пшена
 На жеребенка поменять,
 Краюху хлеба, жбан бозо
 За слиток золота отдать.
 (Умел алтаец с древних лет,
 Промыв речной песок и ил,
 Горстями золото добывать).
 К зиме кыргызы на обмен
 Имели скот в своих дворах,
 И золото, и серебро
 Уже блестело в сундуках,
 Своих коней пасли в горах,
 Кумыс плескался в чаначах,
 Сушилось мясо на шестах.
 Алтай за труд земной сполна
 Кыргызов отблагодарил!
 Жакып трудился день и ночь,
 Доход большой он взял с земли
 И больше всех разбогател.
 Его в округе земляки
 Гниющим баем нарекли.

Избрание Манаса ханом

Из табуна, где Айманбоз –
Красивый, сильный жеребец,
Всегда был верным жожаком,
Зарезав девять кобылиц,
Десятки вырыв очагов,
Поставив сотню казанов,
Залив водой, зажгли огонь.
Здесь, съехавшись со всех сторон,
Кыргызы вместе собрались.
И всех прибывших на Алтай
Сам Акбалта пересчитал.
И получилось их всего
Без малого здесь тысяч сто.
– Со всех концов родной земли
Сюда мы на Алтай пришли,
Трудом своим и потом здесь
Богатство, скот приобрели.
Но этот край для нас чужой –
Нас может разорить любой.
Трудом нажитое добро
Рождает зависть у врагов –
И было так покои веков.
А потому кыргызский род
Под страхом смерти здесь живет.
Манас с дружиной боевой
Жолоя, Нескару прогнал –
И вновь Китай враждебным стал.
А чтоб народ свой защищать,
Должны мы все, собравшись здесь,
Акима своего избрать.
Поднялся с места Кутубай
И людям рассказал, смеясь,
Что на охоте там, в горах,
Был ханом избран эр-Манас.
И предложил народу он
Тот выбор повторить сейчас.
Но возразил ему Манас:
– Резвись в горах позавчера,
Вы ханом выбрали меня.

Но то была всего игра!
А ханом мы должны избрать
Братишку нашего Кокче!
– Спасибо, брат! – сказал Кокче. –
С тобой всегда мое плечо!
Готов я за народ родной
Пойти на смерть, Манас, с тобой!
Достойных много среди нас,
Но ханом должен быть Манас!
Здесь вместе трудятся, живут
Казах, монгол, калмык, кыргыз,
Есть и кангайцы, и тыргут,
В родстве своем переплелись,
Имеют смешанных детей.
Чтоб был здесь лад среди людей,
Обязан хан быть всех умней.
Во мне нет мудрости такой! –
Сказал он с чистою душой.
И здесь вмешался, как всегда,
Старик мудрейший Акбалта:
– Для хана молод эр-Манас,
Отец его для хана стар.
Но бай Жакып большой богач!
А по отцу и сыну честь.
Отца мы ханом изберем,
Батыром будет сын при нем.
И ханством правят пусть вдвоем!
Пока Жакып протестовал,
Его подняли на кошму,
Манаса подсадив к нему.
Под добулбаса громкий бой
Ногоя развернули стяг
И понесли над головой
Кыргыз, калмык, монгол, казах.
Как только семь шагов прошли,
Жакып людей остановил:
– Благодарю, родные, вас.
Но ханом будет пусть один –
Мой озорник – тентек Манас!

И тут Манаса одного
Подняли вновь над головой,
Вкруг юрты обошли семь раз
И куний ханский тебетей,
С пурпурным бархатом, с каймой,
Обвитый цепью золотой,
Надели тут же на него.

– Ты ханом стал, батыр Манас!
Теперь единство есть у нас!
И пусть в народе будет мир!
Да сохранит тебя Тенгир! –
Благословили старики
И к небу руки вознесли.

Возвращение кыргызов с Алтая на родину

Под стягами своих родов
Покинув, наконец, Алтай,
Кыргызы вышли в дальний путь –
В обетованный отчий край.
У всех желание одно:
Скорей вернуться в Ала-Тоо,
Где падала спокон веков
С кыргызской пуповины кровь.
Потоки бурные Или
С домашним скарбом и скотом
И вплавь, и вброд прошли с трудом.
Минуя перевал крутой,
Прошли в долину Уч-Арал,
Вдоль рек Конуз и Жергалан
В простор Сары-Озон вошли.
На склонах ласковый ковыль,
Внизу цветы, сады, трава –
Зеленый шелковый ковер.
Не зная, что такое пыль,
Трепещет на ветру листва.
Бьют ключевые родники.
Озера, речки и пруды,
Седые горы, лес, луга
И голубые небеса!
И эту чудную страну
Кыргызам дал создатель сам!
По теплой утренней росе
Носились дети босиком.
Девчонки, весело визжа,
Купались в речке голышом.
Батыры на родной земле,

При звездах, ночью у костра
Храпели дружно до утра.
В округе нет чужой души!
Родное небо! Мир! Покой!
С дружиной старина Кошой
Манаса выехал встречать.
– Я рад тому, что наконец
Увидел в целом свой народ!
Скитаясь долго по земле,
К себе вернулся каждый род.
Теперь нам надо сохранить
Единство, дружбу и оплот.
Но если снова каждый род
Сам по себе здесь заживет,
То враг к нам сызнова придет,
Поодиночке разобьет.
Вновь горькая судьба нас ждет.
А чтоб народ был цел, един,
Им должен править хан один!
Ты делом доказал, Манас,
В руках держать умеешь власть!
Там, за долиной золотой,
Есть две реки: Кен-Коль, Талас, –
Вот там построишь город свой,
И трон поставишь в самый раз.
Я буду здесь оборонять
Род катаган и край родной.
Ты связь держи, Манас, со мной! –
Совет дал дядюшка Кошой.
Потом взял слово Акбалта
И поддержал Кошойа речь,

О том, что должен хан Манас
Весь род кыргызов убережь.
– Для нас, Манас, ты щит и меч.
Чтоб быть опорой тебе,
Останусь я в долине здесь.
И, если враг придет сюда,
На помощь позову тебя.

И три почтенных старика:
Кошой, Жакып и Акбалта –
В слезах прощально обнялись
И, разделившись по родам,
В края родные подались.
Став ханом ханов, эр-Манас
С дружиной двинулся в Талас.

Взято из: <https://eposmanas.ru/>

«ИДЕГЭЙ» ДАСТАНЫ ВАРИАНТЛАРЫННАН

Идегэй

(Татар версиясе)

Жир китәрдә ни калыр?
Жиреннән тайган ил калыр;
Ил китәрдә ни калыр?
Ил киткәндә йорт калыр,
Йорт китәрдә сөт калыр,
Ак күкрәктән сөт имгән
Сүзе татлы тел калыр.
Тел китәрдә ни калыр?
Язганнан язган хат калыр;
Баш китәрдә ни калыр?

Буында типкән кан калыр;
Буыннан буын чабылса,
Ул чагында ни калыр?
Йорт урнында яу калыр;
Яу чапканда ни калыр?
Ялгыз башы каңгырап,
Куйдай булып маңгырап,
Чүл далада тинтерәп,
Дуадактай хан калыр.

Жаектан ашу Актүбә,
Актүбәгә менгәндә,
Идел-йортын күргәндә,
Туфрагын үбеп ярсулан,
Идегэй анда тулгады:
– И Идел-йорт, Идел-йорт,
Идел эче имин йорт,
Атам кияү булган йорт –
Иелеп тәзем кылган йорт;
Анам килен булган йорт –
Иелеп сәлам әйткән йорт;
Кендегемне кискән йорт,

Керем-коңым юган йорт;
Бия сауган сөтле йорт,
Кымыз эчкән котлы йорт;
Идел – Жаек арасы
Елкы белән тулган йорт,
Казан – Болгар арасы
Кала белән тулган йорт;
Ашлы белән Ибраһим
Ашлык белән тулган йорт,
Ата-бабам тоткан йорт,
Котлы булсын туган йорт!

Тәзем — тәгъзим, олылау.

Дуадак — ялгыз; нәселе киселгән оясыз казны дуадак каз диләр.

Ашлы белән Ибраһим... – Ашлы – Иделнең көнбатыш ярында хәзерге Төтеш тирәсендә булган бер кала булса кирәк. Ибраһим каласы Уканың койган жирендә булган дип уйланыла.

Алынды: Идегэй. Татар халык дастаны. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. – 254 б.

Эдиге бий*(Кырым татарлары вариантлары)*

Барса не корьсин, Къадриберди султанны корип, шаша. Насыл-насыл кьурулгъан тахткъа бара, Къадриберди султаннынъ «буюрынъыз» деген сёзюнен отура, отургъанда, Къадрибердининъ тахткъа учъ тёбен къадап салгъан кескин пычакълары эки санына кире, санларыны тешип чыкъа.

Нурадин:

– Душманнынъ козю семирмесин, – деп эки пычакънынъ уджларыны тута да отура.

Къадриберди:

Докъуз султан бабасы ай, бабасы,
Толакъай юртнынъ саиби,
Токътамыштай ханларны
Оны да къаттинъ, Нурадин?

Нурадин:

Докъуз султан бабасы ай, бабасы,
Толакъай юртнынъ саиби,
Токътамыштай ханларнынъ,
Къарангъы тав ичинде,
Башын кесип алгъанман,
Бей бабамнынъ алдына,
Мен кетирип салгъанман.

Къадриберди:

Къындан кыскъа сынайгъан,
Догъру чалсанъ таш кескен,
Къайгырып чалсанъ баш кескен,
Ал джасман арув кылычымны,
Оны да къаттинъ, Нурадин?

Нурадин:

Къындан кыскъа сынайгъан,
Догъру чалсанъ таш кескен,
Къайгырып чалсанъ баш кескен,
Ал джасман арув кылычнен
Токътамыш ханнынъ башыны алгъанман.
Эр кьойнума салгъанман,
Эр кьойнумда къанар деп,
Къойынчыгъыма салгъанман.

Къадырберди султан сорады:

Аргъавулдан кочькен алты арбам
Алтавы да къазна арбам
Тугъра-тамгъалы асыл арбам –
Оны къаттинъ, Нураддин?

Нураддин айтты:

Аргъавулдан кочькен алты арбанъ
Алтавы да къазна арбанъ –
Танъры магъа болсын деп бергенде,
Мен оны бутюнлей сайгъанман.
Улуснынъ къувети алтын! деп,
Акъ Субан батырны къазнаджы къойгъанман.

Къадырберди султан сорады:

Босагъасы юксек боз уюм,
Алтмыш алты козь уюм
Къышлав уюм, яз уюм –
Оны къаттинъ, Нураддин?

Нураддин айтты:

Босагъасы юксек боз уюнъ
Алтмыш алты козь уюнъ –
Мен оны ёкъ корьгенмен:
Эриккеним кетсин деп.
Мугъайгъаным къалсын деп,
Орьтмен откъа бергенмен.

Къадырберди султан сорады:

Секиз ерден чегели
Токъуз ерден тогъалы
Юзю къызыл чугъалы
Тонимны къаттинъ, Нураддин?

Нураддин айтты:

Секиз ерден чегели
Токъуз ерден тогъалы
Тонинъ магъа къалгъанда –
Мен оны авур тапкъанман:
– Бу къызыл тон сагъа! – деп
Бабамнынъ сыртына арткъанман.

Къадырберди султан сорады:

Толгъамалы меним ай балтам
Кумюш саплы сай балтам¹
Ханике, Джанике джан тотам –
Оларны къаттинъ, Нураддин?

Нураддин айтты:

Толгъамалы сенинъ ай балтанъ
Чынгъыздан къалгъан сай балтанъ –
Айланышкъан урушта,
Толгъанышкъан токъушта
Онъ къолума алгъанман.
Ханикедай ёсманы
Джаникедай сылувны
Танъры озю манъа бергенде –
Бедава мал къылгъанман.

Къадырберди султан сорады:

Аягъы терек, мойны эрек
Атымны къаттинъ, Нураддин?
Юртнынъ ханы. бабасы –
Атамны къаттинъ, Нураддин?

Нураддин айтты:

Аягъы терек, мойны эрек
Атынны тутып мингенмен,
Бизни юрттан къувгъанчюн
Атанъа терс дёнгенмен.
Татар къыйыры Тунада
Токътамышдай атанъны
Сакъалындан туткъанман.
Боз бугъадай окюртип
Еди тавны янъгъыртып –
Башыны кесип алгъанман.
Къара мешинге саргъанман.
Эр башы къокъланыр деп –
Чильтер дорбагъа къойгъанман.
Чильтер дорбаны кетирип –
Бабамнынъ алдына салгъанман.
Очъ-ачувын къандырып –
Бабамнынъ алгъышын алгъанман!

¹ Сай балтам – сайланып алынган, сойдан къалган.

Идиль юрты деврильди,
Яв устюне яв кельди.
Эдиге айткъан кунь кельди,
Чынгъызнынъ къойгъан хан дагъы
Хан дагъына айланды.
Алтын Орду таркъады,
Хан сарайы къалмады.
Кърым, Къазан, Аждархан
Айры-айры иль болды.

Алынды: [Кърымтатар халкъ агъыз яратыджылыгъы. Хрестоматия. Тертип этиджи Дж. Бекиров. – Ташкент: «Ўқитувчи», 1991. – 248 б.].

«Идегэ» дастаны
(Себер татарлары версиясе)

Идегэ би, дусым ай,
Идегэ би, дусым ай
Ханың-ияң чакырадыр,
Борылып Идел кичсэнә.
Кайтсана, Идегэ, кайтсана,
Каерылып атың башын тартсана,
Иңсәсе биек Ак Урдага
Иңкәеп сәлам әйтсэнә.
Ирене юка сараяк ман
Ханияң бал бирәде,
Әчсэнә, Идегэ, әчсэнә!
Колагын бездәй кадаган,
Кәгелен¹ кыздай тараган,
«Чү» дигәндә очкан кошны
Узып киткәле яраган,
Ияренең кашы алтын,
Йөгәненең башы алтын
Арабтан ат бирәде.
Менсэнә, Идегэ, менсэнә!
Итәге алтын, йиңе алтын,
Бер күрүе мең алтын,
Кара кештән тун бирәде,

Кисәнә, Идегэ, кисәнә!
Тотам бавы сум алтын,
Кыңгыраулы күк карчыга бирәде,
Күл кыдырып чөйсәнә!
Байталдан² байтал бүлеп бирәде,
Бәйләтеп кымыз әчсэнә!
Байтактан³ байтак бүлеп бирәде,
Падишалык сөрсәнә!
Кузыкайдан артык ару бар,
Күзекәйдән артык сылу бар,
Аны да алып бирәде,
Уң тезең ултыртып,
Битләреннән суыртып,
Аркасыннан кагып-кагып сөйсәнә!
Туктамыштай ханияң
Сиңа үпкә кылады,
Үпкә булган сүзеңне
Үз авызыңнан әйтсэнә!
Кил, Идегэ, дусым-ай,
Безнең белән кайтсана! – диде.

¹ Кәгел – маңгай чәче, ялы, хохол.

² Байтал – колынламаган бия.

³ Байтак – гавам, масса. Ил, дәүләт, ыру, мал-мөлкәткә дә туры килә.

Идегә әйтеп ерлайды:

Яшьлек көнем беткән соң,
Чәчкәм атар таң булмас,
Картлык көнем йиткән соң,
Элгәрегедәй дан булмас.
Дан булмаса, булмасын,
Булганнарның нисе артык,

Сан булмаса, булмасын,
Булганнарның кайсы артык,
Үлем белән куркытма,
Курка торган уем юк;
Үлем килсә, аңардан
Котыла торган буюм юк! –

дип, үлемнән курыкмаганын кычкырып ерлады. Шуның белән бергә үзенең илен сөеп, йирен яратып, гомере буге шулар өчен көрәшкән аңлатмыйча үлмәгән әйтеп болай ерлады:

Илем өчен илсенеп,
Йирем өчен йирсенеп,
Халыгым өчен яхшы уем
Күкрәк тулып йилсенеп,

Көрәшкәнне халыгым
Аңладымы, белә алман,
Аңламаса халыгым,
Аңлатмастан үлә алман! –

Идегә инде үзенең үлемнән котыла алмаячагын, үлтермичә калдырсалар да, яшәүнең мәгънәсе булмаячагын уйлап, актык өмидләрен өзеп, болай диде:

Минен инде илгә күренер йөзем дә юк,
Борынгыдай йортка карар күзем дә юк,
Билем дә юк – дошманнарым, тиз үлтерен,
Сезгә инде башка әйтер сүзем дә юк, –

диде. Муенына кылыч күтәрелде.

Тапшырылдым, Ходай, үзәнә,
Ни кылсаң да иркең үземә! –

дип әйтеп бетәр-бетмәстән, муены өстендә кылыч ялтырады.

Алынды: Татар эпосы. Дастаннар. Казан: “Раннур”, 2004 – 286–336 бб.

Едиге

(Қарақалпақ халық дәстаныннан)

Әне сол ўақында Едиге Сатемир ханға қарап келген жөнин, шыққан журтын айтып гәплей берди:

Тахты ўстинде хан ата,
Сөзимди майқул тыңла,
Әдил атлы жан ата,
Қайсы бирин айтайын,
Айтпай саған қәйтейин,

Шыққан мына елимди.
Келген мына жөнимди,
Саған баян етейин.
Едил менен Жайықтан,
Ойыл менен қыйылдан,

Нуранның қара қумынан,
Бөктергили адырдан,
Бөгелекли шүңгилден,
Ғарғалы елек сайынан,
Хан Тоқтамыс елинен
Мен бир келген баламан,
Атсызларға ат берип,
Тоңсызларға тон берип,
Атыр деген дабырлыңды еситип,

Киятырман мен дейди,
Атың болса бағаман,
Отың болса жағаман.
Сен сыйласаң боламан,
Сен сыйламасаң қәйтейин.
Бизлер келген күнликши,
Арба айдап қой бағып,
Мәскепши болып суу тасып,
Аўқатымды көремен деди.

Жығылған соң қылыштан
Аман қалған ноғайлар
Тоқтамыс ханның бағына
Қашып барып эл аман эл
Аман деп қашып барып қамалды
Қашқан жаўға қатын ер
Қумары жалғыз кейнинен
Нураддин урысты койды
Едиге келди қалаға
Заман кимнің заманы
Едиге ханның заманы
Дәўир кимнің дәўири
Едиге ханның дәўири деп

Қалада да жар болды
Ат шаптырды далаға
Жар урдырды қалаға
Ханның қызы Қаникейди
Жасаўыллап алдырды
Ханның қызын алады
Хан күйеуі болады
Мына енди ноғайлыға
Едиге патша болады
Күн батардан Едиге келди
Қақ маңлайдан шабады
Күн шығардан дәрўазадан
Тоқтамыс хан шықты

Тоқтамыс хан өз басын жоқлап енди қаладан қашпақ болды. Жүз жигитин ертти. Енди Тоқтамыс хан қаладан қашты, онда барды, мында барды, қаланың сыртындағы мекенларын көрди.

Ақша жүзи солады
Ғамға кеўли толады
Ели халқын кыйратып
Солқылдап жылай береді
Патша толғай береді
Атам күйеу болған жер
Енем келин болған жер
Сазандай тиркесип
Сабазамат өскен жер
Салпың қуйрық ғунан қой
Шүленге қайнап пискен жер

Анам ғәрип бийшара
Тоғыз ай курсак көтерип
Омыртқасы бүгилип
Кабырғасы сөгилип
Алтыннан бақан көмдирип
Тилла жүуен кердирип
Толғаққа мейил болған жер
Киндик қаным тамған жер
Сен не болдың меннен соң
Мен не болдым сеннен соң
Болған жериң усыма

Тоқтамыстай ханнан соң
Жалғыз тууған меннен соң
Оннан арман барады
Терекли жерге келеди
Терегин жоқлай береді
Ушынды кессем жәниұар
Пуқарамның шапшағы
Түбинди кессем кәйтейин
Телегеннің гүпшеси

Терегим сеннен айырылдым
Сенде меннен айырылды
Жийдели жерге келеди
Ушынды кессем жәниұар
Пуқарамның азығы
Түбинди кессем кәйтейин
Мал байлаған қазығым
Жоқты саған жазығым деп
Өте берди зар жылап...

*Алыныды: Едиге. Қарақалпақ халық дәстаны — Нөкис, «Билим»,
баспасы 2019-жыл 224-бет.*

Едіге

(Казах версиясе)

Сонда Едіге тұрып сөйледі:

– Атам атын сұрасаң,
Ала тайлы Аңшыбай,
Баба тұкті Шашты Әзиз
Аңшыбайдың баласы.
Шашты Әзиздің баласы
Парпария сұлтан хан еді,
Өз әкемді сұрасаң,
Құттықия бек еді,
Өзім атым Едіге, – деп.

Едіге Тоқтамыстың артынан қуып жетіп айтқаны:

– Тоқтамыс хан сен деді,
Артыңнан келдім мен деді.
Құттықия бабамды
Өлтіргенің шын ба еді?
Бір торғайдың құны үшін

Жылқыбайдың өлтірдің
Мен үшін жалғыз баласын.
Тастап иесіз қарасын,
Екі адамнан артық көрдің бе
Бір торғайдың баласын.

Сонда Тоқтамыс сөйледі:

– Басымда бақыт тұрғанда
Кетпес деп едім дүниеден.
Басыма қонған бағымнан,
Айырдың менің тағымнан.

Қулықтан туған құлаша
Ат боларын білмедім
Жетектеп алып кетерге.
Тумадан туған сұм бала

Ер боларын білмедім
Жөргегінді кесерге.
Бұл дүниеден мен болдым
Енді шығып кетерге.

Елім кетіп танғаным,
Дүниенің білдім жалғаным.
Қатын, балам аманат
Енді кетіп қалғаным.

Едіге алмаспен Тоқтамыстың басын кесіп алып, сақалынан қанжығаға байлап, Едіге елге қайтады:

Жетейін деп еліне
Ата-анасын көруге.

***Алынды:** Қазақ халық әдебиеті: Көп томдық. Қазақ ССР Ғылым акад. – М.О.Әуезов атындағы Әдебиет және өнер ин-ты. – Алматы: Жазушы, 1986. – Т.5: Батырлар жыры/Құраст. О.Нұрмағамбетова, Қ.Сыдықов. Жауапты шығарушылар А.Айдашев, Е.Құдайбергенов. 1989.*

Эдиге
(Ногай версиясе)

Ногай юрт

Эдиге мен Нурадин Ногай юрттың ерине аяқ басканда, аттан туысып, ак топырақты уысларына алып, оббедилер. Эдиге сонда толгайды:

Ий, Ногай юрт, Ногай юрт!
Атам-анам тувган юрт.
Ийилип, салам берген юрт,
Киндигимди кескен юрт,
Бие савган суытлы юрт,
Қымыз ишкен кутлы юрт,
Эдил-Яйык арасы
Йылкы мынан толган юрт,
Эдил, Эдил, Эдил сув,
Яганъ ойпанъ кум баскан.
Кумга субай тал биткен,
Бутагы сувга ийилген,
Япырагы калкандай,
Бакасы, койдай, шувлаган,
Балыгы, тайдай, дувлаган,
Тасбакасы – атандай,
Йыланы бар, бакандай.
деп, Эдиге, турып, атка минеди.

Балыгы йылкы яптырмас,
Бакасы туың уйкыңды
таптырмас.
Сен тувылма, тувган юрт,
Япырақларынъ саргайып,
Коык тогайынъ караланып,
Токтамыс хан колында.
Ий, Ногай юрт, Ногай юрт!
Не болды сага, тувган юрт?!
Сендей элден айырылган
Мен не болдым, тувган юрт?
Сени меннен айырган,
Бай юртымды кул эткен,
Ток юртымды аш эткен
Токтамысты тыяйым деп,
Оыз юртымды алайым деп,
Сага келдим, тувган юрт! –

Эдилди ытып, атасы ман улы хансарайга келедилер. Аз аскерди коьп этип коьрсетер уьшин, Эдиге бир тоьбединь янында токтап, кешелерде коьп ерге от яктырып, атлардын курсагына ак боьз байлатып, тань атканша, атларды тоьбеде айландырып юрите берген. Буларды коьрген куьзетшилери, ханга барып, тоьбе якта сансыз аскер келип токтаган, деп хабар бергенде, хан, адап калып, аскерин де йыялмай, кашпага карайды.

Эдигединь баьтирлерше ыьлгени

Нурадин ыьлгенде, такка Кадыр-Берди олтырады. Ама ога Эдиге сав болып турганы тынышлык бермей турды. Эм ол, тоьрелерин йыйып, булай айтты:

Даьврен суьрген куьнимде
Эдиге эсен экенде,
Эдил юрты мага эл болмас,
Коьрген куьним куьн болмас.
Я Эдиге, яде мен!
Атланмага аьзирмен,
Тавып, басын кесермен!

Оны ман бирге болган Барын-мырза ман Шырын-мырза Эдигеги яхшы билгенлер. Сонда олар, Эдигединь сусыннан коркып, булай айттылар:

Толкысыган Ана-Эдил,
Тасыганы ятыспай,
Эдилден аьри кешуьв
Кыйын болар, солтаным.
Эдил тынсын, буз тутсын,
Йол ашылсын, солтаным,
Эдиге энди картайган,
Алпыстан ясы озган,
Коя берсень, не болган?

Кадыр-Берди:

Эдил тынса, ким кешпес,
Эдиге ыьлсе, ким алмас?
Эдил тынмай,
Сувды кешуьв керек,
Эдиге ыьлмей,
Онынь басын алув керек!
Мен муньайман, бийлерим,

Явды шабар куьн келди,
Оьшин алув бас келди!
Ол куьн мага бир келди!
Эй, бийлерим, атланаяк,
Толкысыган Эдилди
Тынмай, кешип шыгаяк,
Оьлөөк болса Эдиге,
Оьлмей, басын алаяк!

Кадыр-Берди, яс солтан, мырзалары ман бийлери мен бирге Эдигеге атландылар. Тасып турган Эдилди кешип, тавдагы Эдигединь элине шыктылар. Эдиге де яв келеятырганын билип, аьскерин йыйып, алдыларына шыкты. Кадыр-Берди, яс солтан, аьскерине булай айтты:

Эдиге ондай эр экен,
Эдил-юртта бир экен,
Эркли киси бир болып,
Элди туткан эр экен,
Эдиге элде бир экен.
Атагы уыйкен ол болса,
Анынь да болган атагын,
Оьзиме тартып алайым! –

деп, Кадыр-Берди, яс солтан, алдаспанын шыгарып, карт Эдигеге шапты.

Экевлери коьп согысты. Эдиге яраланды, шокпарын алып, Кадыр-Бердидинь басына сокты. Кадыр-Бердидинь басыннан кан шыкты, каны шыкканда, яны да шыкты.

Эдиге сонда булай деди:

Кадыр-Берди, яс солтан,
Согыспага куьшинь бар,
Ясым уыйкен, басым кар,
Тоьреликке карамай,
Мен басламай, сен тийдинь.
Асыктынь-ав, балам-ав,
Арыслан, аьлин йойса да,
Бир сарыклык куьши бар.
Неге билмединь, Кадыр-ав?

Сойтип Кадыр-Бердиди енйип, Эдиге яраланып, кашады. Оны кувган кырк саклавы ман Барын-мырза эм Шырын-мырза боладылар. Эдигединь басын ким алса, сол хан тагына минеек деп, Барын айтады. Олар Эдигеги кувып, бир коьлге етедилер. Сонда, камыслыктынь ишине кирген ат ызларын коьрип, излеп баслайдылар, тек Эдигеги таппайдылар. Айланып, кетеек боладылар. Ама Барын мырза: «Муннан оьзге ерге Эди-

ге кетпес», – деп, саклавларын токтатады. – «Согыска шык, коркасынъ-ма, Эдиге?» – деп кышкырады.

Сонда Эдиге намысланып, коркканым йок деп, камыстан шыгады. Согыс болады, кырк саклав аркан таслап, байлап, Эдигеди шавып йыгады. Барын-мырза етип, Эдигединъ басын кеседи.

Эдигединъ басы сойлейди:
Барын, сага не эттим?
Биринъ эки болмасын!
Юртынъ соьнсин, калмасын!
Барын, сага не эттим?
Ханнан ханды мен йыктым,
Хан сен энди болмассынъ!

Сойткенде, Барынды Шырын оьлтирип, Эдигединъ басын алып кашады...

Алынды: Эдиге: Ногайская эпическая поэма / под ред. Н.Х. Суюновой; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР. – М.: Наука, 2016.

ДАСТАННАРДАН ТАРИХКА

ОТ ДАСТАНОВ К ИСТОРИИ

Әбелгазый Баһадир хан

ШӘЖӘРӘИ ТӨРЕК

Угыз ханның угланнары, нәбирәләренең¹ исемнәренең зикере

Угыз ханның алты углы бар иде. Олугының аты Көн хан, икенче – Ай хан, өченче – Йолдыз хан, дүртенче – Күк хан, бишенче – Таг хан, алтынчы – Дингез хан. Бу алтының һәркайсының дүртәр углы бар иде. Болар олуг хатыннан туганнар иде вә кече хатыннан булган угыллары дәхи бар иде, вә аларны һәм әйтербез. Көн ханның дүрт углы бар иде. Беренче – Калый, икенче – Баят, өченче – Алка-Өйле, дүртенче – Кара-Өйле. Ай ханның дүрт углы бар иде. Олугның аты Язир, икенче – Ябир, өченче – Дудырга, дүртенче – Дүкәр. Йолдыз ханның дүрт углы бар иде. Өвәле – Үшәр, икенче – Кырнык, өченче – Бикдәли, дүртенче – Каркыйн. Күк ханның дүрт углы бар иде. Беренче – Баиндар, икенче – Биҗнә, өченче – Жавылдар, дүртенче – Жабни. Тау ханның дүрт углы бар иде. Өвәле – Салур, икенче – Имир, өченче – Алаюнәтле, дүртенче – Өркир. Дингез ханның дүрт углы бар иде. Беренче – Икдәр, икенче – Бәкдуз, өченче – Ава, дүртенче – Кынык.

Угыз ханның бу алты углының һәркаюсының мәзкүрләрдән башка яшь хатыннан янә дүртәр угыллары бар иде, әмма кайсы каю атаның углы икәнә мәгълүм түгел, исемнәре болардыр: Көнә, Күнә, Турбатлы, Кирәйли, Солтанлы, Уклы, Күкле, Сужли, Хөрәсәнле, Йортчы, Жамчы, Торумчы, Комый, Суркый, бу вакытта аны «Сурхый» дирләр, Куырчык, Сорачык, Карачык, Казгорт, Кыргыз, Тегәнләлә, Мәрдәшуй, Саир.

Угыз ханның егерме дүрт нәбирәсенә мәгънәләре: Калый – «мәхкәм» мәгънәсендә, Баят – «дәүләтле» мәгънәсендә, Алка-Өйле – «мауфикъ» мәгънәсендә, Кара-Өйле – «һәркайда утырса, мичле өй илән торучы» мәгънәсендә, Язир – «илләр агасы» мәгънәсендә, Ябир – «алдына нәрсә очраса, шуны егар» мәгънәсендә, Дудырга – «йорт алмакны һәм аны сакламакны белүче» мәгънәсендә, Дүкәр – «түгәрәк» мәгънәсендә, Үшәр – «эшне тиз эшләүче» мәгънәсендә, Кырнык – «букә»² мәгънәсендә, Бикдәли – «сүзе

¹ Нәбирә – онык.

² Букә – өлкән.

яхшы» мәгънәсендә, Каркыйн – «ашлы димәк» мәгънәсендә, Баиндар – «нигъмәтле» мәгънәсендә, Бижнә – «сәгый¹ кылучы» мәгънәсендә.

Жавылдар – «намуслы» мәгънәсендә, Жабни – «баһадир» мәгънәсендә, Салур – «кылычлы» мәгънәсендә, Имир – «байлар бае» мәгънәсендә, Алаюнәтле – «ала атлы» мәгънәсендә, Үркир – «яхшы эш кыйлучы» мәгънәсендә, Икдәр – «олуг» мәгънәсендә, Бәкдуз – «хезмәткәр» мәгънәсендә, Ава – «мәртәбәсе бәлән²», Кынык – «газиз» мәгънәсендә.

Көн хан, житмеш ел падишаһлык кылганнан соң, энесе Ай ханны үз урынына утыртып, Хак рәхмәтигә китте.

Ай ханның падишаһлыгының зикере

Ай хан яхшы, гадел, вә агыр, вә әдәпле кеше иде. Ата вә агасының әйткән нәсыйхәтләре илә гамәл кылып, күп еллар атасының эзе илән йөрөп, Хак рәхмәтенә китте.

Йолдыз ханның зикере

Йолдыз хан һәм яхшы падишаһ иде. Әмма аны кыйтга³ белмәймен ки, ул Ай ханның нәбирәсеме йә бертуганымы иде. Йолдыз исемле бер энесе бар иде, ул һәм булмаска кирәк, кем булса да Угыз хан нәселеннән иде, берничә ел падишаһлык кыйлып, углы Менглене тәхетенә утыртып, вафат булды.

Менгле ханның зикере

Менгле хан дәхи яхшы падишаһ иде. Ул дәхи берничә еллар ит жыеп, кымыз эчеп, кояш, ай кеби сылуларны кочып, күнә суы кеби юргаларны вә жил кеби йөгрекләрне менеп, Менгле теләгән жирләргә очып, углы Дингез ханны үз урынына утыртып, теге дөнъяга сәфәр кыйлды.

Дингез ханның зикере

Дингез хан дәхи күп еллар падишаһлык кылып, озын гомерле булды. Карт булганнан соң, Ил ханга падишаһлыкны тапшырып, берничә ел Тәңрегә бәндәлекне кыйлып вафат булды.

Ил ханның зикере

Ил хан Могул иленә падишаһ булды. Югарыда әйткән идек ки, татар ханнарының тугызынчысы Сөөнеч хан иде, дип. Ил хан илән Сөөнеч икесе замандаш иделәр. Һәрвакыт икесе бер-берсе илә орышып вә талашып торырлар иде. Күбрәк вакытта Ил хан галиб булыр иде. Шул сәбәптән Сөөнеч хан кыргыз-казакъ ханына илче жибәреп, күп нәрсәләр Һәдия биреп вә башкаларына күп нәрсәләр вәгъдәләр кылып, аны үзенә яр вә

¹ Сәгый – тырышлык.

² Бәлән – югары.

³ Кыйтга – тулысынча.

ил кылды. Ул жирләрде ил (халык) күп иде. Могул ул илләрнең барчасыннан күбрәк иде. Һәр заман орыш вә талашлары булганда, бер ыругка могул галиб килер иде. Ул төрек илләрендә могулның угы үтмәгән вә кулы тимәгән ил юк иде. Бу сәбәптән һәммә илләр могулга хөсөт¹ кылып: «Ах сине!» — дип янарлар иде. Сөенеч хан кыргыз-казакъ ханын үзенә яр кыйлгач, илләренең барчасына илчеләр жибереп, үзенә куәт жыеп, фәлән айның унынчы көнөндә фәлән жирдә табышып могулдан үчебезне алаек, дип, шул тәгаен кылган жирләрәндә һәммәсә бергә кушылып, Могул иленең өстенә йөрделәр. Могул өйләрен вә малларын бер жиргә өеп, гаскәре өйләренең тирәсендә үр казып утырдылар. Сөенеч хан барып орышты, һәр көндә могул галиб булды.

Беркөн сәр² гаскәр Сөенеч хан барча илләрнең ханнары вә бәкләре илән аулакта киңәштеләр вә әйттеләр, Могулга хәйлә кылмасак, эшебез яман булыр, дип. Икенче көн иртә илән качкан гаскәр кеби агыр йөкне вә яман хәлне ташлап күчеп киткән булдылар. Могул аны орышка тәкәт тоталмый качканга хәмел³ кылып артларыннан куа барып життеләр. Татар халкы могулны күргәч, шул хәл кайтып, анлар илән каты орыштылар, ахирел әмер татар могулны жинде. Үтерә-үтерә өйләренә житте. Барча могулның өйләре бер жирдә иде, өйләрен вә малларын шулкадәр таладылар ки, бер могул өе сәламәт калмады. Олуғларын барчасын кылычтан үткәреп вә кечекләрен кол кылып, һәркем берсен алып китте вә могулдан кеше калмады һәм кешенең ишегендә бәндә⁴ булды. Хужасы ни ил булса, шул ил исемендә йөрдә, дошман булган могул калмады.

Кыян илән Нөкүзнең, Әркинәкунга барып, йорт итеп утырганнарының зикере

Сөенеч хан могулны чабып кайтты. Ил ханның уғланнары бик күп иде. Һәммәсә орышта үлделәр. Кыян атлы бер кечек углы бар иде, аны шул сугыш елында гына кәдехода кылып⁵ иде. Ил хан энесенең Нөкүз атлы бер углы бар иде, ул һәм шул елда гына кәдехода булып иде. Бу икесе бер куыштагы кешеләрнең кулына төшөп иделәр. Ун көн булганнан соң, бер кичне икесе хатыннары илән атка атланып качтылар, үз йортларына йөрделәр. Адашкан вә яудан кире качкан дүрт төрле ат, сыер, дөя, куй, маллардан күп таптылар вә икесе киңәштеләр вә бер-беренә әйттеләр: әгәр Илгә барсак, дүрт тарафтагы илләрнең барчасы безгә дошман, әгәр Илгә кушылмый үз йортыбызда утырсак, бер йөргән вә тузганга очрамай булабыз,

¹ Хөсөт — көнчелек.

² Сәр — баш, башлык.

³ Хәмел — юрау.

⁴ Бәндә — бәйле кеше, кол.

⁵ Кәдехода кылу — өйләндерү.

инде яхшысы шул ки, тауларның эчендә кеше аягы төшмәстәй жир эзләп, тауга таба малларын сөрөп киттеләр. Тауга барып житкәч, эченә киткән бер тар гына сукмак юл табып, шул юл илән акыртынлап тауны ашып, теге ягына төштеләр, дәхи төрле яктан әйләнеп карап йөрделәр, үзләре кәргән юлдан гайре юлны тапмадылар. Үзләре кәргән юл шундый тар вә жайсыз иде ки, дөя аннан йөз имкәк¹ илән үтәр иде, әгәр аягын яңлыш читкә басып жибәрсә, тау астына кулап китеп парә-парә булып иде. Ул тау эченең киң-легенең һич ниһаяте юк иде, агым сулары, вә чишмәләре, вә төрле утлар², вә мивәле дәрәхтләр³, вә төрле-төрле аулар туп-тулы иде. Ул жирне күргән-нән соң, Тәңрегә шөкерләр кылдылар, малларының кышта итен жыйдылар вә язда сөтен эчтеләр вә тиресен киделәр. Ул жиргә Әркинәкун дип исем куйдылар. «Әркинә»нең мәгънәсе «тауның кәмәре⁴» димәктер, «кун»ның мәгънәсе «төз вә үткен» димәктер, бу жир тауның кыры, даласы иде.

Бу ике ага-энедән бала-чагалар бик үрчеде. Кыянның әүляды күп булды, Нөкүзнең аннан азрак булды. Кыян әүлядына «кыят» диделәр, Нөкүз әүлядына ике исем куйдылар: берничәсенә «нөкүзләр» диделәр, вә гайре берничәсенә «дүрелгән» диделәр. Кыянның мәгънәсе «сил»⁵ димәктер ки, тау түбәләреннән язлыкта сулар арык-арык булып елдам шавылдап төшәләр. Ил ханның углы көчле, тиз, елдам кеше иде. Шунның өчен аны Кыян диделәр. Кыят Кыянның жәмгысыдыр. Күп еллар бу ике кешенең угланнары Әркинәкунның эчендә тордылар, буйга озайдылар, аркылыга жәелделәр, һәр жәмәгать башка-башка аймак булдылар вә ыруг атын күтәрделәр. Тәңрем боерса, барчасын әйтәчәкмен. «Аймак» дигән сүз «сөяк» мәгънәсендәдер. Төрөк халкы бер кешедән сораса, аймакың нидер, дип, «ниндәй сөяктән» дигән мәгънәдәдер. Дүрт йөз елдан күбрәк Әркинәкун эчендә утырдылар, үзләре вә маллары шулкадәр күп булды ки, хәтта сыя алмадылар, шул сәбәптән бер жирдә жыелып утырып киңәш кылдылар, анда әйттеләр, ата-бабаларыбыздан ишетәдер идек: Әркинәкунның тышкы ягында киң жирләр вә яхшы йортлар бар, имеш. Безнең йортыбыз кадимге заманда ул жирләрдә булган, имеш. Татар башлыгы үзгә илләр илән бергә безнең ыругыбызны кырып, йортыбызны алган, имеш. Хакка шөкер, бу чакта башыбыз андый имәстер ки, дошманнан куркып тагу эчендә камалып утырырга тауның арасыннан юл эзләп табып күчеп чыгаек, һәркем дуст дисә, аның белән күрешәек вә, дошман дисә, аның илән көрәшәек, диделәр. Барчасы бу сүзне мәгъкуль күрәп чыкмакка юл эзләделәр, әмма тапмадылар бер тимерче әйтте:

¹ Имкәк – газап.

² Ут – чәчәк.

³ Мивәле дәрәхтләр – жимешле агачлар.

⁴ Кәмәр – билбау.

⁵ Сил – ташу.

«Монда бер тимер кяне, яғни тимер чыга торган жир бар, шуның тимерен эретсән, юл булып иде». Ул жирне барып вә күреп килделәр, дәхи ул эшне мәслихәт күрделәр. Илгә утын вә күмер жыярга әмер кылдылар. Тауның киң жиренә бер кат утын вә бер кат күмер салдылар, тауның өстен вә аргы ягын вә бире ягын тутырғаннан соң, житмеш тиредән өргеч ясап, житмеш жиргә кордылар һәм берьюлы өрдерә башладылар. Ходай Тәгаләнең кодрәте илән тау кызганнан соң, тау тимер булып ага бирде, һәм йөкле дөя чыгардый юл ачылды, көннең, айның сәгатен карап тышка чыктылар. Шуннан бирле могулның шул көзне гайд¹ кылып бәйрәм итмәге гадәт булып калды. Бер парә тимерне утка салып кызыл булганчы кыздырылар. Әүвәл ханнары әнбүр, яғни тимер кыскач илән тимерне тотып сандал өстенә куеп чүкәч илән орыр, аннан соң бәкләре шулай кылып, аннан соң – гайреләре. Ул көнне гажәеп газиз тоталар, камаудан чыгып ата йортына килгән көн дип сагынып сөйләләр.

Ул вакытта могулларның падишаһы Буртачина исемле кыян нәселе вә Корлас ыругыннан иде. Ул, барча илләргә илче жибереп, Әркинәкуннан чыгып килгәнән мәгълүм кылды, бәгъзеләре яхшы күрделәр вә бәгъзеләре яман күрделәр. Татар халкы яман күреп яу булды. Татар илән могул икесе саф тартып орыштылар. Могул галиб килеп, олуғларын кылычтан үткәреп, кечекләрен бәндә кылды. Дүрт йөз илле ел булганда канны вә малны алды һәм ата йортына утырды. Ул жирдә утырган төрек халкы арасында татардан күплесе юк иде. Әркинәкуннан чыгып, татарны кырып ата йортында утырганнан соң, могул Татар йортына, барча илләргә вә ыругларга баш булды. Бәгъзе илләр могулга буйсынып, могул булмалар да, могулбыз дип, үзләрен могулга куштылар.

Могулның вә башка төрек ыругларының баяны һәм асыллары², вә атлары, һәм ләкабләре ни икәнненең зикере

Казвинлик Хужа Рәшид әйтәдер: «Иранда Чыңгыз әүлядыннан падишаһлык кылган жәмәгәтәтән әүвәл кеше мөселман булды. Чыңгыз хан углы Тули хан, аның углы Һөләкү хан, аның углы Абак хан, аның углы Аргын хан, аның углы Разан хан иде. Ходайның рәхмәте булсын, ул, падишаһ булгач, бер жирне пайтәхет кылды, мине чакырып гыйнаять³ итеп вәзир кылды, тәмам Иран мәмләкәтенен ихтиярын минем кулыма бирде. Бер ел булганнан соң беркөн мине чакырып әйтте: «Әлхәмделилла, без мөселман булдық, безнең олуг атабыз Һөләкү хан Могулстаннан килгәннән бирле ике-өч буын үтте. Инде бездән соң дөньяга килгәннәр могулның телен, вә гадәтен, вә жирен, вә йортын, вә ыругларын онытырлар, белмәсләр. Могул

1 Гайд – бәйрәм, гае.

2 Асыл – чыгыш.

3 Гыйнаять – кайгыртучанлык.

йортында утырган ил күптер, аларның кайсының сөяге могул, кайсының татар, кайсының кыргыз кеби – боларның һәммәсен бер жиргә жәмигъ кыл», – дип хөкем кылды. Мин гарыз кылдым бер кешенең кулыннан бу эш килерме, миңа олуг хезмәт бирдегез, дип. Хан әйтте: «Бу эш синнән башка кешенең кулыннан килмәс, бездә могул теле илән язган китаплар бар, язылмаган сүзләргә күңелдән белә торган кешеләребез бар», – дәю.

Биш-алты могулның телен яхшы белә торган кешеләргә минем катыма куйдылар, дәхи ханның бер олуг бәгә бар иде, исеме Пулад вә ләкабе Жөнкәсәң иде, аны һәм миңа ярдәмгә куштылар. Ул вакытта могулның асыл нәсәбен аннан артык белгән кеше юк иде. Могулның телен камил белеп, китабын да бәк яхшы укыйдыр иде. Шуннан соң Пулад Жөнкәсәң Баһадир башлыкның һәм тәгаен кылынган могулларның ярдәме илән тарих хижри жиде йөз икедә иде ки, мин бу тарихны яздым вә исемне «Жәмигъ әт-тәварих» куйдым». Хужа Рәшид сүзе монда тәмам булды. Шул тарих фәкыйрьнең алдындадыр, китапның әүвәлендә һәм зикер иткән идем, моннан башка унжиде данә «Чыңгызнамә» алдымда әзердер, анлардан һәм күчереп язамын. Кятиблар¹ мөрәвәтсез ахмаklar, мәзкүр тарихлардан гайре нөсхәләргә күчереп ала-ала, ул заманнан бирле өч йөз житмеш ике ел булган. Хода белер, егерме йә утыз нөсхәгә язылмыштыр, һәр нөсхәгә күчереп алган саен берничә сүзгә галәть² кыла-кыла, тарихларның өчтән берен, бәлки, ярымын аңлыш язмышлар. Тарихларда язылган тауларның, вә суларның, вә жирләренң, вә кешеләренң атлары могул йә төрек теледер. Китап чыгарган Мосаннифлар³ вә анларны язган кятиб кемсәләр фарсы вә тажиктыр, анлар нә төрки телен вә нә могул телен беләләр. Могулның бәгъзе кешеләренң исемнәрен бер тажикка әгәр ун көн өйрәтсәң, теле күнмәс, бәс, ул ничек дәрәс яза белсен. Бу фәкыйрь төрки вә фарсы телләрен вә ләгәтьләрен һәм истыйляхларын⁴ белмәктә Ходай Тәгалә шулкадәр биргәндер ки, бу вакытта төрек вә тажикта кирәк кем булсын фәкыйрьгә биргәнчә бер кешегә бирмәгәндер. Вә дәхи бер сәбәп буенча калмыкка барып, анда бер ел тордым. Могулның телен вә гадәтен вә истыйляхларын яхшы өйрәндем, бу тарихны яхшы вә яман барчасы да белсен дип, төрки теле илән яздым, төрки булганда һәм шундый мөстәгъмәл⁵ вә жинел ләгәтьләр илән яздым ки, хәтта биш яшәр углан аңлар, мәгънәләрен фәһемләргә рушан вә заһир булсын өчен гарәп вә фарсы теленнән, хәтта чыгтай теркисеннән мәшһүр ләгәтьләреннән гайре бер кәлимә кушылмады. Әгәр әжәлнең өндәүчесе өнди килмәсә,

¹ Кятиб – язучы.

² Галәть – ялгыш, хата.

³ Мосанниф – китап төзүче, язучы.

⁴ Истыйлях – термин.

⁵ Мөстәгъмәл – кулланыштагы.

ошбу китапны фарсы теле илән дәхи язмак күнелемдә бардыр. Әйтә торган сүзләремне әйттем инде, хәзер максудка киләем, хәзер могулдан башка булган ыругларны белгәнемчә бәян кылаем, могулны соңыннан сөйләрмез.

Угыз ханның дастанында әйтеп идек ки. Төрөк илендә әүвәл ил исемен күтәргән биш ыруг бар: Уйгур, Кангълы, Кыпчак, Калач, Карлык дигәннәр. Угыз угланнары Төрөкмәннән аерылмый Мавәраәннәһер вә Хорасанга төштеләр. Кыпчак, Дон, вә Идел, вә Жак суларының буйларында вә араларында утырдылар. Кангълы Төрөкмән илән бергә утыра иде. Төрөкмән вилаятьне үз кулына алганнан соң, Кангълы Эссе күл, вә Чуда, вә Теләш суларының буйларында ватан тотып күп еллар утырдылар. Өргәнеч падишаһларынан Текеш хан Кангълының бер олугының Теркән исемле кызын алды. Солтан Мөхәммәд Хәрәзем шаһ ул кыздан туды. Солтан Мөхәммәд бик олуг падишаһ булды, йортының бер тарафы Һиндстан, вә бер тарафы Әндижан вә Төркестан, вә бер тарафы Гарәбстан, вә бер тарафы Рум пайтәхете иде. Өргәнеч Кангълы халкыннан һәркем ул торган хатынга якин карендәш исә, берсе артыннан берсе Солтан Мөхәммәд хезмәтенә килеп, иманга мөшәррәф¹ булдылар һәм хезмәтендә тордылар. Теркән хатынның Хәмәр исемле бертуган агасы бар иде. Ул, солтан хезмәтенә килеп, мөселман булды. Солтан аңа даругалык ләвазимен² бирде. Теркән хатынның атасының энесе углы бар иде, Айналжаек исемле, ул һәм килеп мөселман булды. Аңа тәмам Төркестан вилаятен бирде, дәхи хөкем кылып мәгълүм Филдикә, бу көннән соң һич аны Айналжаек димәсен, Гаюр хан дисеннәр диде. Аннан соң Кангълының Күк исемле бер яхшы кешесе бар иде, аңа Күк хан ат куеп, Бохараны бирде. Солтан Мөхәммәд Хәрәзем шаһка Кангълыдан килеп табигъ³ булган илле-алтмыш мең өй бар иде. Чуда вә Теләштә калганнары һәм ун мең өй бар иде. Чыңгыз хан килеп, ул Теләштә утырган Кангълыны алды, барча йортларны алып, халыкны кырды, Кангълы һәм шул халыклар илән бергә юк булды. Бу йөргән кангълылар соңыннан жыелып ил булганнардыр.

Алынды: Әбелгазый Баһадирхан. *Шәжәрәи төрөк*. Казан: Татар кит. нәшр., 2007. Б. 26–34.

Материалы «Специального номера – III» подготовлены доктором исторических наук Д.М. Исхаковым, обработаны Г.Ф. Давлетишиной.

¹ Мөшәррәф – хөрмәтле, кадерле.

² Ләвазим – хезмәт урыны.

³ Табигъ – иярүче, буйсынучы.

ТӨРКИ-ТАТАР РУХЫ

ТЮРКО-ТАТАРСКИЙ ДУХ

Рустам Курчаков

РАДУГА БИЛИКА И ПРОСВЕТ АЛТАЙСКОЙ БЕЛОЙ ВЕРЫ

(К фрагменту рукописи Н.А. Шодоева «Алтай Ак Жанг»)

Алтайская Белая вера – Ак Жанг – зародилась в Горном Алтае в начале XX в. Это этническая религия алтайского народа, которая возникла на основе интуитивного предощущения грозного цивилизационного кризиса, разразившегося на протяжении всего XX в. и докатившегося теперь до наших дней (войны, революции, распад империй и т.п.).

Н.А. Шодоев

Приверженцы Белой веры (бурханисты от тюркского слова Бырхан – Бог) положили конец черной шаманской магии, кровавым обрядам и заповедовали чистоту в отношениях с Природой и между людьми. У Белой веры нет письменных пророчеств, она передается изустно, поэтому ее сокровенный смысл усваивается людьми самостоятельно и часто воспринимается со стороны и толкуется по-разному. Этим Белая вера сильно отличается от других современных религий, в которых каноны вероучений и обрядов часто вытесняют живую веру.

Николай Андреевич Шодоев – ныне долгожитель Алтая, в этом году ему исполняется 90 лет – более чем полвека является собирателем и хранителем Алтайского Билика – древней мудрости, которая веками складывалась в очаге тюркских народов.

Вот уже 20 лет прошло со времени первого русскоязычного издания Билика: Н.А. Шодоев, Р.С. Курчаков. Алтайский Билик – древние корни народной мудрости России. Казань, НПФ «ТАУ», 2003 г.

В течение ряда лет после выхода эта книга была переведена на немецкий, турецкий и английский языки. С тех пор на Алтае вышло немало новых книг Н.А. Шодоева. В Усть-Кане действует музей Билика – филиал республиканского краеведческого музея. А в 2021 г. Николай Андреевич удостоен высокой государственной награды Республики Алтай – ордена «Утренней звезды» – «Тан Чолмон».

Значение Билика в том, что это пример неразрывного единства Знания и Веры. Он раскрывает современному человеку позитивный смысл языческого мировосприятия, когда человек, погруженный в природную среду, мог общаться с Творцом на языке видимых и невидимых явлений Природы – солнца и луны, гор и рек, деревьев и цветов, зверей и птиц.

При этом, одухотворение Природы нашими предками не следует путать с языческим многобожием и идолопоклонством. На самом деле единый Творец всего сущего представлялся в образе верховного духа Тангре, который и создал этот видимый мир и незримых духов, но сам он непостижим и недоступен человеческому сознанию.

Такое восприятие должно быть особенно близко для тюрко-татар, у которых и в языке, и в подсознании, и в родовой памяти должен сохраниться след «ожога» от вольтовой дуги озарения или, хотя бы, искра живой и знающей Веры, которая освещает последовательные ступени осознания Творца: Тангре – Ходай – Алла.

Алтайская Белая вера, родившаяся на перекрестке мировых религий, именно для тюрков-мусульман может стать радугой-салават, соединяющей изустно-образную Алтайскую линию Откровения с письменной Ближневосточной (семитской) линией пророчеств, которая исторически завершается Кораном, а ныне, как видно, завершается Ближневосточным конфликтом – предреченной Битвой Конца.

В живом восприятии тюрка-муслима – в особом состоянии СИЗЮ – неуловимый образ Тангре, растворенный в бездонном синем Небе, вольно или невольно перекликается с образом коранической суры «аль-Ихлас».

19.02.2024.

АЛТАЙСКИЙ БИЛИК И БЕЛАЯ ВЕРА АК ЈАНГ

(перевод Айару Тохтоновой)

В древние времена имя Бога у тюрков было Тенгри. Это имя сохранилось у алтайцев, но оно редко произносится. Бог-Создатель мира недоступен для понимания людей и его нельзя объяснить словами. Вместо слов есть образ безграничного Синего Неба. Говорят: «Священные 99 небес», а число 99 условное – оно означает бесконечное множество.

Сотворенный человек не может познать своего Творца – он только догадывается и познает через Природу.

Представление о Боге у европейцев основано на абстрактном мышлении словами, понятиями. А мышление алтайцев образное, конкретное. Поэтому о Тенгри алтайцы не говорят, но хранят этот образ в глубине сознания. А по мере развития исторического познания и опыта народа накапливаются знания о тех духах, через которых проявляется воля Тенгри и воздействие на сообщества людей.

Для разных эпох алтайского народа верховными духами Алтая выступали Ульген и Эрлик, Алтай-Кудай и Умай-Эне, Уч-Курбустан и другие. Они и сейчас никуда не исчезли, но со временем меняется их влияние на жизнь народа и отношение к ним со стороны алтайцев.

Алтайский Билик сложился веками на основе познания Природы и невидимых духов. Это мудрость народа, основанная на историческом опыте народа и личном опыте каждого человека, который в своей жизни тянется к добру или злу, совершает ошибки и исправляет их.

Отличительная особенность Билика состоит в том, что познание жизни и Природы происходит в неразрывном единстве материального и духовного, видимого и невидимого. В образном восприятии аборигенов Алтая все материальные предметы и явления одухотворены, в них есть живая душа. В Природе неживого нет: камень, вода, воздух – живые существа. Алтайцы говорят: «Таш ээлу, таш та тынду» – камень с духом, камень живой. А о человеке и животных говорят: «тирю тын» – живая душа, дышащая. Просто энергии жизни разные – неорганическая в камне и органическая в животном мире.

В то же время духовные явления воспринимаются как материальные энергии, потоки невидимых лучей и частиц, взаимодействие полей «тонкого мира». В ночном небе Горного Алтая бывает видно, что звезды и планеты ведут себя как живые существа – обмениваются импульсами энергий, «симпатизируют» или «враждуют» друг с другом.

Благодаря образному восприятию Природы – Неба и Земли – приходит осознание, что наша планета является колыбелью многообразной жизни растений, животных и человека. Эта жизнь поддерживается и развивается благодаря материнским энергиям Земли и отцовским энергиям космоса.

Образное мышление не отделяет друг от друга материальную и духовную стороны жизни, поэтому человек познает более полную картину мира. При этом всегда остаются непознанные и непознаваемые тайны и загадки Природы, которые управляются духами и человеку недоступны.

Караколь, Кулада

Поэтому Билик учит осторожному и бережному отношению к Природе. А современная наука рассматривает лишь материальную сторону жизни, поэтому раскрывает однобокую, половинчатую картину. Пренебрегая духовной стороной Природы, рациональная наука часто заставляет думать и действовать в сторону быстрой выгоды, не понимая последствий. В результате, как мы видим сейчас, в погоне за выгодой ускоряется материальный прогресс, и многие люди рады этому, они пользуются новыми благами. Но потом они уже не знают, как им справиться с утратой духовности в сообществе и с природными катаклизмами, эпидемиями, войнами.

Однако, сохранение Билика, древней мудрости аборигенов, и развитие современной науки о сознании и познании человека дает надежду, что наука постепенно вернется к цельности и полноте мировоззрения...

Почему в прошлом вера в Тенгри разрушилась и позабылась?

Дело в том, что со временем некоторые люди поддались жадности, обретению материального богатства, стали присваивать имущество и дела своих соотечественников. К тому же они были хорошими воинами, поэтому отбирали силой. Так, в некоторых сообществах из числа разбогатевших появились те, кто считал себя выше других. Они стали правителями и подчинили себе других людей – так постепенно из племенных союзов образовались ханства и каганаты.

Для установления нового порядка правители присвоили себе с помощью жрецов и шаманов сокровенные знания, утаивая их от простого народа. В их руках единый Билик разделился на части. Наука использовалась для войны, укрепления государственного хозяйства и управления народом через законы. Знания о незримом мире духов превратились в мистику и колдовство. А живая вера в Творца разделилась на отдельные религии, которые постепенно разошлись из-за вражды народов – Буддизм, Христианство, Ислам.

На прародине тюрков – Кан-Алтае – Тенгри-Кудай не был окончательно забыт. Он сохранился через образы Алтай-Кудая вместе с Умай-Эне, Ыч-Курбустана и других. Коренные жители Горного Алтая с незапамятных времен сохранили в середине груди (кугюс) основу Билика о единстве всего сущего. А также умение согласовывать свой дух и душу (ээ и тын) со своими действиями, чтобы жить в ладу со всем живым миром. Это духовное наследие Билика сохранилось благодаря тому, что алтайцы верили – народы, которые когда-то разошлись по всему миру, в конце концов придут мыслями к Духу Прародины...

На основе этого наследия 120 лет назад среди алтайцев возникло духовное движение Ак-Янг. Весной 1904 г. в долине Теренг (Усть-Канский аймак) собрались сотни, а затем тысячи алтайцев. Они проводили молебны и слушали проповеди простого пастуха Чета Челпанова, которому явился «всадник в белых одеждах» и передал заповеди Белой веры. Этим событиям предшествовало обрушение двух снежных вершин горы Белухи, что было воспринято как знамение.

Приверженцы Белой веры утверждали единобожие, поклонение Ак-Бурхану. Они сжигали шаманские идолы, запретили камлания, вводили новые обряды, а на смену шаманам приходили ярлыкчи – служители Белой веры. Несмотря на репрессии властей, движение постепенно охватило почти весь Алтай. Лишь после Гражданской войны все религиоз-

ные движения были прекращены новой властью. Однако после периода «острой» власти и распада СССР Белая вера на Алтае вновь возрождается, хотя и в разных формах и часто с примесью современных общественных идей.

В чем же современный смысл Белой веры?

Согласно учению Билика, приход Белой веры связан с переходом от Желтой эпохи к Белой. Для Желтой эпохи характерно, что добро соседствует со злом, а в результате их борьбы в жизни людей и их сообществ получается что-то среднее, промежуточное. Символом этого перехода является Дух Уч-Курбустан – «Тройственный».

Под влиянием Уч-Курбустана человечество веками накапливало в своей культуре цивилизаций как добро, так и зло. И до поры до времени живая Природа балансировала и сглаживала противоречие между ними. Но в наше время этот накопленный потенциал, как видно, достигает своего предела – он стал угрожающим для всего живого на Земле. И сегодня Уч-Курбустан указывает на переход от враждебного разделения к «троичной» гармонии на основе разумной духовности.

В этом смысл перехода к Белой эпохе: белый цвет и белый свет гармонично соединяет в себе все другие цвета многообразного и многоцветного мира.

Ак Янг не отвергает и не порочит ни одну из мировых религий, но призывает к единству на общей духовной основе. Это не религия, а живая вера, согласно которой каждый человек сам определяет смысл своей веры, без принуждений, угроз и хитрых манипуляций.

По преданиям на Кан-Алтае перед наступлением Белой вечности вокруг благостного очага соберутся у коновязи пять богов, будут договариваться, обсуждать, сближаться, и определится точка их объединения.

Писатель В.Я. Шишков, автор романа «Угрюм-река», во время своей экспедиции по Чуйскому тракту спросил у Чета Челпанова:

– Какая же основа вашей Веры?

– Солнце, Луна, Земля, Вода, Огонь – Одно. Одно божество. Всё одно. Один Бог, один Бурхан.

Эти перечисленные понятия, выраженные пятью словами-обозначениями, являются основами земной жизни. Их Чет назвал Единым богом.

//ред. 22.02.24. Р.К.//

ЮБИЛЯРЛАР ТУРЫНДА СУЗ

СЛОВО О ЮБИЛЯРАХ

И.М. Габдрафиков

ОТ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ ДО ВИДНОГО ЭТНОЛОГА *К 65-летию Фаиля Габдулловича Сафина*

20 января 2024 г. исполнилось шестьдесят пять лет известному отечественному этнологу, заведующему Отделом этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, доктору исторических наук, профессору Фаилю Габдулловичу Сафину. Коллеги его называют «татарским Ломоносовым», ибо он прошел большой путь от простого сельского учителя до вершин отечественной академической науки. Видимо, Фаиль Сафин родился под счастливой звездой. Его жизненный путь – это неуклонное движение к успеху.

Фаиль Габдуллович родился в 1959 г. в д. Бик-Карамалы Давлекановского района БАССР. После успешного окончания в 1976 г. средней школы

И.М. Габдрафиков. ОТ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ ДО ВИДНОГО ЭТНОЛОГА

№ 1 г. Давлеканово он, на удивление многим, не стал подавать документы для поступления в высшее учебное заведение или техникум, как это было принято тогда делать, а решил пойти работать. Уже на следующий день после получения аттестата Фаиль Габдуллович стал помощником комбайнера в родном колхозе. Этот весьма странный, на взгляд многих сверстников и родственников, поступок семнадцатилетний юноша объяснял тем, что ему хотелось пройти срочную службу в Советской Армии, а до этого он учебу продолжать был не намерен. После завершения уборочной страды в колхозе до весеннего призыва в армию оставалось еще целых полгода. Фаиль не стал тратить время, поехал в Уфу и устроился на работу плотником в строительное управление треста № 21, где участвовал в возведении Уфимского завода низковольтной аппаратуры. Воспитанный в советских традициях патриотизма, он с детства мечтал стать десантником, поэтому сразу же по приезду в Уфу направился в военкомат, чтобы проситься служить в воздушно-десантных войсках. В военкомате не с первого раза, но все же пошли навстречу напористому молодому человеку, направив его в школу парашютистов при республиканском аэродроме ДОСААФ под Уфой. Мечта Фаиля сбылась – с 1977 по 1979 гг. он проходил срочную службу в гвардейском воздушно-десантном полку, который тогда дислоцировался на территории Литовской ССР. Крепко сложенному и физически сильному парню легко давалась непростая служба в ВДВ и он быстро стал заместителем командира взвода.

После окончания службы, набравшись определенного жизненного опыта, возмужавший парень в 1980 г. поступил на исторический факультет Башкирского государственного университета. Студента с лидерскими качествами сразу заметили, назначив старостой группы. Активно участвуя в общественной жизни университета, Фаиль Сафин учился на отлично и закончил вуз с красным дипломом. Благодаря своему организаторскому таланту и трудолюбию он завоевал доверие не только студентов, руководства вуза, но и республиканского обкома КПСС. Поэтому ему дважды (в 1984 и 1985 гг.) было доверено возглавить выездной республиканский студенческий отряд в Астраханской области, который, кстати, оба раза занял первое место среди областных студенческих отрядов страны.

После окончания университета Фаиль Габдуллович возвратился в родное село. С 1985 по 1991 гг. он работал учителем истории, директором Бик-Карамалинской неполной средней школы Давлекановского района, в которой он в свое время учился.

И только после того, как наработал шестилетний педагогический стаж, получил значительный жизненный и трудовой опыт, он принял ре-

шение продолжить учебу, чтобы связать дальнейшую свою жизнь с наукой. В 1991 г. Фаиль Габдуллович поступил в очную аспирантуру исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Однако с темой будущей диссертации и научным руководителем он определился не сразу, ему были предложены разные темы по гражданской истории. И тут на помощь к нему пришел его величество случай: аспирант решил посмотреть, как защищают диссертации и на одной из таких защит на историческом факультете МГУ оппонентом диссертанта выступал ученый из Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, доктор исторических наук М.Н. Губогло. Послушав его выступление, Фаиль Габдуллович сразу решил, что именно этот профессор наиболее полно олицетворяет его представление о научном руководителе, что именно под его руководством он должен писать диссертацию. В тот же день он подошел к знаменитому ученому, с которым до этого был знаком только по его книгам, и сказал, что он аспирант из Башкирии и хочет взять тему, связанную с изучением межнациональных отношений.

В те годы в России и на всем постсоветском пространстве происходило национальное возрождение и наблюдался взрыв этничности, поэтому эта тема была, пожалуй, одной из самых актуальных и востребованных для исследователей-гуманитариев. Профессор не отказал, сказав аспиранту, что все в его руках, и пригласил к себе в институт на ближайший научный семинар под его руководством, где как раз планировалось обсуждение нового научного проекта «Современные национальные движения в СССР в постсоветском пространстве». Проектом предполагалось составление как можно более полной источниковой базы по национальным движениям, ее систематизация и анализ. Аспирант Фаиль Сафин принял приглашение и присутствовал на этом семинаре. И уже там получил первое задание от будущего своего научного руководителя. М.Н. Губогло сказал ему: «Давай попробуй, сможешь выполнить задание, а дальше посмотрим...». Забегая вперед, скажу, что в дальнейшем на долгие годы научная деятельность Ф. Сафина была тесно связана с проф. М.Н. Губогло и возглавляемым им Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Именно в стенах этого академического учреждения у него возник интерес к этнологии, к изучению феномена этничности. В последующем тема этнической идентичности, сохранения и трансформации национального и этнического сознания, этноязыковые процессы становятся основными научными проблемами, разработке которых ученый посвятил свою жизнь. Отношения Фаиля Габдулловича с его научным руководителем постепенно переросли в большую дружбу. В результате их многолетнего

И.М. Габдрафиков. ОТ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ ДО ВИДНОГО ЭТНОЛОГА

сотрудничества были осуществлены десятки успешных научных проектов, в том числе международные, результатом которых стали множество статей, сборников, отдельных монографий и серия книг, получивших широкую известность в стране и за ее пределами.

Именно на том самом научном семинаре, получив задание от М.Н. Губогло, Ф. Сафин поехал на летние каникулы в родную Башкирию и за пару месяцев работы в библиотеках и архивах Уфы собрал богатейший материал. Он блестяще справился с заданием своего наставника – собранный им материал лег в основу трехтомного издания «Этнополитическая мозаика Башкортостана», которое было оперативно опубликовано в течение двух лет [6; 7; 8]. В этом трехтомнике дается многостороннее описание общественно-политической ситуации в республике в период ее суверенизации. На долгие годы это издание стало источниковой базой для написания многих монографий, диссертаций и статей, оно до сих пор не потеряло свою научную значимость для исследователей.

Выполнив поручения своего научного руководителя, имея уже довольно солидный задел и опыт научно-исследовательской работы, аспирант буквально за два года написал кандидатскую диссертацию по теме этноязыковых процессов в Башкортостане, которую успешно защитил в 1994 г. в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

После этого он вернулся в Уфу и был принят на работу младшим научным сотрудником в только что созданный известным ученым Р.Г. Кузеевым Отдел народов Урала с Музеем археологии и этнографии УНЦ РАН, позже переименованный в Институт этнологических исследований УНЦ РАН (ИЭИ УНЦ РАН), а после ухода его основателя из жизни получивший его имя. В этом научном учреждении за 30-летний период работы Сафин прошел все ступени профессионального роста.

Через четыре года, в 1998 г., он, поступив в докторантуру, снова вернулся в Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и в 2000 г. успешно защитил докторскую диссертацию. Можно сказать, что в годы учебы в аспирантуре и докторантуре ему очень повезло, ведь его учителями и научными наставниками, кроме вышеназванного М.Н. Губогло, были такие выдающиеся этнологи и этносоциологи, как Л.М. Дробижева, В.А. Тишков, Ю.В. Арутюнян, С.А. Арутюнов, В.И. Козлов и др.

Основные научные интересы Ф.Г. Сафина связаны с изучением этноязыковых процессов в Башкирии. Им создана обширная источниковая база по этой проблеме, включающая архивные, опубликованные, статистические данные, материалы массовых социологических опросов,

интервью и т.д. Он разработал стройную концепцию истории этноязыковых процессов в регионе с конца XIX в. до наших дней, комплексно исследовал сложную проблему межэтнических взаимодействий во всем Волго-Уральском макрорегионе. Ф.Г. Сафин внес большой вклад в археологию, подготовив и издав несколько сборников документов по этнополитическим и этноязыковым процессам [1; 2; 9; 10]. В этом же ряду и сборник документов и материалов «Татары Башкортостана: язык и политика в сфере этногосударственных отношений» [5]. В сборнике наиболее полно собраны документы и материалы о современном татарском национальном движении в республике и он является ценнейшим источником для исследования этнополитического развития региона в постсоветский период.

Ф.Г. Сафин плодотворно сотрудничает с учеными, академическими и вузовскими учреждениями Республики Татарстан, он постоянный участник научных форумов в Казани, а его аспиранты защищают свои диссертации в специализированных советах КП(Ф)У и Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Наиболее яркими свидетельствами успешного сотрудничества Фаиля Габдулловича с учеными Татарстана являются вышедшие в издательствах Казани две его книги [3; 4]. В его фундаментальной монографии «Этнополитическое развитие Башкортостана в XX в.: социолингвистический аспект», которая была опубликована в издательстве «Магариф» в 2004 г., впервые осуществлено глубокое и комплексное исследование этноязыковых процессов в Башкирии в исторической ретроспективе начиная с 1920-х и до конца 1990-х гг. В ней всесторонне освещаются языковая политика и практика в различных сферах жизни республики: школьного образования, книгоиздания, СМИ и подготовке кадров. Исследовано законодательное обеспечение в республике языковой политики, а также практика применения языков в деятельности государственных органов региона на протяжении всего рассматриваемого периода. На основе анализа колоссального объема документов государственных органов, общественных организаций, а также результатов собственных многочисленных этносоциологических исследований, в работе приводится авторская периодизация этноязыковых процессов в Башкирии, дается качественная характеристика каждого из этапов.

Ф.Г. Сафин является неоднократным обладателем всероссийских и международных научных грантов. Под его руководством совместно с сотрудниками Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и рядом зарубежных университетов был проведен ряд широкомасштабных этносоциологических исследований и экспертных опросов населения

И.М. Габдрафиков. ОТ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ ДО ВИДНОГО ЭТНОЛОГА

Республики Башкортостан. Среди них такие международные проекты, как «Язык, национальность и бывший Советский Союз» (1993 г.), «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность» (1995 г.), «Этнополитические представления молодежи: формирование и функционирование» (1997 г.), «Межнациональные отношения в Республике Башкортостан» (2002 г.) и др.

С 2003 г. Ф.Г. Сафин работает заведующим отделом этнополитологии, в 2010–2015 гг. одновременно являлся заместителем директора ИЭИ УНЦ РАН по научной работе. В эти годы отдел этнополитологии под руководством Ф.Г. Сафина активно проводил этносоциологические исследования. Так, например, в 2014 г. было проведено исследование по проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность», поддержанному РГНФ, в 2018 г. – «Этнокультурное развитие евреев Башкортостана», в 2018 г. – «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие», в 2019 г. – «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, язык, религия».

Данные всех этих исследований нашли отражение как в индивидуальных работах ученого, так и совместных с коллегами трудах, опубликованных в российских и зарубежных научных изданиях. Всего им опубликовано более 200 работ, в том числе около 20 монографий.

Под научным руководством профессора Ф.Г. Сафина подготовлены и успешно защищены 11 диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «этнология», на завершающей стадии находятся еще 3 диссертационных исследования. Темы диссертаций, подготовкой которых руководит Фаиль Габдуллович, весьма разнообразны – это и этноязыковые процессы, и динамика этнического состава населения региона, этнодемография, и этнополитика, проблемы идентичности, комплексное исследование процессов этнического развития отдельных народов Урало-Поволжья – башкир, русских, татар, евреев, чувашей, удмуртов. Особенностью Фаиля Габдулловича как руководителя соискателей является то, что после защит диссертационных исследований своих учеников он добивается от них переработки их рукописей в монографии.

Успешную научную работу Фаиль Габдуллович сочетает с преподавательской деятельностью. Долгие годы он трудится профессором кафедры истории и культурологии Уфимского государственного нефтяного технического университета, в разные годы преподавал историю в БГУ, Башкирском государственном аграрном университете.

Большое внимание Ф.Г. Сафин уделяет общественной деятельности. Он участник многих мероприятий, которые проводятся под эгидой Все-

мирного конгресса татар, в т.ч. всех съездов этой общественной организаций. Активно вовлечен в краеведческое движение, является постоянным участником форумов краеведов в Казани, Уфе, других городах Республики Татарстан. Входит в редакционный совет журнала «Туган жир. Родной край». С 2001 по 2007 гг. он избирался председателем профсоюзной организации Института этнологических исследований и членом Объединенного профкома УНЦ РАН (УФИЦ РАН). За успешную общественную и научную деятельность награжден почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, Министерства образования РБ, приветственным письмом летчиков-космонавтов СССР, Почетной грамотой Президента РАН и профсоюза работников РАН, неоднократно удостоивался благодарственных писем руководителя Федерального агентства по делам национальностей.

В 2014 г. Указом Президента Республики Башкортостан ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан». В 2019 г. ученый был награжден Почетной грамотой Государственного Собрания–Курултая Республики Башкортостан и Грамотой комитета по делам национальностей Государственной Думы Федерального Собрания РФ. В 2022 г. Фаиль Габдуллович награжден медалью Министерства науки и высшего образования РФ «За вклад в реализацию государственной политики в области образования и научно-технологического развития», а также Почетной грамотой Кабинета Министров Республики Башкортостан.

Ф.Г.Сафина всегда отличают готовность смело браться за сложные проекты, активная жизненная и гражданская позиция. Несмотря на внушительный академический, научно-организационный и педагогический задел, общественное признание, Фаиль Габдуллович находится в расцвете сил, ставит перед собой и руководимым им сотрудниками отдела все новые и новые цели.

Пожелаем юбиляру новых творческих успехов, научных открытий, крепкого здоровья на долгие годы, счастья и семейного благополучия!

Основные публикации

доктора исторических наук, профессора Ф.Г.Сафина

Сафин Ф.Г. Принципы этнополитического развития Башкортостана. (1988–1993 гг.) / под ред. Б.Х. Юлдашбаева. М., 1997. 376 с.

Сафин Ф.Г., Губогло М.Н. Принудительный лингвизм. Социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920–1930-е гг. М.: ЦИМО, 2000 316 с.

Сафин Ф.Г. Национальные отношения в Башкортостане в 1990-е гг. (по данным этносоциологических исследований). М.: ЦИМО, 2000. 88 с.

И.М. Габдрафиков. ОТ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ ДО ВИДНОГО ЭТНОЛОГА

Сафин Ф.Г. Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии. М.: ЦИМО, 2000. 292 с.

Сафин Ф.Г. Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке: социолингвистический аспект. Казань: Магариф, 2004. 543 с.

Сафин Ф.Г. Вопросы этнической и языковой идентификации тюркского населения Республики Башкортостан. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2005. 178 с.

Сафин Ф.Г., Баймухаметова Г.Р., Фатхутдинова А.И. Особенности этнодемографического развития Башкортостана (1989–2002 гг.). Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 180 с.

Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А. Роль национально-культурных объединений в этнополитическом развитии Башкортостана (1989–2005 гг.). Уфа: Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, 2012.

Сафин Ф.Г., Фатхутдинова А.И. Этническая и языковая идентичности в региональном измерении: феномен Башкортостана (1959–2002 гг.). Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2012. 152 с.

Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И. Нациестроительство в Российской Федерации: опыт Башкортостана (диахронный и синхронный анализ / Отделение ист.-фил. наук РАН. СПб.: Свое издательство, 2014. 264 с.

Этнокультурный и этносоциальный портрет населения Башкортостана в XX – начале XXI века: этностатистический сборник / Центр этнологического мониторинга Исполн. к-та Всемир. Конгр. татар; под ред. д.и.н. Ф.Г. Сафина. Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2014. 155 с.

Сафин Ф.Г. и др. Вызовы этничности и тенденции проявления идентичности / под ред. Ф.Г. Сафина. СПб.: Свое издательство, 2015. 148 с.

Сафин Ф.Г., Алексеенко С.С., Абрамова С.Р. Этносоциальные основы развития русского населения в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований). Уфа: Первая типография, 2018. 188 с.

Сафин Ф.Г., Абрамова С.Р., Халиулина А.И. Русские Башкортостана: этнодемографические и языковые процессы (1979–2014 гг.). Уфа: Первая типография, 2019. 176 с.

Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И. Чуваши Башкортостана: этносоциологическое исследование. Уфа: Диалог, 2020. 90 с.

Сафин Ф.Г., Сабирова Е.Н. Евреи Башкортостана: эволюция этнодисперсной группы в полинациональном российском регионе. Уфа: Диалог, 2021. 136 с.

Сафин Ф.Г., Камалетдинов Д.А. Трансформация этносоциальной структуры в полиэтничном российском регионе: теоретические подходы и тенденции развития. Уфа: Первая типография, 2022. 108 с.

Сафин Ф.Г., Ишемгулов М.Н., Камалетдинов Д.А., Кульшарипов Ф.Р. Социальные основы мобилизации башкирской этничности в Башкортостане (1989–2019 гг.). Уфа: Первая типография, 2023. 225 с.

Библиографические ссылки

1. Из хроники этнической мобилизации / авт.-сост. Ф.Г.Сафин; отв. ред. М.Н.Губогло. М.: ЦИМО, 1999. Т. 1. – 340 с.
2. Из хроники этнической мобилизации / авт.-сост. Ф.Г.Сафин; отв. ред. М.Н.Губогло. М.: ЦИМО, 1999. Т. 2. – 244 с.
3. Сафин Ф.Г. Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке: социолингвистический аспект. Казань: Магариф, 2004. – 543 с.
4. Сафин Ф.Г. Вопросы этнической и языковой идентификации тюркского населения Республики Башкортостан. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2005. – 178 с.
5. Татары Башкортостана: язык и политика в сфере этногосударственных отношений: сборник документов и материалов / под ред. Ф.Г.Сафина, Уфа, 2016. – 196 с.
6. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника / сост. и отв. ред. М.Н.Губогло. М., 1992. Т. 1. Контурсы этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах. – 302 с.
7. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника / сост. и отв. ред. М.Н.Губогло. М., 1992. Т. 2. Башкирское национальное движение. – 342 с.
8. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника / сост. и отв. ред. М.Н.Губогло. М., 1993. Т. 3. Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах. – 341 с.
9. Языковая политика в Башкортостане в XX веке: сборник документов и материалов / Российская акад. наук, Уфимский науч. центр, Центр этнологических исслед.; [авт.-сост.: Ф.Г.Сафин, Р.М.Миргалеев, З.А.Хакимов]. Уфа: Гилем, 2007. Т. 1. – 412 с.
10. Языковая политика в Башкортостане в XX веке: сборник документов и материалов / Российская акад. наук, Уфимский науч. центр, Центр этнологических исслед.; [авт.-сост.: Ф.Г.Сафин, Р.М.Миргалеев, З.А.Хакимов]. Уфа: Гилем, 2008. Т. 2. – 350 с.

МИЛЛӘТ САГЫНДА (Вахит Имамовның 70 еллык юбилее уңаеннан)

Баксаң, Вахит дуска да 70 яшь тула икән. Кайчан гына әле, Казаннан без, бер төркем тарихчылар һәм археологлар, аны 60 яшьлек юбилее белән котларга дип көнөндә генә Чаллыга барып кайткан идек, аның кабинетында – ул вакытта Вахит Шәйхенур улы Чаллы язучылар оешмасының житәкчесе һәм «Мәйдан» журналының баш редакторы булып эшли иде, – озақ кына тарих-археология һәм әдәбият яңалыклары, татар тарихының матур әдәбиятта чагылышы проблемалары турында гапләшеп-бәхәсләшеп утырган идек. Аннан соң күп тә үтмәде, ул Казанга күчте. Вахит Шәйхенур улын «Мәдәни жомга» газетасының баш редакторы итеп куйдылар.

Аның ижатында һәм ижтимагый эшчәнлегендә яңа чор башланды.

Вахит Имамовның үзенчәлекле һәм күпкырлы ижаты, заман сулышын тоеп, әмма аның таләпләренә артык ярашырга теләмичә, яңа баскычка күтәрелде, яңа төсмерләр белән баеды. Чаллы чорында да «коеп куйган» язучы гына түгел иде ул, Казанда исә үзен чын ватанпәрвәр-милләтче, ягъни беренче чиратта газиз милләтебез мәнфәгатьләрен күз алдында тотып ижат итүче шәхес буларак танытты. Без моны «Мәдәни жомга»ның тулаем концепциясе, шуннан чыгып, эчтәлегә, бизәлешә үзгәрүеннән үк сизеп алдык. Газета бүген дә республикабызда иң күп укыла торганнардан, чөнки анда басылып чыга торган материаллар зыялылар – язучылар-шагыйрьләр һәм галим-голәмәләр өчен дә, киң катлам гади укучылар өчен дә кызык һәм файдалы. Һәр санында диарлек В. Имамов мәкаләләре. Яңа табылган архив документларына, шәжәрәләргә нигезләнеп язылган авыл тарихлары... Моңа кадәр бөтенләй билгесез яки аз билгеле булган атаклы шәхесләрәбез турында язмалар... Рус дәүләте алып барган Ватан сугышларында, патша хөкүмәтенә каршы күтәрелгән яуларда көрәшеп

дан алган татар каһарманнары язмышы... Тарихи материалларны халыкның үзеннән жыю һәм дә төрле юбилей чараларында катнашу максатында оештырылган күпсанлы сәяхәт һәм командировкалар... Боларның барысы да бит искиткеч күп вакыт сорый торган гамәл. Ул эшләренә, әлбәттә, яшьләр жиңелрәк башкарып чыга. Шуңа күрәдер, бәлки, мин В.Имамовны һаман яшь итеп күрәм, күз алдына китерәм. Баксаң...

Чыгышы белән Актаныш районының Иске Байсар авылыннан ул. 1954 елның 18 мартында туган. Урта мәктәпне тәмамлаганнан соң ике ел чамасы Казан моторлар төзү заводында эшләп ала һәм 1973 елда университетның журналистика бүлегенә укырга керә. Тагын ике елдан укуын читтән торып, бер үк вакытта Балык Бистәсе районы газетасында эшләп дәвам итәргә карар кыла. Армиядә хезмәт итеп кайта. 1982 елдан В.Имамов Чаллы шәһәрәндә. Башта ул урта мәктәптә тарих фәне укыта, аннан соң КамАЗның пресс-рам заводында мастер, участок башлыгы, өлкән диспетчер булып эшли. 1990 елда «КамАЗ» типографиясе нигезендә газета-китап нәшрияты оештырып, шунда баш мөхәррир вазыйфасын башкара. Менә шул чакта чума инде ул ижат дөньясына. Дөрәс, аның каләм сынап карау чорына караган ижат җимешләре – район һәм республика газеталары битләрендә басылып чыккан хикәяләр, әдәби-публицистик язмалары әле узган гасырның җитмешенче елларында ук күренә башлый. 1988 елда Татарстан китап нәшриятында «Ир канаты», 1991 елда элгәрерәк чыккан повесть-хикәяләр туплап бирелгән «Нәзер» исемле китаплары дөнья күрә.

В.Имамовның заман таләпләренә сизгер, халык язмышына битараф булмаган, үткәннәрдән сабак алырга өндәүче тынгысыз автор булуын аның 1991 елда рус һәм татар телләрендә басылып чыккан «Әфган «кызалаклары» һәм Афганские «тюльпаны» дигән очерклар җыентыгы да ачык раслый. Биредә сүз Чаллы төбәгеннән китеп, Әфганстан җирендә ятып калган фажигале сугыш корбаннары турында бара. Интернациональ бурычыбызны үтибездип башланган сугышның киләчәктә сабак алырлык аяныч нәтиҗәләре турында яза ул. Заманы өчен бик тә кирәк, укыла торган китап булып чыкты бу әсәр. Язучы туплап чыгарган материаллар республикабызның күп кенә мәктәпләрендә, мәдәният йортларында, китапханәләрдә, төбәк музейларында Әфган корбаннарына һәм сугышчыларына багышланган экспозицияләр ачарга этәргеч бирде.

В.Имамов белән мин 1993 елдан таныш. Шуңа елның җәендә Чаллыга кайткач, мин үземнең элеккеге сыйныф җитәкчесе, татар теле һәм әдәбияты укытучысы Фәгыйлә апа Вәлиева белән очрашкан идем. Ул әле күптән түгел чыга башлаган «Аргамак» журналының беренче санын минем кулыма тоттырды. «Менә, Вахитның ««Кәнәфи» повестен укы.

Әйбәт яза. Безнең якныкы ул үзе», – диде. (Фәгыйлә апа тумышы белән Минзәлә ягыннан, Актаныш-Минзәлә районнарын ул «безнең як» дип йөртә). Укып чыктым, әлбәттә. Кадрия исемле санэпидемстанция врачы, гаделсезлекләр, коррупция... Чын тормыштан алып язылган. Чаллы халкы таныды андагы персонажларны. Авторның исеме дә истә калды. Бигеш урта мәктәбендә укыганда мин, бишенче сыйныф малае, бик чибәр һәм яшь кенә пионервожатый кызга «гашыйк» идем. Альбина Имамова иде аның исеме, Минзәлә педучилищесыннан безгә практика үтәргә жиһбәргәннәр. Соңыннан белүемчә, Вахит белән Альбина бик якын туғаннар булып чыкты.

Әйе, нәкъ шул ук 1993 елда В.Имамовның атаклы тарихчыбыз Равил Әмирхан белән бергә матур һәм аңлаешлы тел белән язылган «Татарларның Ватан сугышы: XVI–XVIII гасырларда милли-азатлык яулары турында тарихи очерклар» китабы дөнья күрде. Моңарчы булмаган хәл: китапның тиражы 170 мең! Күптән түгел генә суверенитет яулап алган, 1980 еллар ахырыннан башланып киткән милли-азатлык хәрәкәте дулкынында катнашып, жиңү эйфориясыннан соң әле тынычланып житмәгән халык өчен 80 битлек шушы китап чын сенсация булды: егетләребез татарларның ил хакимиятенә каршы алып барган милли-азатлык көрәшен, ягъни мәсәлә, 1552 елдан соң башланып киткән һәм баскынчыларга каршы дистә елларга сузылган кораллы восстаниеләрен, 1755–1756 еллардагы Батырша хәрәкәтен, тарихта билгеле, әмма халыктан яшерелеп яткан эреле-вакы башка фәтнәләренә асыл исемнәре белән – «Ватан сугышы» дип атарга, ягъни дәрәсә язарга батырчылык иткәннәр! Татар тарихы битләреннән төшеп кала язган каһарман бабаларыбызның кылган гамәлләре, язмышлары белән дә танышырга мөмкинлек бирде әлегә китап.

1993 елда В.Имамовның тагын бер китабы – 220 меңлек (!) тираж белән «Запратанная история татар» исемле документаль әсәре басылып чыга һәм тиз арада таралып та бетә. 1994 елда аның икенче басмасы (шул ук тираж белән!) дөнья күрә. Чын тарихка сусаган халык, бигрәк тә татар милли хәрәкәтендә катнашучы яшьләр өчен бик әһәмиятле китап иде ул. Тиз арада аны мәктәп укытучылары тарих дәресләрендә – ул заманда «Татарстан һәм татар халкы тарихы» урта мәктәпләрдә һәм республикабызның югары уку йортларында укытыла иде – өстәмә материал рәвешендә куллана башладылар. Безгә моңарчы аз таныш булган фактлар «Татарстан тарихыннан хикәяләр» (Г.Дәүләтшин, Ф.Хужин, И.Измайлов, 1993; 1994) дип аталган һәм ул елларда бик популяр мәктәп дәреслегенә дә кертеп жиһбәрелдә. Миңа калса, бу китап В.Имамовны моңа кадәр беркем дә кул тидерергә жөрәт итмәгән кискен мәсьәләләренә күтәрергә сәләтле кыю автор буларак танытты.

Язучының укучылар тарафыннан күпьяллык хезмәт нәтижәсе буларак кабул ителгән тагын ике китабын искә төшереп үтик. Аның «Сәет батыр. Татарлар Пугачев явында» (Чаллы: «КамАЗ» нәшр., 1994; тиражы 90 мең данә) һәм «Татар яугирләре» (Казан: Мәгариф, 2003) исемле күләмле әсәрләре тарих фәненә көтелмәгән яңалыklar, ачышлар алып килде. Заманында Пугачев сугышлары һәм ул сугышта катнашкан татар яугирләре турында без мәрхүм Сәлам Алишевның 1973 елда Татарстан китап нәшриятында чыккан «Татары Среднего Поволжья в пугачевском восстании» һәм «Каһарман бабайлар» (1976) китапларын укып белдек. Әмма барыбер В.Имамов тикшеренүләренә кадәр Пугачев яуларын без элеккечә, изелгән урыс крестьяннарының алпавытларга каршы сугышы рәвешендә генә күз алдына китерә идек. Шул күтәрелешкә, имеш, татарлар да килеп кушылган, әле анда да – урыс туганнарга ярдәм рәвешендә. В.Имамов беренче тапкыр, үзе казып чыгарган архив материаллары нигезендә, кычкырып аваз салды: Пугачев отрядларында сугышучыларның яртысыннан артыгы татарлар булган... Башкортларның Салават Юлаев дәрәжәсендәге татар каһарманнары – полковниклары, бригадирлары да берәү генә түгел, дистәләгән. Вахит моны документлар белән раслады. Тагын бер принципияль яңалык: Вахит Имамов татарлар Пугачев гаскәрләре составында урыс туганнарының түгел, бары тик үз мәнфәгатьләрен күз алдында тотып сугышкан икәнлеген ачып салды. Аларны алпавытлар измәгән; алар патша хөкүмәте тарафыннан кыерсытылган, шунлыктан хөкүмәтнең XVI–XVII гасырлардан ук башланып киткән мөселман-татарларны христианлаштыру һәм шундый мәкерле юл белән милләт буларак юкка чыгару сәясәтенә кискен каршы килеп, корал күтәргәннәр.

2001 елда Чаллыда дөнья күргән һәм язучының инде онытыла башлаган «Могикан» исемле китабы турында да искә төшереп үтәсе килә. Эчтәлегә үземнең туган якларга бәйле (авылыбыз Чаллыдан 20 чакрымдагына) һәм бер генә кешене дә тыныч калдыра алмый торган вакыйгалар турында булгангадыр, күрәсен, китапка исем биргән «Могикан» повесте күңелдә нык уелып калган. Әсәрнең үзегенә узган гасырның житмешенче елларында гигант «КамАЗ» корпусларын торгызганда түрәләренә гафу ителмәслек саксызлыгы, гади халыкны санга сукмаулары аркасында искиткеч гүзәл табигатьнең, дистәләгән татар авылларының юкка чыга баруы, шул вәхшилеккә каршы тигезсез көрәш проблемасы куелган иде. Кызганыч, бу проблема безнең көннәрдә дә актуальлеген югалтмый.

В.Имамовның әлегә китабына урнаштырылган тагын бер әсәр укучының игътибарын жәлеп итә. Ул – «Исемнең ничек, татар авылы?» дип аталган тарихи-топонимик очерк. Анда үзенә 1999 елда басылып чыккан «Татар энциклопедик сүзлеген» укып чыккач туган фикерләре белән

уртаклаша. Исемнәре бозылып, урыслаштырылып беткән татар авыллары, елга-күл атамалары турында күнелсез статистика китерә. Әйе, утырып уйлар уйларлык, ди автор, татар түрәләре үз авылларының тарихи исемнәрен кайсы якка гына боргалап бетермәгән дә ничек кенә итеп үзгәртмәгән. Татар атамалары да татарлыгын югалта, урыслаша бара бит, дип борчыла ул.

Татар авылын күмәкләштерү тарихы белән бәйле вакыйгаларны рәсми фәндә кабул ителгәнчә түгел, бөтенләй яңача, халкыбыз язмышында олы фажигә буларак шәрехләгән «Тозлы яра» (Казан, 2004), егерменче йөз башларында туган якларын калдырып, чарасызлыктан Япониягә китеп төпләнгән татарлар тормышын реаль картиналарда ышанырлык итеп күрсәткән «Япун татары» (Чаллы, 2004) романнары да тәнкыйтьчеләр тарафыннан В. Имамовның уңышлы эсәрләре буларак бәяләнде.

Менә шундый саллы хезмәтләрдән соң татар жәмәгәтьчелеге В. Имамовны коеп куйган язучы сыйфатында гына түгел, профессиональ дәрәжәдә эшләүче тарихчы-галим, архивист буларак та таний башлады. Аны якыннанрак белүче каләмдәшләре һич тә гажәпләнмәде моңа. Эшли торган заман килде, совет чорындагы кебек яңа фикерләргә киртә куючылар бик юк иде. Татар тарихында таплар күп – билгеле факт. Вахит энә шул «яшерелгән» тарихны – татарларның үз дәүләтчелеген торгызуга юнәлдерелгән милли-азатлык көрәшенә караган тарихны – табигый ки, архивлардан эзли башлый. Мәскәү, Казан, Уфа, Оренбург, Уральск һ.б. шәһәрләренең архивларында казынып, моңа кадәр галимнәр кулы тимәгән бик күп документлар таба ул. Шуңа чорга караган фәнни әдәбиятны жентекләп өйрәнә. Житмәсә, әле халык арасында таралган легенда-риваятьләренә дә жыеп бара, тел гыйлеменәң ономастика (топонимика) һәм этимология дигән тармаклары белән тирән кызыксына. Әйе, В. Имамов беренчел чыганаclar белән эшләүгә өстенлек бирә.

Шулаен шулай, әмма шуңа кыюлыгы, дәрәжәләң курыкмыйча халыкка житкерергә жөрәт итүе, имештер, милли тарихыбызга караган «совет чынбарлыгын» бозып күрсәтүе өчен «гаделлек» сагында торучы хакимият органнары, «үзебезнең» татарлар тарафыннан никадәр жәберләүләргә, эзәрлекләүләргә дучар булды ул?! Катый жәзалардан аны барый тик милли каһарманыбыз язмышына битараф булмаган халкыбызның – үзенең укучыларының, каләмдәшләренең бердәм яклавы гына коткарып кала алды.

Шуннан соң берсе артыннан икенчесе килеп чыга торган ясалма киртәләргә артык игътибар бирмичә, В. Имамов үзенең ижат эшен тагын да жанландырып жибәрде. 2001 елда Татарстан китап нәшриятында минем карашка язучының иң уңышлы эсәрләреннән саналган «Утлы дала»

романының беренче китабы (романның тулы версиясе, беренче һәм икенче китаплар, 2012 елда дөнья күрә), 2005 елда «Казан дастаны» романы, 2014 елда элегрәк чыккан «Сәет батыр», «Ир канаты», «Нәзер», «Күке», «Кәнәфи», «Могикан», «Япон татары» бәян-повестьларны эченә алган «Җидегән» китабы, 2015 елда урта гасырлар чоры Госманлы дәүләте (Төркия) тарихына багышланган «Сөләйман солтан» тарихи кыйссасы, 2017 елда «Казан утлары» вариантында «Карабәк» тарихи романы укучылар кулына барып ирешә.

«Утлы дала» турында мин элегрәк язып чыккан идем инде (Мәйдан. 2002, №6; 2012, №8). Макталды да, тәнкыйть сүзләре дә әйтелде. Кабатлап тормыйм. Бәям шундый иде: «Титаник эш эшлэнгән! Киң панорама, тарихи роман жанрының иң югары таләпләренә туры килерлек, укучыбыз күптән көткән һәм аңа бик кирәкле әсәр язылган».

«Карабәк» исә китап булып чыкканчы ук, әле журнал версиясе белән танышып өлгергән укучылар арасында хуплау һәм тәнкыйть сүзләре ишетелә башлады. «Казан утлары» редакциясе оештырган «Түгәрәк өстәл»дә катнашучы әдәбият галимнәре дә, тарихчылары да В. Имамовның яңа әсәрен нигездә язучының чираттагы зур уңышы буларак бәяләде. Аннан ул әсәр китап буларак та басылды.

Язучының соңгы еллардагы ижатын мин башлыча «Мәдәни жомга»да басылып килә торган язмалары аша гына күзәтеп барам. Аның мәкаләләре чыккан саннарны җыеп барам һәм, укысыннар дип, дусларга-танышларга таратам. Аларны тизрәк китап итеп күрәсе килә. Халкыбызны бабаларыбызның ерак тарихы белән горурланырга, киләчәгебез хакына берләштергә сәләтле көч бар В. Имамов каләме астыннан чыккан хезмәтләрдә.

Юбилярыбыз – күпсанлы китаплары, беренче чиратта, тарихи романнары белән бөтен төрки-татар дөньясына танылган олпат язучыбыз. Ни хикмәт, вакыты-вакыты белән хәзерге заман идеологиясенә ярашып бетмәгән карашлары аркасында житди киртәләргә очраса да, югары даирәләр дә аның казанышларын танырга мәжбүр: ул – Г. Исхакый исемендәге әдәби премия лауреаты (1995), Татарстанның атказанган мәдәният хезмәткәре (2002), Г. Тукай исемендәге Дәүләт премиясе лауреаты (2014).

Ул бүген дә жир җимертеп эшли. Укучыларын сөендереп, шулай дәвам итсен!

**ТӨБӘК ТАРИХЫ БУЕНЧА КОНФЕРЕНЦИЯЛӘР ҺӘМ
ОЧРАШУЛАР
ХАТЛАР ҺӘМ КАЙТАВАЗЛАР**

**КРАЕВЕДЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ И ВСТРЕЧИ
ПИСЬМА И ОТКЛИКИ**

ХРОНИКА

30 ноября – 1 декабря 2023 г. в Кунашакском районе Челябинской области, на базе Усть-Багарякской школы, в рамках 140-летия со дня рождения основоположника и первого директора Нижнедеревенской (Усть-Багарякской) СОШ Камалова Ж.С. (1883–1937 гг.) и 150-летия Усть-Багарякского фельдшерского участка, были проведены Вторые научно-краеведческие чтения с участием ученых, краеведов, журналистов и общественных деятелей Татарстана, Башкортостана, Челябинской, Свердловской и Курганской областей.

А.А. Бурханов

2023 елның 25 декабрь көнендә Бакуда Чыңгыз Айтматовның тууына 95 ел тулуны зурлап билгеләп үттеләр. Төрки халыкларның парламентлар ассамблеясы уздырган бу фәнни чарага Төркиядән, Әзербайжаннан, Казахстан, Кыргызстан, Үзбәкстан һәм Татарстаннан галимнәр, язучылар, милли сәясәтчеләр һәм зыялылар җыелган иде. Чыңгыз Айтматовның әнисе, татар хатыны Нәгыймә апа турында китап авторы буларак, анда доклад белән мин дә катнаштым.

Ф.Ә. Бәйрамова

Февраль месяц 2024 г. был насыщен активными встречами татарских краеведов в районах Восточного Татарстана. В Сармановском районе, в рамках дня рождения Мусы Джалиля и народного артиста РФ и РТ, уроженца Сармановской земли Ильхама Шакирова, состоялась Республиканская научно-практическая, историко-краеведческая конференция «Татарские села и мечети в бассейне р. Минзилья: история и современность» и в ее рамках прошло очередное заседание Совета РОО «Общество татарских краеведов» РТ. В работе конференции приняли участие ученые,

краеведы, религиозные и общественные деятели из городов Казани, Набережные Челны, Азнакаево, Альметьевска, Сармановского, Мензелинского, Азнакаевского, Муслюмовского и Альметьевского районов РТ.

29 января, 1–6 февраля 2024 г. активисты татарских краеведческих структур Казани посетили Екатеринбург и Каменск-Уральский Свердловской области и с. Усть-Багаряк Челябинской области.

В последний день поездки ученые и краеведы из Татарстана приняли участие в Межрегиональном круглом столе (конференции) «Роль ученых-регионоведов, татарских краеведов и общественных деятелей в изучении жизненного пути, деятельности, творчества, подвига, вклада в духовно-культурную жизнь народа и страны выдающихся представителей татарской нации и вопросы увековечивания их памяти и наследия», состоявшемся в Екатеринбурге.

29 февраля 2024 г. в конференц-зале Всемирного конгресса татар в рамках Круглого стола (конференции) «Изучение жизненного пути, деятельности, творчества, подвига и вклада в духовно-культурную жизнь народа и страны выдающихся деятелей татарского народа и вопросы увековечивания их памяти и наследия», прошла презентация новых книг, изданных в татарстане и в регионах РФ в 2023–2024 гг., в т.ч. книги А.М. Малова «Из глубин памяти».

А.А. Бурханов

1 марта 2024 г. в г. Казани на базе МБОУ «Лицей № 149 с татарским языком обучения» Советского района Казани состоялись XIII межрегиональные научно-практические чтения им. А.С. Тайсина «Край, в котором я живу». По ходу данного мероприятия учащимися лицея были сделаны интересные сообщения историко-краеведческого характера. Ученица лицея Азалия Исхакова получила 3-е место.

2 марта 2024 г. в Казани прошла «Фестиваль-ярмарка идей, социальных инициатив и проектов в сфере культурно-исторического и природного наследия». На данном мероприятии, поддержанном Общественной палатой РТ, Центром объединения гражданских инициатив «Единые» и др. организациями, выступил д.и.н., гл. редактор журнала «Туган жир.

Родной край», рассказавший о роли данного издания в сохранении историко-культурного наследия татарского народа.

21 марта 2024 г. в Казанском художественном училище им. Н.И. Фешина прошла презентация нового издания «Татар киеме. Татарский костюм» (Казань, 2023). На мероприятии выступили члены редколлегии журнала «Туган жир. Родной край», д.и.н. Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов.

В Казани 29 – 2 апреля прошла Международная конференция на тему «История и культура народов степной Евразии: традиции и взаимодействие» при участии более 130 ведущих отечественных и зарубежных ученых (последние были из Монголии, Китая, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Турции, Болгарии, Румынии, Белоруссии), а также представителей дипломатических миссий стран Содружества и дальнего зарубежья, органов исполнительной власти РТ и др. Были заслушаны доклады, в т.ч. членов редакционного совета журнала д.и.н. Д.М. Исхакова, И.Л. Измайлова, к.и.н. З.А. Тычинских. Конференция закончилась принятием Международной программы «История и культура народов Евразии», рассчитанной на 10 лет. Программа еще будет дорабатываться.

5–6 апреля 2024 г. в Тобольске Тюменской области прошла VIII международная научно-практическая конференция «Занкиевские чтения» на тему «Интеграция науки и практики в современном образовательном пространстве: традиции и инновации», посвященная Году семьи. В рамках конференции участвовали с выступлениями казанские ученые д.и.н. Д.М. Исхаков, М.М. Имашева, д.филол.наук О.Р. Хисамов, Ф.С. Сафиуллина, к.фил.н. Э.Х. Кадирова, к. педагог. н К.С. Фатхуллова и ряд др., а также Заместитель руководителя Исполнительного комитета ВКТ – начальник комитета по национальному образованию, культуре и спорту Р.Р. Зиннатуллин.

Редакция журнала «Туган жир. Родной край», начиная с апреля 2024 г. приступила к созданию серии видеофильмов, посвященных истории татарского народа. Уже подготовлены 4 видеофильма, в дальнейшем планируется производство не менее 10 новых видеофильмов. В них будут обсуждаться сложные проблемы, недостаточно освещенные в исторических трудах. В их числе: проблемы истории древних тюрок, кыпчакского

периода истории предков татар, городской цивилизации Улуса Джучи, цивилизационной принадлежности татарского народа и ряд др. Читателям журнала редакция советует после просмотра данных фильмов написать нам о ваших пожеланиях по дальнейшему продолжению данной серии.

Редакциядан

Журналның №1, 2024 басылган Хәмидә Гарипованың «Тел язмышы – ил язмышы» дип исемлэнгән мәкаләсендә техник хата китү сәбәпле, журнал редакциясе авторга һәм Галия Гайнетдиновага гафу үтенү сүзләрен житкерә.

Текстны алдагыча укырга кирәк: «Укытучы-шагыйрә Галия Гайнетдинованың «Үз юлым» дип аталган, Бөтендөнья Татар Конгрессы башкарма комитеты химаясендә, татар һәм рус телләрендә дөнья күргән китабын тәкъдим итү кичәсенә барырга чыккач, уйламаганда-көтмәгәндә, классик язучы Галимжан Ибраһимовның «Кызыл чәчәкләр» повестендагы «Без түбәннән – тормышның төбеннән күтәрелдек», – дигән юллар исемә төште. Күрчә, бүгенге тантананың сәбәпчесе Галия Михей кызының гыйбрәтле язмышы да нәкъ менә шул юлларга сыеп беткән түгелме соң?»...

АВТОРЛАР БУЕНЧА БЕЛЕШМӘ

Бәйрәмова Фәүзия Әүхәди кызы, тарих фәннәре кандидаты, язучы, жәмәгать эшлеклесе.

Борһанов Альберт Әхмәтҗан улы, тарих фәннәре кандидаты, ТР «Татар төбәк тарихын өйрәнүчеләр жәмгыяте» рәисе, Гомумтатар төбәк тарихын өйрәнүчеләр жәмгыяте Советы рәисенәң беренче урынбасары.

Бушков Руслан Аркадьевич, тарих фәннәре кандидаты, Н.А.Заболоцкий исемендәге әдәби премия лауреаты. К(Идел бие)ФУның журналистика һәм медиа-элементә югары мәктәбенәң доценты.

Габдрафиков Илдар Мәхмүт улы, тарих фәннәре кандидаты, РФА УФТУның Р.Г.Кузеев ис. этнологик тикшеренүләр институты этнополитик фәннәр бүлегенәң өлкән фәнни хезмәткәре.

Закорюкина Асия Альберт кызы, рәссам, Тубыл шәһәре «А.А.Алябьев ис. өстәмә белем бирү сәнгәт мәктәбе» МАУ укытучысы.

Измайлов Искәндәр Лерунович, тарих фәннәре докторы, ТР ФА Ш.Мәрҗани ис. Тарих институтының әйдәп баручы фәнни хезмәткәре.

Исхаков Дамир Мәүләви улы, тарих фәннәре докторы, РТФА академигы, БТК Милли Шура әгъзасы, «Туган жир. Родной край» журналының баш мөхәррире.

Койлакаев Алибек Байморат улы, рәссам.

Курчаков Рөстәм Солтан улы, икътисад фәннәре кандидаты.

Туктаров Габдерәшид Әнүәр улы, пенсионер.

Тычинских Зәйтүнә Әптрәшит кызы, тарих фәннәре кандидаты, РФА УрБнең Тубыл комплекслы фәнни станциясә өлкән фәнни хезмәткәре.

Хисамов Олег Ришат улы, филология фәннәре докторы, ТР ФАның Г.Ибраһимов ис. ТӘҺСИ директоры урынбасары.

Хужин Фаяз Шәрип улы, археолог, тарих фәннәре докторы, ТР ФАның мөхбир-әгъзасы.

Шодоев Николай Андреевич, Алтай Белеген жыючы һәм саклаучы, «Тан Чолмон» ордены лауреаты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Байрамова Фаузия Аухадиевна, кандидат исторических наук, писатель, общественный деятель.

Бурханов Альберт Ахметжанович, кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки РТ, первый заместитель председателя Совета ВОК, председатель РОО «Общество татарских краеведов РТ».

Бушков Руслан Аркадьевич, кандидат исторических наук, лауреат Литературной премии им. Н.А. Заболоцкого, доцент Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций К(П)ФУ.

Габдрафиков Ильдар Махмутович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН.

Закорюкина Асия Альбертовна, художник, преподаватель МАУ ДОД «ДШИ им. А.А. Алябьева» Тобольска.

Измаилов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Исхаков Дамир Мавляевевич, доктор исторических наук, академик РАЕН, член Национального Совета ВКТ, главный редактор журнала «Туган жир. Родной край».

Койлакаев Алибек Баймуратович, художник.

Курчаков Рустам Султанович, кандидат экономических наук.

Туктаров Габдрашид Анварович, пенсионер.

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН.

Хисамов Олег Ришатович, доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

Хузин Фаяз Шарипович, археолог, доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ.

Шодоев Николай Андреевич, собиратель и хранитель Алтайского Билика, лауреат ордена «Утренней звезды» – «Тан Чолмон».

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционный совет журнала «Туган жир/Родной край» сообщает что к публикации принимаются статьи и материалы как на татарском, так и на русском языках. В этой связи обращаемся ко всем заинтересованным в развитии указанного журнала авторам с предложением принимать участие в его издании. Для этого необходимо подготовить и направить соответствующие статьи в наш адрес.

Рекомендуемая тематика публикаций:

- *методика и методология историко-краеведческих исследований;*
- *история краеведения и историко-краеведческое наследие;*
- *проблемы региональной истории;*
- *новые археологические, нумизматические, фольклорные и эпиграфические находки;*
- *публикация источников;*
- *история конкретных сел и деревень;*
- *история музеев и публикация музейных коллекций;*
- *жизнь и деятельность выдающихся краеведов и земляков;*
- *использование краеведческих материалов и музейных коллекций в школе;*
- *популярные статьи по краеведению;*
- *краеведческая хроника (конференции, встречи и т. д.);*
- *рецензии, обзоры книг на краеведческую тематику.*

Статьи оформляются согласно указываемым ниже требованиям:

Технические требования к оформлению статей

1. *Внутри публикаций ссылки оформляются следующим образом [Аминов: 2017. С. 82.]; [Денисов: 2012. С. 25; Черкас: 2005. С. 16.]; [ГАОО. Ф. 476. Оп. 3. Ед. хр. 609. Л. 6.]*

2. *Список использованной литературы оформляются согласно ГОСТу и приводятся в алфавитном порядке в конце статьи в виде нумерованного списка:*

Источники и литература

1. Аминов Р.Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 348 с.

2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 98. Оп. 2. Ед. 25.

3. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Ед. 26.

4. Денисов Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин Оренбургского края (XVIII – начало XX в.). М. – Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2012. – 410 с.

5. Черкас Т.Г. Хронограф города. Орск: [Б.и.], 2005. – 67 с.

Редакционные требования к оформлению:

Инициалы и фамилия автора указываются справа, далее по центру публикации идет название статьи.

1. Текстовый редактор – Microsoft Word, в формате .doc или .docx;
2. А 4;
3. Поля: слева – 3 см., справа – 1,5 см. сверху и снизу – 2 см. Нумерация страниц снизу справа;
4. Шрифт – Times New Roman;
5. Размер шрифта – 14;
6. Межстрочный интервал – 1,5;
7. Абзацный отступ – 1,0.

Требования к иллюстративным материалам:

Фотоматериалы и рисунки (сканкопии) принимаются только качественные (в формате JPEG, объемом не менее 3,50 МБ).

Объем публикаций в пределах от 0,5 до 1,0 п. л. (20 000–40 000 знаков с пробелами). К публикациям прилагаются аннотации из 5–6 предложений, а также выделяются ключевые слова (4–5).

Сведения об авторе:

1. Фамилия, имя, отчество _____
2. Ученая степень _____
3. Ученое звание _____
4. Занимаемая должность _____
6. Почтовый адрес с индексом _____
7. Адрес электронной почты (e-mail) _____
8. Контактный телефон _____

Редакция отмечает, что после получения статьи от автора и детального его изучения членами редколлегии, она, в случае соответствия всем требованиям, передается в печать. Если материалы не соответствуют техническим и научным требованиям, статья возвращается автору с замечаниями для устранения недостатков. В связи с большим объемом поступающих материалов редколлегия может ограничиться пересылкой автору, в случае необходимости, соответствующих правил оформления для приведения ее в соответствие с требованиями.

Редколлегия оставляет за собой право размещения публикаций в журнале согласно рубрикаций и наличия мест в выпускаемых номерах. После выхода журнала авторы статей могут получить по одному экземпляру издания.

Авторам выплачивается гонорар. Для этого необходимо вместе с материалом прислать сканкопии паспорта, ИНН, СНИЛС, счет со всеми банковскими реквизитами.

Электронная версия журнала размещается на сайтах Всемирного конгресса татар и «Всетатарского общества краеведов».

Материалы следует присылать по эл.адресу: monitoring_vkt@mail.ru с указанием темы: «Для журнала «Туган жир/Родной край». Допускается и прямая передача публикаций в редакцию, но лишь в электронных версиях. Для этого указываем адрес нашего журнала: Казань, ул. А. Пушкина, 52, офис 303, редакция журнала «Туган жир/Родной край»

Туган жир

Төбәк тарихы буенча журнал
Махсус чыгарылыш – III. 2, 2024

Родной край

Краеведческий журнал
Специальный выпуск – III. 2, 2024

Электронная версия журнала размещается :
<http://tuganzhir.org>

Подписано в печать 30.04.2024г. Формат 70×100 1/16

Усл. печ. л. 19,5 Тираж 999 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета.
в типографии ООО «Грумант»

В данном номере журнала использованы фотографии из личных архивов
авторов

*Поездка в Республику Алтай для организации международной тюркской конференции.
Горно-Алтайск, 2023 г.*

*В ходе работы секции на Международной конференции «История и культура народов степной Евразии: традиции и взаимодействие».
г. Казань. 29.03–02.04.2024.*

*Встреча ветеранов, работников библиотек и краеведов.
Кунашакский район, Челябинской обл. 2023 г.*

Группа участников «Занкиевских чтений». г.Тобольск. 5–6 апреля 2024 г.

*Олег Хисамов и Дамир Исхаков
на «Занкиевских чтениях».
г. Тобольск. 5–6 апреля 2024 г.*

*Встреча З.А. Тычинских
с президентом АН РТ
Р.Н. Миннихановым в рамках
Международной конференции
«История и культура народов
степной Евразии: традиции
и взаимодействие». г. Казань.
29.03–02.04. 2024*

*Краеведческие чтения на базе лицея
№ 149. Азалия Исакова. г. Казань.
31.03.2024.*

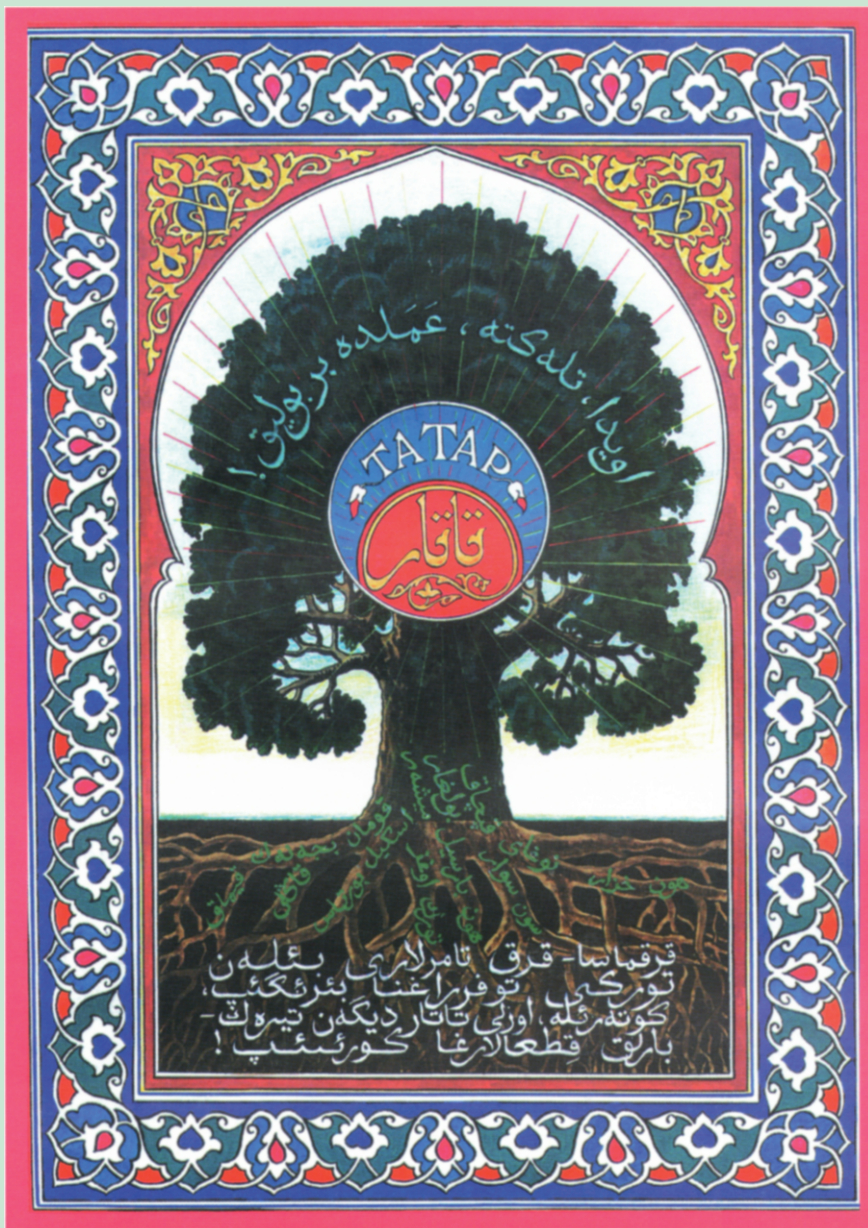
*II-й межрайонный конкурс рисунков
«Легендарная царица Сузге».
Алина Фесенко. 7 лет. г. Тобольск.
6 апреля 2024 г.*

Издания последних лет по татарской культуре.

ТАТАР АГАЧЫ

Бөтендөнъя татар конгрессының II съездына багышлана

Нәҗип Нәккаш эше (кагазь, тушь, гуашь. 40х30 см)

Агач фонында – «Татар! Уйда, теләктә, гамәлдә бер булуйк!»

Тамырларда – татар милләтен оештыруда катнашы булган төрки ырулар, кабиләләрнең исемнәре.

Тамырлар фонында – дүртъюллык:

Кырымаса-кырык тамырлары белән
Төрки туфрагына бергеп
Күтәрелә, үрли татар дигән тирәк,
Барлык кыйтгаларга күренеп.

